ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.

Выпускъ 1.

Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр.

Б. Д. Гринченко.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1895.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемые здѣсь этнографическіе матеріалы представляютъ собою изложенные прозою народные разсказы, легенды, преданія, сказки и проч. Часть ихъ записана въ разное время (отъ 1878 до 1893 г. включительно) лично нами или, по нашимъ указаніямъ и подъ нашимъ руководствомъ, нѣкоторыми учениками тѣхъ школъ, гдѣ намъ приходилось быть учителемъ,—особенно гг. М. М. Нечипоренкомъ и И Д. Шоломіемъ; затѣмъ остальная часть матеріаловъ была доставлена г-жею М. Н. Гринченко и гг. В. Т. Андріевскимъ, А. А. Гарнье, М. А. Дикаревымъ, І. К. Журавскимъ, А. А. Русовымъ, М. В. Рклицкимъ, П. Н. Солониною, В. Ф. Степаненко и П Я. Череватенко; кромѣ того, въ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи рукописяхъ покойнаго Трофима А. Зиньковскаго (род. въ 1861, умеръ въ 1891 г.) мы нашли записанные имъ народные пѣсни и разсказы,—послѣдніе мы присоединили къ своему собранію; наконецъ, мы воспользовались нѣ-

которыми записями покойнаго М. С. Гаврилова. При каждомъ № указано гдѣ (исключеніе представляютъ только записи Т. А. Зиньковскаго) и кѣмъ онъ записанъ; если записыватель не обозначенъ, то запись принадлежитъ намъ.

Почти весь помѣщаемый здѣсь матеріалъ есть достояніемъ *обще-народнымъ* въ томъ смыслѣ, что эти разсказы, сказки и пр. могутъ быть разсказаны каждымъ крестьяниномъ; хотя и есть нѣкоторые изъ нихъ, носящіе личный характеръ (напр. № 51),— однако личное здѣсь только форма, а мнѣнія о фактахъ, составляющихъ содержаніе подобныхъ разсказовъ, общераспространены въ народной массѣ.

Что касается систематизаціи помѣщаемаго здѣсь матеріала, то мы взяли для него тѣ рубрики, которыя приняты были книгою «Малорусскіе народные преданія и разсказы» (Кіевъ, 1876), и желающаго поясненія ихъ прямо отсылаемъ къ предисловію въ этой книгѣ; здѣсь-же только замѣтимъ, что мы нѣсколько измѣнили заглавія нѣкоторыхъ рубрикъ, примѣнительно къ имѣвшемуся у насъ матеріалу.

Читатель встрѣтитъ здѣсь какъ совершенно новые разсказы, сказки и проч., такъ и варіанты разсказовъ уже бывшихъ въ печати. Изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи варіантовъ мы выбрали только тѣ, которые, давая новыя черты, подробности и пр., представляли тѣмъ самымъ интересъ и рядомъ съ напечатанными уже раньше варіантами. Насколько могли, мы отмѣтили подъ соотвѣтствующими номерами тѣ изъ напечатанныхъ

уже народныхъ произведеній, которыя или представляютъ собою варіанты печатаемыхъ здѣсь, или имѣютъ съ ними близкую связь; такія указанія сдѣланы нами только по слѣдующимъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи, изданіямъ:

1. Чубинскій. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной ИМПЕРАТОРСКИМЪ русскимъ географическимъ обществомъ. Спб. 1872—1878. 7 томовъ.

2. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ. Изд. Воронежскаго губернскаго статическаго комитета. Воронежъ. 1891.

3. Ефименко. Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО общества исторіи и древностей Россійскихъ М. 1874.

4. Комаровъ. Нова збирка народнихъ малорусьскыхъ прыказокъ, прысливъивъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь. Одесса. 1890.

5. Манжура. Сказки, пословицы и тому под. Х. 1890.

6. Маркевичъ. Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860.

7. Номис. Украінські приказки, прислівъя і таке инше. Спб. 1864.

8. Рудченко. Народныя южнорусскія сказки. 2 вып. К. 1869—1870.

9. Сементовскій. Малорусскія загадки. Спб. 1872.

10. Шейковскій. Бытъ подолянъ. 2 вып. Кіевъ. 1859—1860.

11. Малорусскіе народные преданія и разсказы. К. 1876.

12. Дешко. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси. (Записки ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго географическаго общества. По отдѣленію этнографіи. Томъ первый. Спб. 1867) и «Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси. (Тамъ-же, томъ второй. Спб. 1862).

13. Кулишъ. Записки о южной Руси. Спб. 1856—1857. 2 тома.

Остальныхъ изданій, въ которыхъ помѣщены прозаическія малорусскія народныя произведенія, мы не имѣли возможности достать, почему и не дѣлаемъ нигдѣ на нихъ указаній. Извиненіемъ въ этомъ недостаткѣ нашей работы могутъ намъ служить затрудненія, съ которыми сопряжено добываніе спеціальныхъ книгъ въ неуниверситетскомъ городѣ.

Заканчиваемъ это коротенькое предисловіе выраженіемъ нашей глубокой благодарности всѣмъ лицамъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе доставленіемъ матеріаловъ.

Б. Гринченко.

Черниговъ.
1894. IX. 17.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И РАЗСКАЗЫ О ЯВЛЕНІЯХЪ ПРИРОДЫ И ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ.

1. ЗИРКЫ.

Бачыте, онде симъ велыкыхъ зирокъ укупи? То звецця *Визъ:* ото чотыри зиркы—колищата, а оти тры, що наче простяглыся, то вія. Бачыте, онъ биля середньойи зиркы ще є маленька зирочка. Вона звецця *Собачкою*. Стари люде кажуть, що вона все прысуваецця до тіейи середньойи зиркы, а якъ уже зовсимъ дійде до нейи, то шось тамъ перегрызе, а тоди вже й буде страшный судъ. Та вже мабуть скоро воно й буде, бо бачыте, якъ уже блызенько.

(Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.).
Манжура, «Сказки», стр. 148-я, «Небо».

См. № 18. Витеръ. II. III.
См. № 23. Рыбалкы.
См. № 28. Орихы та хлибъ.
См. № 19. Дощъ.
См. № 20. Градъ.

2. ПЕСЫГОЛОВЦИ.

Колысь на свити було такъ, що багато було, кажуть, людойидивъ, або песыголовцивъ. У йихъ не такъ, якъ у

насъ, двое очей, а въ йихъ було одно здорове-здорове, бильше, нижъ у вола, и то середъ лоба. Воны часто захвачувалы билыхъ людей, одгодовувалы йихъ волоськымы орихамы и ризалы тила: якъ не йде кровъ то його зовсимъ ризалы и йилы; а якъ ще йде, то годувалы дали, покы оджыріе.

Отъ и попався до йихъ одынъ изъ руськыхъ людей,— воны його поставылы соби лакеемъ. И такъ винъ йимъ полюбывся, що воны його й не ризалы, а все вывирялы, чы винъ не тикатыме додому. А винъ не знавъ куды й дорога и не думавъ тикать. Винъ йимъ готовывъ йисты полозы, зъ гадюкы шматкы. Воны йому велилы, щобъ винъ йихъ не йивъ. «А то»,—кажуть,—«якъ йистымешъ, то вмрешъ!»—Отъ винъ такы довго й терпивъ, а дали й каже: «все 'дно умру: одна смерть! не буду мучыцця у йихъ!» И съ того времня зачавъ йисты крыхиткы съ тыхъ полозивъ, а не вмиравъ. Винъ усе ти крыхты йивъ и йивъ и ставъ уже знать, де яка трава и одъ чого вона и узнавъ, куды дорога додому и що його ридни жыви. Отъ винъ и надумавъ тикать. Зобрався, наготовывъ усього у дорогу и рушывъ. Иде винъ и йде,— колы таке болото, шо ни пролизты, ни пройты, передъ нымъ простылаецця,—бильше, нижъ на пивъ верствы. Винъ узявъ нарвавъ ситныку, обмотався увесь и сякъ-такъ перелизъ черезъ тее болото. Песыголовци кынулысь за нымъ, а винъ уже на тимъ боци. Крычать йому: «вернысь!»—«Ни вже»,— каже,—«не вернусь!»—«Ну, ошморгны хоть будякъ!»—«Не хочу!»—«Ну, огляныся назадъ!»—Винъ оглянувся назадъ и забувъ половыну того, що знавъ. Прыйшовъ винъ до дому,— колы його ридни вси жыви и таки ради йому. Винъ рвавъ травы, котри не позабувавъ одъ чого, и личывъ людей до своейи смерты, а якъ умеръ, то вси по йому дуже плакалы.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Запис. И. Шоломій въ 1885 г.).

3. КОМАРИ.

Дарма, бачте, що комари яка никчемна тварючка, а й йимъ досадно стало, що якъ укусыть комарь чоловика, то той розитре його,—та мовъ не було комаря й на свити. Досадно йимъ стало,—отъ воны й пишлы до Бога та й кажуть: «за що ты, Господы, обидывъ насъ? бо якъ укусыть комарь чоловика, то чоловикъ роздаве його, та мовъ не було комаря й на свити; дай, Боже, такъ, щобъ чоловикъ не розитеръ нашыхъ кистокъ, а щобъ воны валялысь по свиту и щобъ чумакы одбывалы объ йихъ оси».—А хто вы таки?—пытае Богъ.—«Мы святого Петра пивчи».—Ну, прыйдить-же на Риздво та заспивайте мини!—«Э, Господы! якъ прыйде Спасъ,—половыны не стане насъ!»—Такъ хай-же вамъ такъ и буде!—

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьк. губ. Отъ жинки записалъ М. Нечипоренко въ 1886 г.).

Манжура, «Сказки», стр. 147-я, «Комаръ».

4. КОМАРИ. (ВОРОЖКА).

Ажъ, кажуть, шукавъ чоловикъ воливъ. Пишовъ винъ, по лисахъ—ходывъ-ходывъ, ходывъ-ходывъ,—день, другый, третій, може й тыждень—нема! А дали узявъ та й пишовъ до ворожкы. Вона заразъ роскынула на картахъ и каже йому: «пиды»,—каже,—«ранкомъ до лису та глянь угору,—то стоятыме червоный стовпъ,—туды и йды». Выйшовъ винъ ранкомъ, дывыцця—стовпъ червоный: винъ и пишовъ. А воны *(волы)* булы зъ налыгачемъ: замоталысь у кущахъ та й стоять. Такъ комаривъ така сыла налетила, и почалы воны пыты зъ йихъ кровъ. Пылы, пылы—ажъ червони одъ кровы поробылыся,—якъ пиднялысь стовпомъ—такъ якъ жаръ горять. То ти вже волы тилькы—тилькы що жыви булы.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., отъ дида Ивана Ковалева).

5. ЖАВЫ.

Де жабивъ багато, то въ тому кущи картопли якъ начынено. Що грибнешъ картоплю (на городи), то й жаба.

(Харьковскаго у. с. Хорошевъ, отъ жинки въ 1882 г.).

6. ГАДЮКЫ ПИДЪ ЧЕСНОГО ХРЕСТА.

Пойихавъ ото я саме пидъ Чесного Хреста у лисъ дрова рубаты. Узявъ хлиба шматочокъ, а воды такы не бравъ: була тамъ у лиси копанка (покійный батюшка усе було щогоду вычыща йийи). Сивъ я пидъ возомъ, иззивъ той хлибъ, напывся воды та й сыджу, ажъ дывлюся, а йихъ (гадюкъ) суне ажъ пъять - се, бачъ, передни; дали ще, дывлюсь, лизуть. Отъ я узявъ сокыру, сыджу та й рубаю йимъ головы; воны лизуть, а я рубаю. Рубавъ-рубавъ,—ажъ рукы заболилы,—а воны все лизуть. Дали взявъ, перескочывъ просто черезъ йихъ та до шкапы: чы не вкусылы йийи? Ни, дывлюсь, туды не лизуть, а все прозъ мій визъ. Почавъ я ждаты. Ждавъ-ждавъ, а воны лизутъ та й лизуть смужкою—такъ, якъ отъ комашня або салдаты йдуть. А вже часъ и дрова рубаты. Треба було мини самотужкы визъ тягты; перетягъ, запригъ шкапу—дывлюсь, и воны вже пересталы лизты. Почавъ я рубаты дрова, а йихъ пидъ кожнымъ кущемъ такъ и е штукы дви або тры. А ти, що головы поодрубувавъ, (штукъ зъ дванаццять, а мо й бильшъ буде) лежать соби та ворушацця. То я узявъ та й перейихавъ на друге мисто рубаты дрова.

— Куды-жъ це воны лизлы?

— Та се жъ воны пидъ Чесного Хреста умисто збираюцця у свойи скоты.

(Село Великая Даниловка Харьковскаго у. Записано отъ рыбалки, дида Мыкиты Бабки въ 1878 г.).

См. «Млр. пред.», стр. 11, № 32.

7. ГАДЮКА ЗЪ ЗОЛОТЫМЫ РОГАМЫ.

Хто бувае часто въ лиси въ такому, де е блызько вода, де е лозы, то тамъ йому прыходыцця бачыть багато гадюкъ простыхъ, що у йихъ на голови немае золотыхъ ригъ; а есть таки гадюкы, що мають йихъ: у котрои гадюкы бувають воны бильши, а у котрыхъ меньши. У котройи гадюкы бильши рогы,—у тыейи царськый чынъ, якъ звецця; а у тыейи—меншый царського.

Хто побаче гадюку зъ золотымы рогамы и зна якъ добуть ти рогы,—кладе червоный поясъ суконный (теперъ таки поясы вывелысь, не носыть нихто, хыба де ридко побачышъ) або суконну червону стьожку, куды вона лизе,—упередъ (вона не зверта у другый бикъ або назадъ, а лизе все прямо). Вона долизе до пояса або до стьожкы и зачне пыщать по маленьку, потимъ дужче, потимъ ище дужче, и якъ хто блызько стойить, то вона такъ пыщыть, що його ажъ заглуше: йий не хочецця жъ скыдать, а никуды дицця. И покы пыщыть-пыщыть,—и кладе йихъ на поясъ або на стьожку.

Такыхъ гадюкъ прыходыцця багато бачыть у синтябри мисяци 14 чысла, якъ воны лизуть у свій барлигъ на зиму. Передъ веде та гадюка, що мае золоти рогы. Люды назнарошкы ходять у сей день уранци у лисъ и такъ роблять, якъ сказано. Хто си гадючи золоти рогы мае, у того буде багато грошей, буде, якъ сказано, щаслывый. И тійи рогы бережуть якъ ока и никому не продають.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Запис. И. Шоломій въ 1885 г.). «Млр. пред.», стр. 11, № 32).

---

8. ГАДЮКА.

Довелось и мини бачыты таку гадюку, що я николы такойи й не бачыла. Пишла я въ лисъ по ягоды, выйшла

на поляночку,—дывлюсь,—лежыть гадюка, та така товстюча, що я кажу-жъ, николы й не бачыла, та била, якъ оця чашка, а рогы на переди таки здорови. Такъ я подывылась-подывылась та й пишла, побоялась йийи быты: може вона царыця йихня. Кажуть люде, якъ зустринешъ таку гадюку, то простелы поясъ або що небудь шыроке та скажы: «Гадынко-матинко! скынь мини хочъ рижечокъ!»—такъ вона й скыне. То ото, колы хочете, буде тому чоловикови щастя.

(Зміевскій у. Харьковск. губ. въ 1881 г.).
«Млр. пред.», стр. 11, № 32.

9. ДВИ СЫНЫЦИ ТА ОРЕЛЪ.

Дви сыныци здумалы зъ орломъ быцця: «то, що одынъ-одынъ, а насъ якъ два, то два!»—Орелъ одну вхватывъ и задавывъ, а одна зосталась и каже: «а що? то такы шо одынъ, то одынъ, а насъ шо два, то два!»—Яка умна!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

10. ЗОЗУЛЯ.

Зозуля на Петра мандрыкою вдавыцця—хрынко стане куваты.

(С. Семеновка (Чунышына) Константиногр. у. Полт. губ. въ 1883 г.).

11. СОЛОВЕЙКО.

Соловейко щебече, покы жыто почне колосъ выкыдаты, а тоди вже його не чуты.

(Тамъ-же).

См. № 37. **Подушкы.**
См. № 29. **Курчата.**

12. КАЖАНЪ.

Кажанъ—це мыша, що свяченого ухопыть, то въ нейи крыла выростуть.

(Полтавская губ. Константиноградскій у., село Семеновка (Чунышына) въ 1883 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 55-я: «Мышь обыкновенная и летучая».

См. № 24. **Вовкы.**
См. № 18. **Витеръ I.**
См. № 19. **Дощъ III.**
См. № 21. **Завирюха.**

---

13. ЧЕРЕЗЪ ЩО СОБАКА СЪ КИШКОЮ ГРЫЗУЦЦЯ.

— Якый у васъ, пане, китъ биленькый.

— Се винъ теперъ биленькый, бо на двори тепло, а якъ на двори холодно, то винъ съ печи й не вылазе, усе сыдыть у печи,—черезъ те завше бува у сажи.

— Ну, а скажить мини, пане, черезъ що коты грызуцця съ собакамы и черезъ що воны не жывуть лагидно?

— Се не завше такъ бувае, шобъ собака съ кишкою грызлася; отъ у мене була собачка, шо вона николы не грызлась исъ сіею кишкою, а тилькы гралысь.

— Може пански й не грызуцця, а мужыцьки безъ сього не можуть—собака съ кишкою завше грызецця, а одъ якого часу?—ось, послухайте!

То колысь хлибъ родывъ, а дали хлиба того не стало. Ну, люде й собакы прямо пропадають зъ голоду. Одна собака й пишла до Бога—просыть хлиба. Богъ давъ йій усякойи пашни потрішкы, давъ йій и роспыску, а въ ній сказано: «шо буде хазяйинъ йисты, шобъ те й тоби дававъ».—

Прыйшла собака до дому, дала хозяйинови той хлибъ. Чоловикъ посіявъ усе шо було,—воно вродыло.—Хазяйинъ самъ йисть и собаци тежъ дае. Ходыть собака по надвирью й мокне; ну, прыходе собака до кота й говоре: «на, брате коте, тоби отсю запысочку: ты въ хати, въ сухому, сыдышъ, то й запысочка николы не помокне».—Сыдивъ китъ у хати, а якъ на двори похолоднишало, и китъ улизъ у пичъ. Жинка затопыла у печи, а китъ выскочывъ звидты и забувъ узять съ собою съ печи роспысочку.

Хазяйинъ варе соби йисты и съ того часу не дае собаци йисти того, шо й самъ йисть, а дае—высивкы, помыйи... Та собака баче, шо вже мужыкъ не дае йій того йисты, шо й самъ йисть, прыйшла до кота та й пыта: «А де та,—говорыть,—запысочка, шо я тоби давъ?»—«Я»—каже китъ,—«сыдивъ у печи, грився, жинка топыла, я выскочывъ и запысочку тамъ забувъ, а вона й згорила у печи».—Тоди собакы зачалы котивъ рваты й николы воны не мырящця.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

«Малор. нар. преданія и разсказы», стр. 197, № 44. «И собакамъ надобенъ паспортъ».—Чубинскій. Труды. I, в. 1-й, стр. 53. «Собака».

---

14. КОРОВА.

Корова очень чувствительна къ дурному глазу,—вотъ отчего въ селахъ нельзя обзавестись хорошими коровами, а въ городѣ можно,—тамъ меньше людей съ дурнымъ глазомъ. Съ коровой вообще надо обходиться вѣжливо, ласково и почтительно. На Пасху съ ней христосуются, даютъ святости, твердое вымя мажутъ четверговымъ яичкомъ, подкуриваютъ смирной и пр. Бросая корову доить, даютъ ей хлѣба-соли—«одходного», какъ работнику при разсчетѣ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

См. № 31. Дійкы у коровы.

---

15. КОВАЛЬ И ЧОРТЪ.

Якъ чоловикъ хотивъ щось куваты, та не знавъ ще, бачъ, що треба туды й писку. Отъ, нèпрыятель и прыходыть до його.

— Що ты робышъ?

— Та, бачъ,—кую.

Чортъ и дума соби: «Ну, нехай-же! вже винъ безъ писку не зробыть!» Та й пишовъ.

Отъ, той кувавъ, кувавъ, а писку, бачъ, не кладе: не знае,—ніякъ не зробыть! Узявъ та й покынувъ.

Отъ, *той* упъять прыходе.

— А що, зробывъ?

— А то жъ—ни!

— Э! та ты мабуть писку кыдавъ?—каже чортъ.

А той чоловикъ тоди соби: «Эге! пидожды жъ!...»— Та якъ пишовъ *той*, винъ и почавъ зновъ робыты и писку вже кыда,—та й зробывъ.

Отакъ навчывсь ковалюваты, а то не вмилы.

(Записано въ с. Великая Даниловка Харьковскаго у. отъ дида Ивана Ковалева).

---

16. С К Л О.

Везлы разъ чумакы селитру у грудкахъ и довелося йимъ ночуваты на такому мисци, що скризь самый писокъ. Сталы варыты вечерю. Одынъ чумакъ знявъ съ свого воза дви грудкы селитры и положывъ на писку, наклавъ мижъ йихъ багаття, а зверху поставывъ казанокъ. Повечерявшы, полягалы спаты. Уранци чумакъ хотивъ покласты свою селитру на визъ, колы бачыть, ажъ тамъ, де було багаття, лежыть щось зовсимъ не таке, якъ селитра. Винъ тоди давай гукаты:

«хлопци, хлопци! гляньте, що воно таке *стекло?*» Пидійшлы други чумакы и сталы роздывляцця. А дали й догадалысь, що якъ селитра й писокъ дуже розигрилысь одъ жару, то зъ йихъ и зробылось те, що йихъ такъ здывувало. «Такъ хай же воно й звецця стекло!»—сказавъ той чумакъ, що першый побачывъ. Съ того часу й навчылыся робыты скло, а попереду не вмилы.

(Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.).

---

17. ПРО ТЮТЮНЪ.

Якъ розгнивався Богъ на чортивъ, то почавъ йихъ изъ неба скыдаты. Якъ пхнувъ одного чорта, такъ винъ летивъ-летивъ та й настромывся у Рудычевимъ гайи, що пидъ Вертіевкою, на суховерхого дуба. Высивъ той чортъ тамъ доты, ажъ покы почала зъ його порохня сыпацця. Якъ попадала та порохня на землю, такъ съ тіейи порохни и почала росты розсада тютюнова. Люде почалы йійи брать та курыть и нюхать и у себе порозводылы.

Записано А. А. Гарнье въ Черниговскомъ у. въ 1894 г. отъ козака Ивана Антоновича Лазаря (75 лѣтъ).

II.

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ

18. ВИТЕРЪ.

I.

Кишка на мишокъ дерецця—на витеръ.
(Константиногр. Полт. губ. въ 1883 г.)

II.

Зоря погорила дуже—на витеръ.
(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

III.

Нельзя бросать въ огонь зеленыхъ листьевъ дуба: подымется вѣтеръ.
(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.)

---

19. ДОЩЪ.

I.

Якъ молодыкъ гострый та черево видквасывъ, то мисяць буде дощовый.
(Зміевской у. Харьк. губ.)

II.

Мисяць дощовый буде, бо якъ народывся, то рижкы у нызъ спустывъ; а якъ такый, що такъ и позавывае рижкы угору, то не буде дощу.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

III.

Якъ собака пасецця—дощъ буде.

(Сл. Семеновка (Чунышыно) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ. въ 1883 г.)

IV.

Якъ сонце заходыть за стину (=за хмары), то буде дощъ на другый день, а якъ заходе чысто, то не буде.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

V.

Чтобы вызвать во время засухи дождь, обливаютъ водою пастуховъ, такъ какъ пастухи, чтобы не испортилась отъ дождей ихъ одежда, собираютъ дождевую воду въ горшокъ и держатъ ее подъ печью. Въ 1892 г. въ окружномъ судѣ судили крестьянъ дер. Фаевки за то, что они, съ цѣлью вызвать дождь, бросили въ болото крестъ, взятый ими съ могилы, въ которой былъ похороненъ по христіански «вислый человѣкъ».

Вызываютъ дождь еще такъ: дивчата и парубки ночью пашутъ на себѣ улицу, рвутъ съ огорода овощи и садятъ ихъ въ свѣжія борозды, приглашая дождь полить посаженное.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.)

20. ГРАДЪ.

I.

Оце сьогодня градъ ишовъ, то выкынулы рогачъ. Треба ще було кочергу й лопату (ту, що хлибъ у пичъ сажають), та николы було. Якъ выкынуты, то ничого не побъе.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 29.

II.

См. № 38. Тканіе (волки, жито, гроза и градъ).

---

21. ЗАВИРЮХА.

Собака колы качаецця зимою, то буде завирюха.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

---

22. МИСЯЦЬ.

Не можно показуваты пальцемъ на мисяць, бо палець усхне, а колы вже покажешъ, то прыкусы палець.

(Харьковск. губ. Записала М. Н. Гринченко).

---

23. РЫБАЛКИ.

У придесенскихъ жителей съ рѣкой Десной связаны слѣдующіе повѣрья и обряды. День 17 марта (Алексѣя) празднуется съ особымъ почтеніемъ. Въ этотъ день рыбалки «зачинають» плести сѣти; если Алексѣй приходится въ среду или пятницу, то будетъ весь годъ мало рыбы. Къ этому

дню обыкновенно вскрывается Десна, которая стоитъ обыкновенно или 17 или 21 недѣлю. Замерзаетъ и вскрывается Десна только тогда, когда получитъ утопленника (жертва). При вскрытіи въ Десну бросаютъ хлѣбъ-соль—«проводины». По вскрытіи, пока не войдетъ въ берега, Десна «гуляе» 12 разъ. Это состоитъ въ томъ, что въ тихую погоду по ней до самаго дна ходятъ большія волны; въ такое время ѣздить по ней не слѣдуетъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ. Черниг. губ.).

24. ВОВКЫ.

I.

У Велыкій Даныливци (Харьков. у.) на довгому дрючку становлють биля хаты колесо: дрючокъ стойить, а колесо згоры наштрыкнуто, «щобъ звиръ обходывъ».

II.

См. № 38. Тканіе (волки, жито, гроза и градъ).

25. ВЫШНИ.

I.

Колы на Катерыны (24-го ноября) нарызаты гилочокъ зъ вышни та поставыты ихъ у води на покути, такъ воны росцвитуть икъ новому году, колы буде на ныхъ урожай, а колы ни, то не росцвитуть.

(С. Великая Даниловка Харьк. у. Отъ старой живки Палажки Ковалевой).

II.

Вышни на Катерыны дивчата рижуть боси до схидъ сонця. Кожна намичае свою гилочку, чымъ небудь перевъязуючы, и становлють у воду въ глечыку. Чыя зацвите,—та дивка замижъ пиде скоро. А якъ шо стари люде, то загадують, чыя зацвите, той жытыме рикъ, а чыя всхне—той умре.

(Богодуховскій у. Харьковской губ. Записала М. Н. Гринченко).

---

26. ХОЗЯЙСКІЯ ПРИМѢТЫ.

1. На Христю (Св. мученицы Христины—13-го марта) сѣютъ разсаду.

2. Въ страстной четвергъ холощаютъ животныхъ.

3. Въ ночь на Юрія (23 апрѣля) не выгоняютъ лошадей пастись на ночь.

4. На самого Юрія стригутъ лошадямъ гривы и хвосты, чтобъ лучше росли.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

---

27. С И Н О.

Якъ деркачъ которого году задерe поперeдъ перепилкы, то сино буде дороге.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

28. СКОТЫНА.

Якъ купышъ скотыну, то наберы у ротъ горилкы да й спорсны, то скотъ не буде быты.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

29. КВОЧКА.

I.

Пидъ курку треба пидкладаты еець не до пары: або одынадцятеро, або трынадцятеро.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

II.

Квочку пидсыпаты годыцця увечери, якъ сонце зайде, съ картуза або съ шапкы. Яець пидсыпаты не до пары: сімнадцятеро або девъятнадцятеро.

(Записала М. Н. Гринченко въ с. Исаковой Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.).

---

30. ЗУБЫ У СКОТЫНЫ.

Якъ падають у скотыны зубы, то найды зубъ їйи да заховай. А якъ продасы скотыну, то возьмы тулькы їйи да прысмалы зубъ, то хочъ бы куды продавъ, дакъ прыбижыть.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

31. ПОСѢВЪ.

Передъ посѣвомъ сѣятель читаетъ: «во имя отца...... въ добрый часъ!», а посѣявши, говоритъ: «уроды, Боже, на трудящого, на ледащого, на просящого, на крадящого и на всякую долю!».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

---

32. ОРИХЫ ТА ХЛИВЪ.

Це вже завсиды: якъ орихы вродють, такъ хлибъ не вроде.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у.).

33. КУРЧАТА.

Це вже я запрымитыла, що тоди, якъ жыто красуецця,— николы гарныхъ курчатъ не выводыцця: треба або ранишъ, або пизнишъ.

(Село Великая Даниловка Харьковскаго у. отъ старой жинки Палажки Ковалевой).

34. ПЪЯТНЫЦЯ. ПОНЕДИЛОКЪ.

У пъятныцю не можна сажи трусыты.

(Сл. Семеновка (Чунышино) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ. въ 1883 г.).

У понедилокъ не можно лугу спускаты.

(Записала М. Н. Гринченко въ с. Исаковой Славяносербскаго уѣзда Екат. губ.).

35. ЗОЛИННЯ.

Якъ золышъ, такъ треба личыты окропы, щобъ не вылыты до пары. Треба вылыты симъ або девъять, або одынадцять окропивъ.—Якъ золышъ полотно, то треба сыпаты въ жлукто пшоно, шобъ жовте полотно було.

(Записала М. Н. Гринченко тамъ-же).

36. ДІЙКЫ У КОРОВЫ.

Якъ молоко на огонь збижыть, то дійкы у коровы порепаюцця.

(Константиногр. у. Полт. губ. с. Семеновка (Чунышына) въ 1883 г.).

---

37. МОЛОКО И МЕДЪ.

Если весною первыя бабочки будутъ бѣлаго цвѣта, то годъ будетъ молочный, а если желтаго, то хорошій годъ на медъ (пчелу).

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

---

38. ТКАНІЕ (ВОЛКИ, ЖИТО, ГРОЗА И ГРАДЪ).

Внезапные и упорные набѣги на деревню волковъ объясняютъ тѣмъ, что кто-нибудь изъ жителей принесъ изъ другого села ниты или цѣвки отъ кросенъ. Ищутъ по селу виновника дѣйствія и жестоко съ нимъ расправляются. Изъ дому въ домъ ниты можно переносить только до заката солнца,— иначе подохнетъ скотина.

Нельзя ткать и бѣлить полотна во время цвѣтѣнія жита, чтобъ не навлечь на хлѣбъ грозы и града. Повѣрье это до того сильно у народа, что сельская полиція у ослушниковъ рѣжетъ основу.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

---

39. ШВАЧКА.

Чтобъ у швачки не потѣли руки, нужно, чтобы она тайкомъ взяла нищаго за торбу.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниго. губ.).

---

40. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

При крещеніи незаконнорожденнаго, куму не худе подвязаться обротью: будуть водиться кони.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

---

41. ЗЛОДІЙСТВО.

Кажуть, що якъ умре маленька дивчынка та тры дни полежыть у лми, такъ тоди одкопай та одрижъ у нейи руку, обійды трычи кругъ хаты, то хочъ усе повытягай съ хаты,— не почують.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго уѣзда).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 96. «Относительно воровства». «Малор. преданія», стр. 67, № 5: «О мертвой рукѣ и о свѣчѣ изъ человѣчьяго жиру».

---

42. ПОЖАРЪ.

Колы дытына згорыть на пужари, то це погано: кажуть люде, що ще горитыме.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

---

43. ВОЛОССЯ.

I.

Жинкамъ у середу та въ пъятныцю не треба чесацця, бо волосся (що пада) розлитаецця по дванадцяты дворахъ и съ того робыцця волосъ.—А въ дивчатъ, кажуть, коса не ростыме.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

II.

У недилю й у пъятныцю жинкамъ грихъ чесацця, бо квочкы гребтымуцця у грядкахъ; а дивчатамъ у недилю грихъ.

(С. Исакова Славяносербск. у. Екатеринослав. губ.).

III.

Дивчатамъ не треба шапокъ надиваты: волосся не ростыме.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

IV.

Не слѣдуетъ замужней женщинѣ до солнца и по закатѣ солнца чесать волосы, такъ какъ въ темнотѣ можно ихъ растерять, послѣдствіемъ чего отъ наговора появится болѣзнь на рукахъ и ногахъ—«волосяницы».

(Записано М. В. Рклицкимъ въ Новгородсѣвер. уѣздѣ Черниговск. губ.).

V.

Оце сьогодня дощъ ишовъ, такъ я й одкрыла голову, щобъ коса росла, бо, кажуть, видъ дощу лучче ростыме.

(Отъ дивчыны Докіи Ковалевои въ с. Великая Даниловка Харьк. у.).

---

44. ПОДУШКИ (ГОЛОВНАЯ ВОЛЬ).

Изъ перьевъ и пуха дикихъ утокъ не слѣдуетъ дѣлать подушекъ: будетъ болѣть голова, да и пухъ весь вылѣзетъ изъ подушки.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

---

45. СОНЪ.

Колы якый поганый сонъ сныцця у неделю, покы ще съ церквы не выйшлы, то грихъ тому буде, кому сонъ прысныvся.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

---

46. ГИСТЬ.

Пивень на порози спива—гисть буде.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.).

Чубинскій, «Труды», т. І., вып. 1, стр. 58: «Курица».

---

47. МАТЫ Й ДОЧКА.

Ложка за обидомъ у жинкы пада—маты дочку згадуе.

(Село Семеновка (Чуныщына) Константиноградскій у., Полтавской губ. въ 1883 г.).

---

48. ЗАМУЖЕСТВО СО ВДОВЦОМЪ.

Если женщина выйдетъ за вдовца, у котораго грудной ребенокъ отъ первой жены, то вышедшая замужъ должна несвоевременно умереть.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

---

49. ЛЕЖАЧЫЙ.

Переступать черезъ лежачого грихъ: умре. Треба навпакы переступыты.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

---

50. МОЛЕВЕНЪ НА „ОВИДНЫКА“.

Этотъ молебенъ отправляется по заказу. Но при этомъ ставится непремѣнныъ условіемъ, чтобы, вмѣстѣ съ преданіемъ обидчика анафемѣ, обиженный въ то-же время согласился принять на себя грѣхи своего врага.
(Записалъ П. Н. Солонина въ Полуботкахъ, Масанахъ и пр. Черниг. у.).

---

51. СМЕРТЬ.

Смерть начинаетъ свое дѣло съ ногъ, такъ какъ прежде всего ноги теряютъ чувствительность («за палець возьмы—не чуе, а дыше»), потомъ хватаетъ за руки, за голову, поретъ животъ, гдѣ сидитъ душа, и даетъ ей изъ пляшки зелля. Выпивши зелля, душа вылетаетъ и садится на образахъ. Теперь она смѣется надъ тѣломъ, что оно сдѣлалось мертвымъ. «А развѣ тѣло виновато? ему только нужна одежа, а пить и ѣсти не тѣло, а душа бажае». Послѣ похоронъ тѣла душа остается въ хатѣ шесть недѣль; для нея все это время стоитъ вода и лежатъ паляницы; черезъ шесть недѣль душа идетъ по мытарствамъ. Въ гробъ покойнику кладутъ шапку, ногти, чтобъ удобнѣе взбираться на тотъ свѣтъ, иногда и водку. Ребенку кладутъ бубликъ. Если занимаютъ часть чужой могилы, то кладутъ въ гробъ копѣйку «откупного»; кресты на могилахъ, если не управились поставить въ день погребенія, ставятъ на проводы или въ чистый четвергъ. Родичей поминатъ въ три родительскія субботы (Дмитріевскую, Кузьмо-Демьяновскую и Михайловскую); во всѣ эти субботы, а также въ день смерти родича пекутъ блины, чтобъ доставить удовольствіе душѣ умершаго. Блинъ держатъ подольше на сковородѣ; въ блинномъ парѣ и витаетъ душа—«парится».

Въ дни поминовенія родичей нельзя мять пеньки, прясть и чесать шерсти, чтобъ кострицей не засорить глазъ покойникамъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

---

52. СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Колы обризуешъ ньохти, то треба йихъ усе въ пазуху кыдаты, бо якъ прыйдецця на страшному суди на скляну гору до Бога лизты, то й злизешъ черезъ те.

(С. Великая Даниловка Харьк. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 87-я. «Ногти».

III.

ЗНАХАРСТВО, ЗАГОВОРЫ И ПРОЧ.

53. ХВОРОВЫ.

На срѣтеніе, когда встрѣчается лѣто съ зимой, на стекающей съ крыши снѣговой водѣ надо замѣсить коржъ и давать отъ хворобъ людямъ и скоту.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

54. СГЛАЗЪ.

Крестьяне убѣждены въ губительномъ дѣйствіи нехорошаго глаза. Люди съ дурнымъ глазомъ появляются главнымъ образомъ оттого, что ихъ въ дѣтствѣ дважды припускали къ груди.

Желаніемъ оградить себя и свое хозяйство отъ дурного глаза объясняется строго соблюдаемое въ народѣ повѣрье— не давать ничего изъ дому на сторону въ важные почему-либо дни (на заговѣны, во время вывозки навоза, день, когда телится корова и во время сѣвбы хлѣба).

Отъ сглазу трутъ испорченнаго солью, а также прибѣгаютъ къ отговорамъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниго. губ.).

55. ХОЛЕРА.

Въ одномъ изъ селъ до сихъ поръ празднуется день, именуемый «холерка» въ память оставленія въ этотъ день холерой означеннаго села. Въ 1893 г. въ пораженныхъ холерою селахъ, еще задолго до появленія ея, на дубовыхъ листьяхъ, на которыхъ садятъ въ печь хлѣбъ, появились откуда-то маленькія и тонко отдѣланныя изображенія змѣекъ и ящерицъ, такъ что листъ этотъ перестали употреблять въ дѣло. Во время сильнаго развитія холеры вдовы и дивчата, одѣвшись по праздничному, ходили по селу щедровать, какъ будто подъ новый годъ; на защедрованныя деньги нанимали молебенъ и ставили свѣчу. Одного покойника положили въ гробъ ницъ, «щобъ сюды не ворочався», а другому хотѣли сковать руки («заковать холеру») и только состраданіе къ покойнику, боязнь, чтобы онъ на томъ свѣтѣ не ходилъ въ наручняхъ, удержало народъ отъ этой мѣры. Чтобы холера не вошла въ село, дорогу передъ селомъ заставляли «заставомъ» (доска отъ мельничной шлюзы»); существуетъ также повѣріе, что холера идетъ противъ воды медленнѣе, чѣмъ за водой.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

---

56. ПРОПАСНЫЦЯ.

I.

Кожну весну, якъ тилкы побачышъ комашню уперше,—треба йійи найистысь, и николы не буде пропасныци. Я якъ тилкы йійи вбачу,—заразъ у ротъ,—и николы цього лыха не бува.

(С. Великая Даниловка, чоловикъ Павло Тыщенко).

II.

Отъ лихорадки: 1) Мизинецъ лѣвой руки обернуть пленкой отъ сырого яйца и носить такъ до тѣхъ поръ, пока лихорадка не кинетъ. 2) Настой полыни въ водкѣ. 3) Вывести больнаго на зарѣ «къ могилкамъ» (на кладбище), заставить трижды плюнуть и затѣмъ бѣжать безъ оглядки.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговской губ.).

---

57. ДЫТЫНА.

I.

(Все, заключающееся въ этой главѣ, записано П. Н. Солониною въ Черниговской губ. (*).

А. Роды. 1. Чтобы вызвать усиленныя потуги, роженицѣ напихиваютъ въ ротъ ея волосы, которые, производя тошноту, усиливаютъ этимъ потуги.

2. Для того-же женщину, готовящуюся родить, водятъ на перекрестокъ съ особыми приговорами.

3. Для поднятія живота употребляютъ настой травы «поднимокъ», цвѣты которой похожи на ландышъ, но только *желтаго* цвѣта.

4. Для облегченія страданій при родахъ слѣдуетъ переступить черезъ три порога.

Для того-же отворяютъ въ церкви царскія врата.

5. Для облегченія родовъ, вѣшаютъ роженицу за ноги внизъ головой, или просто стараются «вытрясти» ребенка.

6. О томъ, какого пола будетъ новорожденный, судятъ по формѣ и объему живота беременной женщины: если жи-

---

(*) Не желая разрознить систематически записанный матеріалъ, мы помѣстили здѣсь и примѣты, которыя должны-бы находиться собственно во II отдѣлѣ.

вотъ выпячивается впередъ, то будетъ мальчикъ, а если толщина его распространяется въ ширь, въ бедра, то будетъ дѣвочка.

Еще есть относительно этого примѣта: если у родившагося ребенка имѣется сзади головы косичка, то слѣдующее дитя будетъ дѣвочка.

Если беременная женщина подаетъ правую руку, то у нея родится сынъ, а если лѣвую, то дочь.

7. Беременной женщинѣ не слѣдуетъ ни въ чемъ отказывать; иначе у того, кто отказываетъ, мыши могутъ что-нибудь съѣсть или испортить.

В. Ребенокъ. 1. Каждый, входящій въ домъ, гдѣ находится только что родившійся ребенокъ, долженъ, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, произнести: «Христосъ воскресъ!» — хотя бы роды пришлись вовсе не на Свѣтлую недѣлю.

2. Отъ кровотеченія изъ пупка у новорожденнаго прикладывать къ пупку распаренную изюмину, выбравъ изъ нея косточки.

3. Отъ болѣзненнаго потягиванія ребенка: при купаніи перелить воду черезъ коромысло.

4. До году не слѣдуетъ дитя подпоясывать.

5. Появленіе соплей служитъ признакомъ зарождающагося пониманія у ребенка.

6. Не слѣдуетъ, при купаніи, класть дитя ногами къ *восходу* солнца.

7. Не слѣдуетъ качать пустую люльку: дитя спать не будетъ.

8. До году, не слѣдуетъ выворачивать дѣтскихъ рубашекъ, а также, при стиркѣ, не годится ихъ бить прачемъ.

9. Если новорожденное дитя не беретъ груди, то мать или кормилица должна помазать предварительно соски свои собственною слюною.

10. Не слѣдуетъ мальчикамъ давать имена по календарю *назадъ*.

11. «Не годыцця дытя зваты жабою: тры дни писля того росты не буде». (Нянька Орына).

12. Не слѣдуетъ позволять дитяти смотрѣться въ зеркало: будетъ спать неспокойно. (Отъ нея-же).

13. Если у дитяти темечко маленькое,—значитъ дитя скоро начнетъ говорить, и самое темечко скоро заростетъ волосами. (Отъ нея-же).

14. *Отъ гноетеченія изъ глазъ* у ребенка «цыркать» женскимъ молокомъ въ глазъ.

15. Вошь на головѣ ребенка способна произвести *рвоту или икоту*.

16. *Отъ дурного глазу*. 1. Положить дитя на порогъ и трижды переступить черезъ него. 2. Умыть святой водой. 3. Лизнуть лобъ, щеки и подбородокъ дитяти или умыть помоями или вытереть мокрой пеленкой.—4. Набрать въ ротъ воды тому, кто сглазилъ, и передать черезъ ротъ ребенку, котораго сглазили.

17. *Отъ грыжи*. 1. Тертый бурякъ или морковь, процѣдивъ, прикладывать къ больному мѣсту.—2. Разрубленную вдоль тѣла мышь прикладывать къ больному мѣсту.

18. *Отъ рѣзи въ животѣ*. 2. Прикладывать на тряпкѣ деготь къ животу.—2. Купить съ трехъ столиковъ галуну (квасцовъ), по кусочку съ каждаго, и катать его на животѣ ребенка, а потомъ бросить въ огонь. (Старуха Орина изъ Пѣвцовъ).

19. *Отъ сухотки*. 1. Купать дитя въ золѣ, взятой отъ соломенной «стрѣхи»,— «щобъ стриха съ стрихою була».— 2. Давать ѣсть хлѣбъ, испеченный на дубовомъ листу и взятый непремѣнно изъ трехъ хатъ.

20. *Отъ безсонницы и крика.* 1. Когда дитя не спитъ долго по ночамъ, то несутъ его въ курятникъ, подъ нашестъ, («пидъ сидало») и приговариваютъ:

«На-те вамъ ночныци,
Оддайте намъ сонныци!»

2. Намоченную въ водкѣ тряпку кладутъ на темя ребенка. 3. Поятъ его настоемъ маковыхъ головокъ или «дріякой» (?—родъ травы), или нефтью. 4. Кладутъ *„васыльки“* отъ иконы подъ изголовье ребенка. 5. Заставляютъ дитя посмотрѣть въ мазницу или голенище сапога.

21. *Отъ испуга.* 1. Если ребенокъ испугался какого-нибудь животнаго, то необходимо отрѣзать волосъ отъ этого животнаго и подкурить имъ ребенка. 2. Разорвать на дитяти рубашку. 3. Когда дитя испугается, то ему мать кричитъ на ухо: *такой-то* (имя рекъ)... (три раза).

22. *Отъ дѣтскихъ припадковъ. (Отъ „родимчика“, или „дѣтскаго“).* 1. Необходимо положить дитя на порогѣ и затѣмъ матери три раза черезъ него переступить и сказать·

Якъ родыла,
Такъ и одходыла...»

2. Настой травы, называемой *„перелякъ“* (растетъ на лугу; цвѣты лиловые, шапочками).

23. *Для облегченія прорѣзыванія зубовъ.* Когда у ребенка начинаютъ рѣзаться зубы, то отецъ, для облегченія этого важнаго процесса, долженъ мизинцемъ правой руки обвести по деснамъ ребенка,—и зубы будутъ рѣзаться легко и свободно. Мать-же ни въ какомъ случаѣ не должна смотрѣть на прорѣзывающіеся зубы своего дитяти.

24. *Отъ поноса.* 1. Настой розовыхъ чашечекъ (обыкновенной розы). 2. Кисель или настой изъ черники. 3. Посадить дитя на то мѣсто, гдѣ лежалъ только что вынутый

изъ печи горячій хлѣбъ. (Орина—изъ Пѣвцовъ). 4) Выпить смѣсь изъ ложки золы (какой?), рюмки уксусу и рюмки деревяннаго масла (оливы).—(Кущиха).

25. *Отъ запора.* Смазыванье бобковой мазью всего живота или около пупка.

26. *Отъ задержаніе мочи.* 1. Огуречное молоко (изъ сѣмянъ огурцовъ). 2. Блекотное масло (смазывать ниже пупка). 3. Наложить на отверстіе мочеиспускательнаго канала у мальчика или дѣвочки пленку отъ сыраго яйца.

27. *Отъ непроизвольнаго истеченія мочи, преимущественно по ночамъ.* 1. Просить трижды прощенія у раскаленной кочерги. 2. Войти въ церковь и публично, при народѣ, поцаловать замокъ церковный. 3. Заставляютъ по утрамъ, въ продолженіе 9 дней, дитя мочиться въ «пятникъ»—углубленіе, гдѣ вращается стержень воротъ. 4. Посыпаютъ замоченное мѣсто макомъ, который потомъ заставляютъ съѣсть..

28. *Отъ вѣтровъ (спазмъ).* Смазыванье живота теплымъ деревяннымъ масломъ.

29. *Отъ кашля.* 1. Настой лука съ сахаромъ (безъ воды). 2. Нашатырь въ водѣ съ сахаромъ и съ настоемъ льнянаго сѣмени— на стаканъ воды—по дессертной ложкѣ черезъ 2 часа.

30 *Отъ слюнотеченія.* 1. Поцаловать матери ребенка своего черезъ окошко. 2. Найти въ печеномъ хлѣбѣ нѣсколько зеренъ и, зашивъ ихъ въ мѣшочекъ, повѣсить его на шеѣ ребенка.

31. *Чтобы дѣти не умирали,* народомъ совѣтуются слѣдующія средства: а) совѣтъ у знахаря; б) взять въ кумы перваго встрѣтившагося на улицѣ; в) взять въ кумы роднаго брата и сестру; г) закупить, т. е. какъ будто продать дитя кому нибудь за деньги.

II.

Щобъ не зглазылы, трычи лыжуть дытыну, якъ крычыть, и втырають сорочкою. А якъ не спыть, то положуть на мишку головкою икъ порогу и переступають трычи черезъ нейи; або пидъ куры носють. А якъ злякаеццы, то надивають сорочку задомъ напередъ.

(Отъ жинкы изъ с. Печенѣговъ Волчанск. у. Харьк. губ., въ 1880 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1., стр. 141. «Крикливці».

«Малор. преданія», стр. 28, № 13. «Отъ крикливцівъ».

III.

Хилаго и слабаго ребенка продѣвають трижды черезъ разсчепленный молніей дубъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

IV.

Купована маты. Се ось якъ дуже лежышъ, то прыходыть вона (жинка яка) та й купуе тебе—чы за дви, чы за тры тамъ копійкы купыть, то й одужаешъ. Отъ и купована маты.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., дивчына Явдоха Ковалева).

---

58. ОТРУТА.

Моему батькови случылось. Я, каже, парубкомъ бувъ, а вона дивкою. Пишлы дивчата по грыцыкы на долы та по шавъяны. А юпкы безрукави булы,—доццъ йихъ и помочывъ,—воны й порозвишувалы йихъ, щобъ высохлы. А мы, звисно парубкы,—та по карманахъ. Я въ одынъ шурхнувъ та въ другый—нема, а до Ганны полизъ—вузлыкъ. Розъязавъ—

перець. Взявъ я того перцю трохы та й усыпавъ у калытку. Колы такъ днивъ черезъ скилькы погнавъ воливъ, дощъ його й помочывъ. Колы дывлюсь, щось ворущыцця у калытци. Туды –ажъ тамъ жабынята. Я тоди до нейи: «Ганно, це-жъ я съ твого вузлыка взявъ. Кого-жъ це ты думала впоштуваты цымъ? Отъ пиду до ратуши та й роскажу!»—Такъ вона мени попокланялась, попопросыла мене. Та цю Ганну разъ такы и въ волосты парылы: свекра, чы що, хотила отруйиты,—гадюку у скрыни знайшлы. Такъ отъ батько вже довирывсь, хочъ люде й кажуть, що нема.

— А то отъ тутъ-же дядька нашого отруйила. Въ гостяхъ булы,—вона й пиднесла чарку. А винъ уже мабуть знавъ та й каже:—«Ой якъ бы мене, скурва бабо, не отруила?» Ну, було-бъ йому вылыты ту горилку,—такъ ни! Выпывъ. Такъ зъ йимъ таке зробылося!... И йты не можна було,—на вози на подушкахъ везлы, такъ шкура на йому й репалася. Та до дида повезлы, такъ той и каже: «Ну, добре, що поспишылы, а то-бъ лыхо було!»

— А мій дидъ такъ съ того и вмеръ. Якъ колысь у насъ, то не було ще витряквъ, а товклы пшоно дома. Отъ, невистка, значыть, у кумы въ гостяхъ була та й не стовкла пшона, а на другый день празныкъ бувъ, Стригення, а йисты ничого було. Отъ, дидъ и сердыцця: «гуляты—гуляла, а пшона не натовкла!»—Бабуся, бачъ, недужа (ну, а моя маты ще тоди невелычка була). Такъ лае йийи, а вона росердылась та якъ ухватыть решето проса и побигла товкты. Товче та все щось выкыда, все щось выкыда, а дали й каже: «ага, отъ вы мене лаете, а я вамъ на лыхо жабу стовкла».—«Та то, дурна, ты соби, а не мени, на лыхо»,—каже дидъ. Мы й не оханулыся, такъ и покынулы те пшоно,—було-бъ выбрать ту жабу. А йисты все-жъ бойимося, а дидъ сердыц-

ця: «Отъ, чортъ зна що выгадують! И въ води ти жабы плавають, и пъемо, а ничого не бува. Варить кашу!» — Отъ, бабуся парыла, парыла те пшоно, а дали й наварыла каши крутойи та молошнойи. — Отъ, — каже, — гыдко йисты намъ ту кашу, а дидъ йисть та й йисть та на насъ ще грумичае, що не йимо. А вона, невистка, такый уже гнивъ положыла, що й обидаты не увійшла, бо йийи упъять такы за це пшоно полаялы. Отъ, пообидалы, а дидови такъ погано та моторошно зробылося. А въ насъ собака такый бувъ, що було якъ почуе, що вовкы выють, то побижыть туды, то днивъ тры бига та вернецця увесь забовтаный та въ репъяхахъ — «А ну дайте Билкови каши!» — каже дидъ. — Одколупалы грудку, далы Билкови, а винъ понюхавъ та такъ и завывъ. — «Ну колы вже», — каже, — «цей собака не йисть, то буде лыхо». — А дядько коней пасъ. Дидъ и посыла хлопця до його: «нехай пиде на дихтярню» — у бору дьоготь робылы — «та нехай Грыцько дасть дьохтю первачку — самого чыстого». — Прынеслы того дьохтю, — мы й почалы пыты. Мы-жъ гыдуемо, а дидъ такъ и пъе, такъ и пъе. Такъ ни — занедужавъ та и вмеръ съ того. Жывитъ у його такый велыкый зробывся. Вмеръ винъ уже тоди, якъ плоскови бралы, тоди все передъ жныввамы плоскони бралы. Сыдивъ винъ на прысьпи, а дали й каже бабуси — у хати воны булы: — «Отъ слухай, стара, якъ у мене въ жывоти жабы закрюкалы». — А воны такъ якъ у болоти закрюкалы. Такъ винъ скоро и вмеръ, — а те вже Боже якъ тяжко вмирало, все довго такъ былося въ жывоти — та велыке таке! Такъ тоди люде й кажуть невистци: «Се твій уже грихъ.» — Такъ вона ничого й не сказала, пишла. Звисно, вона може й не хотила, такъ що-жъ!

— А то Йвана, кажуть, черепахою отруено. Такъ вона, черепаха, отака тамъ у його выросла велыка, що тилкы отъ-

отъ не зирвецця. Такъ вивъ и вмеръ съ того. Такъ хотилы було выняты ту черепаху, та батько не схотивъ: «нехай уже»,—каже,—«що йому дано та съ тымъ и поховають!»

(Изъ разговора двухъ женщинъ изъ с. Хорошева Харьковскаго уѣзда, въ 1882 г.).

Чубинскій, »Труды», т. I, вып. 1, стр. 136-я, «Данния».

---

59. МЫШКЫ ЗРЫВАТЫ.

— Поперекъ болыть. Якъ мышкы зирвешъ, то воно й пособыцця. Мышкы зирваты—це якъ поперекъ болыть, то ляжешъ ныць, а бабка бере рукамы за шкуру на спыни та й сипа Отъ и мышкы зирваты.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.).

---

60. СПЫНА.

Спыну пидпирають, якъ первый гримъ загремыть, щобъ вона не болила.

(Харьковская губ.).

---

61. ОДЪ ИКАВКЫ.

Икавко, икавко! иды до воды, кого схочешъ напады— хочъ вола, хочъ цыганське дытя. (Трычи).

(Харьковская губ.).

---

62. З У Б Ы.

Отъ зубной боли надо, увидѣвъ новый мѣсяцъ, прочитать не сходя съ мѣста, трижды «Отче нашъ», взять изъ

подъ правой пятки земли и потереть ею зубы, или подержаться за желѣзо, произнося извѣстный заговоръ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).
Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 124—126-я. «Боль зубовъ».
Ефименко, «Сборникъ мал. закл.» №№ 10—25.

63. ЛИШАЙ.

I.

Отъ лишая надо помочить пораженное мѣсто помоями; мѣшая помои, говорить: «лышаю-лышаю! я свынямъ мишаю».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

II.

Мазать мазью изъ очищеннаго дегтя съ свѣжимъ яичнымъ бѣлкомъ.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

64. ЧЫРЯКЪ.

Чырякъ одъ того бувае, що наступышъ босою ногою на те мисце, де черевата жинка ступала.

(Константиноградскій у. Полтавской губ. въ 1883 г.).

65. ОЖОГА.

Ростерты колосокъ жыта рукамы тоди, якъ воно красуеццця, й злызаты його языкомъ, то вже опосли можно цю руку що-разу лызаты, якъ ожога нападе,—й проходыть

(С. Великая Даниловка Харьковск. у., Палажка Ковалева)

66. ОЧИ.

Якъ иде градъ, то його збирають и протырають йимъ трычи до схидъ сонця очи,—одъ сього воны цилый годъ не будуть болиты. Або зъ граду воду топлють и промывають сыею водою, щобъ не болилы. Тежъ и росою роблють.

(С. Великая Даниловка Харьк. у.).

---

67. ПЕРЕЛОМЪ КОСТИ.

Дають внутрь мѣдь въ опилкахъ, мокая въ нихъ хлѣбъ, который и ѣдятъ. Способствуетъ срощенію кости.

(Записалъ П. Н. Солонина отъ Антона Петрушевца изъ Кіенки Черниговскаго у.).

---

68. ОТЪ ПОДКОЖНЫХЪ ЖИРОВЫХЪ НАРЫВОВЪ.

Прикладываютъ къ больному мѣсту золу осиновой коры.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. г.).

---

69. ЗИЛЛЯ.

Тее зилля полезительне, которе не чуе пивнячого гласу. Т. е. растетъ отъ села такъ далеко, что крикъ пѣтуховъ до того мѣста не достигаетъ).

(Записалъ П. Н. Солонина отъ Андрея Гриненка изъ Жоввинки Черниговской губ.).

---

70. ПОШЕСТЬ (ЭПИДЕМІЯ) НА СКОТЪ.

Для отвращенія эпидеміи на скотъ, собираютъ по хатамъ нитки, вытыкаютъ въ одну ночь полотенце, черезъ которое

за селомъ утромъ и прогоняютъ весь скотъ. Тутъ-же служатъ молебенъ, а полотенце сжигается.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ).

---

71. ВЫМЯ У КОРОВЫ.

Якъ вымъя у коровы стане тверде,—давлють свяченымъ брусомъ.

(Константиногр. у. въ 1883 г.).

См № 14. Корова.

---

72. ДОПРОСЪ.

Идя на допросъ къ слѣдователю, взять маку-текуна и входя говорить: «на гадинѣ ѣду, змѣей погоняю» и, незамѣтно разсыпавъ макъ, продолжать: «какъ зеренъ маковыхъ не собрать, такъ словъ моихъ не понять».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 95-я: «Къ суду».

IV.

ВѢРОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫХЪ СУЩЕСТВАХЪ.

73. НЕ ОДДАВШЫ ЧОРТАМЪ ДУШУ БАГАТЫЙ НЕ БУДЕШЪ.

Мы, каже, мололы у млыни,--отъ, дывымося,—щось коло мисточка загрузло—гійка, гійка—ніякъ не вытягне! А мы й кажемъ:

— Ну, ходимъ,—що воно за чортъ?

Прыходымъ, колы везуть люде тачку зъ здоровенным ящыкомъ на двохъ колесахъ и повнисинькый грошей, самого серебра.

— Поможить,—каже,—добри люде, намъ вытасбаты ящыкъ, ніякъ не вытягнемъ. Мы вамъ,—каже,—дамо по прыгирщи грошей.

— Давай!

Помоглы вытаскаты,—воны намъ усыпалы въ шапку по прыгирщи серебра. Мы таки ради, прыйшлы въ млынъ до вогню, дывымся. Колы воно вугилля! Бодай тебе чорты

взялы! Дывысь,—давалы гроши, а зробылось вугилля! А мирошныкъ каже:

— Шо тамъ?

— Але оттаке й таке!

Еге! вы думалы, то люде везлы гроши? То чорты везлы нашому хазяйинови Отто, якъ бы вы, 'ддалы чортамъ свойи души такъ, якъ нашъ панъ-отець, то й у васъ булы бъ гроши, а не вугилля. Мени,—каже,—хазяинъ велыть тежъ орудуваты чортамы, щобъ скорищъ мололы.

Мы й напалысь на його.

— А ну скомандуй!

— А купыте пивкварты?

— Купымо!

Тугъ збоку недалеко й шынокъ.—Пишлы, выпылы. Идемъ изъ шынку, а воно (млынъ) тилько—тилько шо двыжецця. Винъ пидийшовъ до лотокивъ та й каже:

— А що це? Хыба такъ мелють? А не хочете,—каже, —потягты назадъ? А нуте-га, попробуйте, якъ воно: чы лекше буде тягты проты воды, нижъ за водою?

Дывымся. пишлы колеса проты воды—тилько скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ...

— Ну глядить-же,—каже,—валяй та добре!

Якъ же воно зажарыло, такъ чорты його батька зна—ну прямо жъ страшно и въ млыни сыдиты! Отъ воно шо!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго. Записано въ 1883 г. въ Кіевской губ.).

---

74. ЧОРТЫ—СЛУГЫ.

А то йдуть удвохъ у темну ничъ зъ шынку на гору, а воно душъ дваццять тягнуть на гору таку тачку червинцивъ повнисиньку и ніякъ не вытягнуть. Пидійшлы й кажуть:

— Що це вы, добри люде?

— Та веземъ оттому проклятому шевцеви гроши. Во-

зымъ, возымъ, а ніякъ не настачымъ,—де винъ ихъ дива— чорты його батька зна! Поможить пожалуста!

Воны помоглы вытягты на гору та й пишлы слидкомъ прослидыты, куды повезуть. «Прямо,—кажуть;—и повезлы до шевця въ двиръ - те покійного шевця Та,—кажуть,—до двора блызько не можно й пидійты: стукотнява, грюкотнява— ти дубъ товчуть, ти гроши носять, бряжчать. Прямо,—кажуть,—циле пекло!»—Коло його й люде боялыся селыцця,— такъ самъ соби й жывъ за слободою.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго. Записано въ 1883 г. въ Кіевской губ.).

---

75. ОВДУРЕНЫЙ ЧОРТЪ.

Якъ одынъ чоловикъ продався чортови та й каже:

— Тоди мене визьмешъ, якъ на дереви усе лыстя осыплецця.

— Добре!—каже чортъ.

Прыходыть винъ зимою по того чоловика.

— Е,- каже той,—дывысь-же: ще лыстя не пообпадало.

А воно, значыть, хочъ и пожовкло, а де-не-де ще держыцця. Той чортяка—ничого робыты—пишовъ одъ чоловика й прыходыть на другу зиму--и тоди такъ саме. Та такъ винъ ходывъ-ходывъ та вже бачыть, що ничого не вдіе, та й кынувъ.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., записано отъ стараго человѣка Ивана Ковалева въ 1879 г.).

---

76. СКРЫПАЛЬ.

Ишовъ скрыпаль по мосту, саме коло дуба, та й дума: «що якъ бы я бувъ найлуччымъ скрыпалемъ у свити,—

усе бъ оддавъ, що тильки въ мене е». Колы це выскакуе чортъ изъ дуба, що стоявъ коло мосту, та й пытае:

— А чого тоби треба?

— Та хочу—каже—буть найлуччымъ скрыпалемъ у свити.

— А що ты за це дасы? - пыта чортъ.

— Усе що хочешъ дамъ!—каже скрыпаль.

— А душу дасы?

— Дамъ?

— Ну, такъ-же шобъ давъ на той годъ у цю пору—сказавъ чортъ та й сховавсь упъять у дуба:

Якъ пишовъ тоди скрыпаль по селахъ, грае та й грае,—нихто надъ його вже не загра. Назбиравъ винъ багато грошей а тутъ годъ скинчывся, та й иде до своего дому черезъ той мистъ, що колысь то йшовъ, рикъ тому назадъ. Колы выскакуе зъ дуба чортъ та й каже:

— Здоровъ, скрыпалю!

— Здоровъ, чорте!

— Ну, давай душу!

А скрыпаль трись объ дуба скрыпку та й давъ чортови душу съ скрыпкы. Почухавъ нечыстый потылыцю, скрывывся та й пострыбавъ, пидобгавшы хвистъ, пидъ греблю.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда въ 1885 г.).

---

77. ЧОРТЪ, ДО МЕДУ ЛАСЫЙ.

А то було въ одного чоловика багато уликивъ и въ дядькивъ його було багато. То оце хтось все въ ночи забере та й забере зъ найбильшого вулика увесь медъ. Отъ винъ терпивъ-терпивъ та й пишовъ до дядькивъ и каже про це. Воны йому й кажуть:

— О бачъ! давно прыйшовъ-бы, то мы-бъ тоби сказалы що робыть. Пиды-жъ ты, сплеты постилъ зъ лозы пивтора аршыны завдовшкы и пиваршыны завшыршкы, поставъ коло найбильшого вулика, а самъ сховайсь тамъ та й сыды. Та якъ прыйде та стане прымирять, то ты вдарь кійкомъ та й крычы: «не попавъ!»

Той такъ и зробывъ. Колы це прыходыть вночи чортъ— та такый здоровый та страшный. Побачывъ той постилъ та ставъ прымирять та й каже:

— Оце я велыкый, а е ще бильши люды. Оце такъ!

А той чоловикъ якъ опоре його кійкомъ та якъ крыкне:

— Не попавъ!

Той чортъ черезъ тынъ та навтикача, та лаецця!

— Оце сучый сынъ! не попавъ, та якъ болыть, а що-жъ, якъ-бы попавъ!

Та съ того часу й не ставъ ходыть.

(Сумскаго уѣзда Харьковской губ. с. Нижняя Сыроватка, отъ хлопця въ 1884 г.).

---

78. ЧОРТА ОКРОПОМЪ ОВЛЫТО.

Жывъ одынъ чоловикъ на свити. Винъ усяке зло робывъ людимъ, кравъ, обворожувавъ людей, и бувало такъ, що занапастыть чоловика на ввесь викъ. Отъ, прыходыть йому кинецъ вику. Винъ дуже захворивъ и прыказавъ своему сынови:

— Гляды-жъ, якъ я вмру, ты возьмы на пичъ хомутъ и видтиля дывыся кризь його, шо мени буде.

Винъ померъ, той хлопецъ узявъ хомутъ и дывыцця кризь його на печи. Дывыцця й бачыть, що якъ тилькы його умеръ батько, його чорты заразъ исъ тиломъ ухватылы и

понеслы кудысь, а одынъ чортъ, похожый на його батька, лигъ на лави и лежыть мовъ мертвый. Той хлопець гукнувъ на матиръ:

— Грійте окропу,—я мыцця буду!

Маты нагрила такого гарячого, що аж-аж-ажъ! Винъ узявъ у рукы ганчирку, взявъ той чавунъ зъ окропомъ та якъ лыне на чорта,—той схопывся та й побигъ,—никого осталось ховать, и труна осталась, и усе, не треба теперъ ни попа, ничого.

(Записано въ с. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣздъ Харьковск. губ. въ 1885 г. отъ хлопця.)

Сравн. Рудченка «Народныя южнорусскія сказки», выпускъ 1-й, № 37. «Чортъ у чоловичомъ толуби».

---

79. ГРОШОЛЮБЪ.

Одынъ чоловикъ жывъ дуже багато и назбиравъ багато грошей, и у його бувъ одынъ сынъ и жинка. Винъ якъ умиравъ, то до його прыйшовъ сынъ и його жинка и просять у його грошей; йому жалко. Якъ вовы одійшлы, то до його прыступылы чорты и кажуть:

— Ты ихъ поковтай.

Винъ и поковтавъ, а сынови та жинци не оддавъ. Тоди якъ умеръ, прыйшовъ чытать до його дякъ и чытавъ усю ничъ. Такъ якъ опивночи поросходылись уси, а дякъ чытавъ. Чорты прыйшлы, узялы його за ногы, якъ трухнуть, а гроши й посыпалысь; тоди чорты и кажуть на дяка:

— Чтецъ, возьми деньги!

Тоди той дякъ забравъ гроши та швыдче додому и однисъ. Якъ поховалы того багача, такъ його жинка та сынъ

на церкву воду возылы та глыну мисылы, бо у тимъ сели церква стройилась И такъ воны тымъ и восцытались.

(Х. Троецкій Словяносербскаго у. Екатериносл. губ., отъ хлопця Якова Емченка въ 1888 г.).

См. № 15. **Коваль и чортъ.**

---

80. ЛИСОВЫКЪ.

Жывъ у лиси такый богъ лисовый, и було тры браты— два розумныхъ, а третій дурный Пишовъ одынъ братъ до того бога найматыся. Винъ и каже:

— Колы впасешъ мени оцього бычка, то дамъ тоби пидрипитку грошей. Та тилкы щобъ прынисъ мени того, що цей бычокъ йисть и пъе.

Отъ, той братъ якъ ишовъ пасты, выгнавъ бычка, а винъ якъ кынецця, такъ и поплывъ черезъ ричку. Той сыдыть и плаче, колы увечери прыплыва зновъ бычокъ. Той наймытъ набравъ у глечычокъ воды й травы и прынисъ до бога. А той давъ бычкови, бычокъ не йисть. Винъ убывъ того брата и колодою навернувъ. Такъ и зъ другимъ братомъ було. Тоди пишовъ дурень. Такъ винъ, якъ поплывъ бычокъ, очепирывсь йому за хвистъ и поплывъ зъ йимъ. Бык прыплывъ, колы церква стойить и винъ, той бычокъ, зробывсь попомъ, ставъ служыть, булкы йисты и выно пыть. Той дурень набравъ у глечыкъ вына и булкы, очепирывсь зновъ за хвистъ, переплывъ ричку и прынисъ до лисового бога. То той тоди давъ йому пидришитку грошей, показавъ пидъ колоду и каже:

— А оце бачышъ, де твои браты?

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣза Харьк. губ. отъ хлопця Игнатія Шоломія въ 1884 г.).

---

81. РУСАЛКЫ.

На русалчынъ велыкдень (четверъ на зеленыхъ святахъ) не треба ни йиздыты въ лисъ, ни купатыся, бо русалкы залоскочуть. Це ще въ старовыну було: одынъ чоловикъ йихавъ лисомъ,—такъ його трохы не залоскоталы. «Та все» — каже, — «таки невелычки та кучеряви дивчатка».

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 207: «Русалки».

---

82. ПРО ВОВКУЛАКИВЪ.

Годивъ за трыдцять тому назадъ у мого дида Кошеливци (*) робылы комору. Дидъ тоди жывъ надъ полемъ. Майстри посидалы снидать. На городи бигало козеня; а вовкъ якось пидкрався, ухватывъ и побигъ; тутъ кынулысь доганять, да куды тамъ доженешъ! А одынъ майстеръ каже:

— Не доганяйте, то вже йому Богъ показавъ; уже Богъ якъ покаже, що йому ззисты, дакъ йому вже тее, що думае ззисты, буде показувать красне. Я й самъ бувъ вовкулакою.

Тутъ наши люде сталы пытать:

— Роскажить, якъ було!

— Да отъ же якъ. Я любывъ дивку; да такъ прыйшлось, що взявъ другую. У недилю я пишовъ изъ жинкою до церквы; жинка пишла попереду, а я трохы пидождавъ да й соби пишовъ; треба було йты крузъ тоейи дивкы двиръ, що я любывъ, да не взявъ.

(*) Веркіевка въ 12 верстахъ отъ Нѣжина; Кошелевка въ 10 вер. отъ Веркіевки. Кошелевцы—плотники и пильщики.

Тилько що я поривнявся зъ дворомъ, дивка тая выбигла да й каже:

— На тоби ленту, що ты мени купывъ!

Да й кынула на мене, а сама засміялась да й побигла. Туть я ставъ миныцця и вже не пишовъ до церквы, а пишовъ изъ села, да тамъ за селомъ нидъ клунею лигъ да й лежу; а вже въ мене и шкура вовча выросла. Оть, прыходять тры вовкы да й кажуть мени:

— Чы ты будешъ намъ служыть? А не хочешъ, дакъ мы тебе ззимо.

— Ни, буду вже лучче вамъ служыть.

— Ну, добре,—кажуть вовкы,— иды за намы.

Я пишовъ. Идемо,—гусы насуцця; оть вовкы кажуть:

— Дывысь, котора гуска тоби показуецця красна, ту й ловы.

Я вловывъ, давъ йимъ. Воны кажуть:

— Йижъ же й ты!

Довго я не хотивъ йисты сырого мъяса; да вже якъ прывыкъ, тоди вже й не розбиравъ. Такъ я йимъ прослужывъ симъ годъ. Наставъ срокъ, дакъ воны мене й одпустылы додому. Я прыйшовъ, да у хливи й лигъ. Батько уранци прыйшовъ до хлива, одчынывъ двери да якъ закрычить, побачывшы мене:

— Вовкъ! вовкъ!—да скорише двери зачынывъ. Люде збиглысь. Туть я бачу, що не перелывкы, давай лизты на тынъ, щобъ утекты, да якось зачепывся за ломаку, прорвавъ вовчу шкуру да й вылизъ изъ шкуры. Одчынылы воны двери, дывлюцця—я стою. Маты тоди якъ заголосыть:

— Иванъ!... Иване, сыночку мій, де ты скытався?

Я давай и соби плакать. Мене повелы въ хату, роздяглы, далы билу сорочку, штаны и посадылы йисты. Доб-

рый мени показався хлибъ посли сырого мъяса; а воны все мене пытають:

— Роскажы-бо намъ, де ты бувъ?

Я хочу сказать йимъ слово, дакъ вовкомъ и зареву. Диты крычать, боящця; дакъ я вже и мовчу.

Цилый тыждень я все ревивъ вовкомъ; а у недилю я пишовъ уранци на двиръ, саме до церквы благовистыло; я увійшовъ у хату да й кажу батькови:

— Уже, тату, до церквы благовистять.

Наши вси зрадилы, що я гомоню; батько пійшовъ до попа, дакъ мене высповидалы и прычастылы. Одъ того дня я вже й ставъ говорыть.

Оттакее-то! щобъ воно до мене й не ворочалось!

(Записала отъ своей бабы Анна Сахонова, дѣвочка 13 лѣтъ, въ м. Верківкѣ, Нѣжинск. уѣзда. Съ согласія лица, напечатавшаго этотъ разсказъ въ № VI «Кіевской страны» за 1894 г., перепечатываемъ его оттуда).

V.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

83. ПРО ВДОВУ, ЩО ВНОЧИ ПРЯЛА.

Еге, кажуть стари люде, що не треба ничого довго вночи робыть пры мисяцеви, а то, бачте, одна вдова пряде та й пряде вночи, колы це прыйшло шось пидъ викно та й каже:

Теретынъ, теретынъ!
На тоби жмутъ веретинъ
Та напряды вси!

Удова взяла та скоришъ по тры ныткы на кожне веретено й намотуе; воно прыйшло та й каже:

— Ну, напряла?

— Напряла!

— Ну, такъ давай! та гляды, билшъ довго не сыды, а то погано буде!

Потимъ узяло веретена й пишло.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Отъ дивчины записалъ М. М. Нечипоренко).

84. ЯКЪ НЫЧИПИРЪ ДИЛЫВЪ ВАРЕНЫКЪ.

Бувъ соби такый богомяльный чоловикъ Нычыпиръ; щобъ не проспать утрени, то винъ лягавъ биля церквы: якъ ударють у дзвинъ, отъ винъ и прокынецця.

Передъ якымсь велыкымъ празныкомъ Нычыпиръ, узявшы у карманъ варенывивъ, и пишовъ пидъ церкву ночувать. Сивъ ото та й йисть вареныкы; йивъ, йивъ та такъ зъ вареныкомъ у роти й заснувъ. Колы це чуе: бовъ, бовъ—дзвонють; винъ схватывся та мерщій у церкву,—колы тамъ повно мерцивъ. Якъ напалы воны його:

— Дилы та й дилы вареныкъ!

Дума Нычыпиръ: «якъ стану дилыть,—не стане усимъ, бытымуть мене». Отъ и каже:

— Такъ ходить же на могылы; кожный сяде на свойій, отъ я й буду дилыть!

Пишлы ото воны на могылы,—коженъ на свою. Нычыпиръ и каже:

— Ни, не такъ! сидайте молоди до молодыхъ, а стари до старыхъ!

Посилы мерци: стари до старыхъ, а молоди до молодыхъ. Нычыпиръ и каже:

— Е ни, ище не такъ! сидайте такъ, щобъ умисци булы ти, що въ одынъ годъ умиралы.

Покы посидалы, а пивень: кукурику! Мерци—шарахъ у ямы! Оставсл Нычыпиръ зъ вареныкомъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Записалъ М. М. Нечипоренко).

---

85. НЕВОЯЗЬКЫЙ ПОЛКОВНЫКЪ.

Въ однимъ городи бувъ полковныкъ, такый, що зроду не бачывъ страху. Отъ, винъ узявъ съ собою денщыка и

пойихавъ страху шукать. Йихалы воны, йихалы и прыйихалы до слободы, а вже бувъ вечиръ. Отъ полковныкъ и каже:

— Давай останемось ночувать на гробахъ.

А той денщыкъ и каже:

— Ни, я боюсь, лучче пойиду въ слободу.

А той и каже:

— Ну йидь, а я останусь тутъ ночувать.

Ото денщыкъ пойихавъ у слободу, а полковныкъ остався ночувать на гробкахъ. Тоди полковныкъ узявъ сидло, положывъ на гробокъ и лигъ на йому. Лежавъ-лежавъ и все не спыть, а слуха, що буде. Отъ, такъ якъ у глупу ничъ, вылизъ мертвець изъ гроба та й пишовъ у слободу. А полковныкъ и каже:

— Ну добре, итымешъ ты назадъ, я тебе піймаю!

Ото писля того винъ заснувъ. Трохы згодомъ слуха,— скрыпъ двери (?), колы це йде той мертвець. Тоди винъ запалывъ трубку, сыдыть и куре. Пидійшовъ мертвецъ до гроба та й каже:

— Ты хто такый? вылазь видциль!

А винъ и каже:

— А ты хто такый? де ты ходывъ?

А винъ и каже:

— Вылазь, а то задушу!

— Скажы, де ты ходывъ, такъ вылизу.

Ото винъ вертивсь-вертивсь та й каже:

— Бувъ я въ слободи и тамъ задавывъ у одного купця сына, ище й молодыхъ задавывъ.

Полковныкъ и каже:

— А можно йихъ воскресыть?

Каже:

— Можно, та тильки йидь скорише, то тамъ найдешъ у

одній хати у печи два пузырькы съ сцилющою и жывущою водою; та телячою кровъю помажешъ, то воны й ожывуть.

А тутъ пивни заспивалы, а винъ и впавъ. Тоди полковныкъ узявъ того мертвеця, прывъязавъ до сидла и ото винъ тилько що розсвило, заразъ на коня та й пойихавъ у слободу. Прыйихавъ винъ у слободу, воскресывъ купцевого сына й молодыхъ и пойихавъ изъ слободы зъ денщыкомъ. Тамъ воны йихалы, йихалы—отъ уже стало вечорить; пидйижчають воны до лису, колы дывляцця,—огонь блыщыть. Воны й пойихали до вогню. Прыйихалы до лису, винъ и каже: «я пиду туды, подывлюсь, що тамъ биля вогню». Пишовъ винъ, прыйшовъ, колы тамъ сыдыть трыдцять чоловикъ розбойныкивъ, сыдять, кашу варють. Винъ каже:

— Здрастуйте вамъ!

— Здрастуй!

Винъ узявъ ложку, помишавъ кашу, покуштувавъ:

— Ехъ, добра-бъ каша, та писна! нужно-бъ гавъядыны!

Пишовъ, прынисъ ногу, вкынувъ у кашу, покуштувавъ,—не добра. Пишовъ, ище прынисъ цилого мертвеця та якъ кыне въ кашу, а той мертвець якъ выскоче съ казана та на одній нози й поскакавъ,—порозгонывъ усихъ розбойныкивъ.

Тоди й пойихалы ище дальше страху шукаты. Прыйихалы до одного лиса, а въ тимъ лиси домы и сторожъ жыве. Винъ поспытавъ у сторожа:

— Чого тутъ нихто не жыве?

— Та,—каже,—у цього пана умерла дочка та кажнойи ночи ходе у ци домы и не дае жыть, такъ винъ и пойихавъ видциля.

Тоди полковныкъ сказавъ:

— Я переночую.

Полковныкъ остався ночувать. Тоди якъ прыйшла глупа ничъ,

то вона (дочка) и прыйшла. Винъ йийи піймавъ, и вона стала така, якъ и була. Тоди того полковныка звинчалы и винъ ставъ зъ нею жыть. Тоди вона його й пыта:

— Якымъ це ты родомъ попався сюды?

Винъ йій и каже:

— Я зроду не знаю страху.

— Хочешъ, я тоби покажу страхъ?

Тоди вона взяла устромыла въ сволокъ булавку и прывъязала його за шыю шовковою ныткою, тоди за сволокъ и пустыла. Винъ тоди подывывсь унызъ,—тамъ пекло, а вгору, нытка тонка,—то отоди винъ изляхався.

(Славяносербскій уѣздъ, Екатеринославской губ., отъ «хлопця»).

---

86. УПЫРЬ.

Було соби тры браты, самый меньшый пійшовъ у салдаты. Прослужывъ тамъ годъ чы два й напысавъ додому пысьмо, а йому прыпысáлы зъ дому, шо отець померъ. Дождавъ винъ, москаль, годового празныка, выпросывсь у гости до дому. Иде винъ, недалеко вже одъ своейи слободы степомъ иде—чагарнякы, мымо йихъ иты. Дывыться, а скризь одынъ коло одного вогни горять. Винъ не заходыть до того огню, а йде соби по дорози; прыходыть у село, нигде не свитыться, бо то ноччу.

Прыйшовъ до своейи хаты,—свитыться въ хати и замитывъ винъ прозъ викно: батько сыдыть конець стола. Винъ соби й подумавъ: «Отъ—каже,—браты необоли (*): прыпысалы, шо батько померъ, а батько жывый». Увойшовъ у хату, поздоровкавсь зъ батькомъ, поцилувався зъ нымъ.—Батько

(*) Непочтительные (*Примѣчаніе записывателя*).

поставывъ сынови на стилъ горилкы, ковбасы давъ.—Дае йому пыты, а сынъ и пытае:

— Чомъ-же, каже, вы, тату, не пъсте?

— Я вже —каже,—свое одпывъ.

— То берить та йижте!

— Я вже,—каже,—свое одъйивъ.

Повечерявъ москаль, батько пойшовъ запрягать конячку й каже:

— Сядай, сыну, пойидемъ на весилля!

Прыйизжають на другу слободу на весилля.

Москаль пойшовъ у хату, а батько сивъ на порози. Поздоровкавсь москаль, його й пытають:

— А съ кымъ-же ты,—кажуть,—прыйихавъ? якъ ты втрапывъ?

— Зъ батькомъ,—каже.

— А де-же той батько? (Бо вси знають, що батько померъ, ну й думають, що винъ обманюе).

— А,—каже,—отъ сыдыть коло порога.—Уси подывылысь туды,—нема никого, ну й подумалы, що москаль сміеться. Гулялы воны довго, а дали полягалы спать: молоди пошлы въ комору; лигъ и салдатъ. Ну, все-жъ такы винъ не спыть, а замичае, шо то батько буде робыть. Дывыться, батько вставъ и съ крайнього почавъ кровъ тягты и зо всихъ скилькы було людей, винъ кровъ повысосувавъ, а зъ молодыхъ, пойшовъ, вырвавъ дви пасмы волосся и взявъ, поднявъ вугло́ (*) и пидстромывъ те волосся, а дали прыйшовъ до сына та й каже:

— Йидьмо, сыну, теперъ додому!

Посядалы.—Йидуть додому. Сынъ почавъ батька пытать:

(*) Постройка хаты въ срубъ, связь дерева на дерево въ углу—*вугло*. Говорятъ: „хата построяна у угла"—въ срубъ. (*Примъч. записывателя*).

— Тату, що то вы робылы людямъ и на шо вы зъ молодыхъ вырвалы дви пасми волосся и пидстромылы пидъ угло?

— То,—каже батько,— вси люде, то вси повстають, а тыйи молоди не встануть.

— Тату, сказалы-бъ и мени: чы можна-бъ що зробыть, щобъ воны встали?

— Можна,—каже,—сыну, тилькы на шо тоби тее знаты?

— Та скажить бо, тату! вы-жъ знаете, шо додому я не на довго прыйшовъ,—побуду свое времъя, та й пойду зновъ на службу.

— А що,—каже,—йимъ робыты? Тамъ, у сусиды, уродыться чорне теля сьойи ночи; пойты до того сусиды и попросыть, шобъ винъ оддавъ тее теля. Взять, зарizать теля и кровъю помазать молодыхъ, достать волосся зъ угла и прытулыть до йихъ, то воны повстають.—Е, хто тее буде знаты?—додавъ батько самъ до себе, а дали й каже:

— Ты, знаешъ,—каже,—сыну, шо я нежывый, я—вмерлый.—Ты думаешъ, чого то такъ огни горять по надъ чагарнякомъ? Се я повыганявъ, теперь никого нема въ сели, я всихъ повыганявъ.

— Ехъ,—каже,—тату, сказалы-бъ вы й мени, чы можна те зробыты, шобъ вы не ходылы?

— Можна,—каже,—сыну, зробыты.—Е, хто тее буде знаты?—зновъ додавъ батько самъ до себе.

— Ехъ, тату, скажить,—каже,—нехай я буду знаты! Адже вы знаете, шо я скоро пиду звидсы.

— А що,—каже,—робыты? Я якъ увыну на свое мнисце, то добре, а якъ-же не ввыну, то й пидъ пиччу переночую. (Звычайно, бо пивень заспивае, то вже винъ не вспіе сховатысь на свое мнисце).

— Отъ, якъ я ляжу пидъ пиччу, то взять и выбрать стину зъ другого боку одъ дирки. Треба дванадцять паръ волувъ и балагульського воза и дванадцять пожарныхъ гакувъ. Я сьогодня не ввыну на свое мнисце (бо чуствуе, шо скоро пивень заспивае).—Отъ якъ прыйпдемъ, пивни заспивають, то я заразъ соби пидъ пичъ. Якъ-бы догадалыся, та зробылы ту штуку, а тамъ, у поли, дубъ стойить, якъ-бы до заходъ сонця вывезлы мене туды, то-бъ,—каже,—я тамъ и зостався-бъ и николы-бъ сюды не пойшовъ, а якъ не ввынуть до заходъ соньця, то скилькы-бъ тамъ людей не було — йимъ усимъ смерть буде.

Тилькы прыйихалы у двиръ, ще й коней не выпряглы, а винъ, батько, ускочывъ у хату й покотывся пидъ пичъ, бо пивни заспивалы. Москаль узявъ, повернувъ коней у те село, де весилля справлялы, и почавъ будыть людей и ніякъ не мигъ йихъ порозбуджуваты.

Порозбуджувавъ и сказавъ:

— Йдить до такого-то сусиды и чорне теля въ його возьмить, шо вродылось сьойи ночи.

Ти прынеслы те теля, помазалы молодыхъ кровъю, досталы той волосъ, попрыкладувалы и воны повставалы.

— Ну, теперъ,—каже,—ходить батька вывозыть.

Досталы воны дванадцять паръ волувъ, балагульського воза и дванадцять пожарныхъ гакувъ. Прыйихалы, москаль порадкувавъ самъ. Выкыдалы стину, зачепылы батька гакамы, якъ почалы його тягты, то винъ страшно реве, такъ шо йимъ страшно було й стоять тамъ. Дванадцять паръ волувъ не можуть якъ слидъ и йты, а тилькы помаленьку ступають. Ще зъ повъ-верствы зосталось, а вже и сонце скоро сидае, а волы ажъ не можуть иты. Тилькы прывезлы його на те мнисце, де винъ сказавъ коло дуба, заразъ винъ скотывся и самъ пойшовъ у землю и тилькы сказавъ:

— Маете щастя!

Люде одкопалы його могылу, а въ труни його нема и повна труна була набыта шерстю—одъ людей и одъ усякойи скотыны.

(Записано отъ Луки Зиневича, Волынск. губ., Острожскаго уѣзда, Ощенской волости, с. Курозвоня. Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

Нѣкоторыя черты этого разсказа встрѣчаются у Чубинского, «Труды», т. II, стр. 417. № 123: «Про упыра».

VI.

ВѢРОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ О ЛЮДЯХЪ СЪ ЧУДЕСНОЮ СИЛОЮ. (ВѢДЬМЫ, ВОРОЖКИ, ВОЛШЕБНИКИ).

87. Вѣдьмы и вѣдьмаки.

Вѣдьмы являются или отъ рожденія или научаются искусству отъ другихъ или становятся ими невольно. Въ послѣднемъ случаѣ вѣдьма, бывая кумою, прочитываетъ до крещенія надъ ребенкомъ трижды заклинаніе. Желая научить своего ребенка колдовству, вѣдьма сажаетъ его некрещеннаго въ копюлокъ (?) и «пробазуе», что слѣдуетъ. Дитя уже не забудетъ прочитаннаго.

Узнать вѣдьму можно или по очамъ, кто это умѣетъ, или слѣдующимъ образомъ: въ прощенный день взять въ ротъ сыру и съ нимъ во рту переночевать, а въ понедѣльникъ спрятать сырь хорошенько въ поясъ и тщательно беречь. Въ свѣтлую заутреню явиться съ этимъ сыромъ въ церковь

и когда батюшка скажетъ: «Христосъ Воскресъ!», сказать: «у меня сыръ есть!» Вѣдьмы еще въ церкви станутъ отымать сыръ, а по выходѣ изъ церкви кинутся въ погоню за обладателемъ, крича: «отдай сыръ!» Для обороны надо имѣть побольше маку-текуна и имъ бросать въ вѣдьмъ, тѣ станутъ собирать макъ, а преслѣдуемый тѣмъ временемъ успѣетъ убѣжать. Другое средство: въ продолженіе всего великаго поста каждый понедѣльникъ откладывать по одному полѣну изъ охапки дровъ, идущихъ въ печь. Этими семью полѣнами вытопить передъ пасхальной утреней печку. Вѣдьма въ такомъ случаѣ непремѣнно придетъ просить жару, но давать ей ни въ какомъ случаѣ нельзя,—будетъ бѣда.

Принимаетъ вѣдьма образъ разныхъ животныхъ, чаще всего собаки; въ образѣ свиньи бываетъ наиболѣе лютою. Въ человѣческомъ видѣ она ходитъ доить коровъ и завивать на поляхъ завои. Иногда вѣдьма превращается въ сороку. Однажды на паромѣ переѣзжала съ нами одноглазая баба. Паромщикъ по секрету сообщилъ намъ, что другой глазъ выбилъ бабѣ хлопецъ, бросивъ дрючкомъ въ сидѣвшихъ на грушѣ сорокъ. Въ ихъ компаніи сидѣла и эта баба, въ ея то глазъ и угодилъ дрючокъ. Въ конюшняхъ часто вѣшаютъ убитыхъ сорокъ. Вѣдьма посылаетъ разныя напасти на людей, животныхъ. Главное-же ея занятіе - дѣланіе завоевъ и доеніе коровъ. Доитъ она часто кобылъ, сукъ. Масло, добытое изъ такого сборнаго молока, узнать легко—оно все въ слояхъ. Чтобъ не испортилась корова, ей при первомъ теленкѣ просверливаютъ рогъ, кладутъ въ дыру херувимскаго ладану и забиваютъ дыру кусочкомъ троицкой осины. (Такіе рога во множествѣ валяются на выпускахъ).

Рекомендуется много средствъ отъ злоумышленій вѣдьмы. Креста вѣдьма не боится, но безсильна противъ *ярчука*

(перворожденный щенокъ); ярчука непремѣнно задушитъ вѣдьма если своевременно не принять мѣры, заключающейся въ томъ, что щенка трижды протягиваютъ черезъ ступицу въ колесѣ. На купала, въ огражденіе отъ вѣдьмъ, кладутъ на окна крапиву жигучку, на Духа ставятъ надъ воротами осину. Избѣгаютъ позднимъ вечеромъ здороваться съ незнакомымъ человѣкомъ, боясь наскочить на вѣдьмака. Не слѣдуетъ также загонять въ свой дворъ заблудившихся животныхъ. Одна баба во время грозы загнала въ хлѣвъ заблудившагося козленка, молнія зажгла хлѣвъ и дворъ, а козленокъ убѣжалъ. Успѣшно бороться съ вѣдьмой можно только въ *своемъ* дворѣ и при помощи кола, взятаго изъ *своего* плетня. Бьютъ вѣдьму наотмашь. Внѣ двора вѣдьма ставитъ преслѣдователю разныя препятствія въ видѣ дровъ, рядовъ немятой пеньки и проч. Вычесанные изъ головы волоса не надо бросать зря, - иначе вѣдьма сдѣлаетъ изъ нихъ завой съ наговоромъ. Часто въ поступкахъ вѣдьмъ видна фатальность (по народному выраженію: «вѣдьмѣ приходя время»). Плылъ напр. съ разсказчикомъ на байдакѣ вѣдьмакъ. Въ припадкѣ вѣдьмачества онъ сталъ проситься на берегъ. Выскочивъ на берегъ, вѣдьмакъ бросился завивать на лозѣ завои. «Якъ-бы вы не пустылы мене до берегу,—сказалъ онъ товарищамъ,—то-бъ я вамъ волосся такъ позавывавъ».

Вѣдьма, уходя изъ хаты по ночамъ, оставляетъ дома свою кожу. Такъ, разъ золовки замѣтили ночью отсутствіе своей невѣстки, на ея мѣстѣ лежала какая то шкура. Работникъ взялъ топоръ и изрубилъ ее. «Пришла до окна невѣстка и пытае: «топоръ, топоръ, хто кожу порубавъ?»—Я не знаю,—каже топоръ,--бо якъ рубавъ, дакъ унизъ глядѣвъ.—Съ тымъ и пропала». Сдѣлавъ вѣнокъ изъ купалы (желтый цвѣтокъ какой-то) можно увидѣть вѣдьму на купалѣ, прыгая черезъ огонь. Вѣдьмы невидимками бѣгаютъ за прыгающими

и подбираютъ за ними золу (вѣротно— слѣдъ). Вотъ отчего не слѣдуетъ посѣщать купальныхъ игрищъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниговъ. губ.).
«Малорус. преданія», стр. 69, № 1—11. «Вѣдьмы».—Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 196. «Вѣдьмы».—Кулишъ, «Записки о Южной Руси, II, стр. 37. «Способы узнавать вѣдьмъ».

---

88. ВИДЬМА.

I.

А я такъ не боюсь видьмы: я послидня. Видьма николы не лякае тыхъ, хто первый або останній народывся у симйи.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у. Палажка Ковалева).

II.

Видьма съ сохы (*) молоко дое.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьков. губ.).

---

89. КИНЬ.

Зайшовъ я, люде добри, въ одну хату ночувать; обиклалысь ото вже люде й спать, а въ моейи хазяйкы горыть свитло. Колы це увійшло у хату бабъ зъ десять, трохы згодомъ—ще, ище: повна хата назбиралась. Выйнялы воны изъ печи черепокъ чогось та й сталы мазать нымъ пидъ рукамы. Помаже оце пидъ рукамы та й полетыть у бовдурь; такъ уси й повылиталы. Я й думаю соби: «а чы не помазать бува й мени?» Пидійшовъ я до черепка, засунувъ туды пальци та й тру пидъ рукамы; колы це якъ понесе мене въ бовдурь, вынесло на двиръ, несе та й несе... Лечу я, лечу, колы дывлюсь,—упередъ

(*) *Соха*—подпорка въ хлѣву.

мене летять видьмы ти, що булы въ хати. Ото я наздогнавъ йихъ та й лечу зъ нымы. Колы це обернулась до мене старша видьма та й каже:

— Оце й ты туть?

— Тутъ,—кажу.

— На-жъ тоби оцього коня, сидай на його, то винъ тебе й довезе додому; тилькы не кажы ни тпру, ни но, а то пропало все—будешъ пишкы йты!

Та й дала мени такого билого коня. Сивъ ото я на того коня, якъ понесе винъ мене; лечу я та й думаю: «а чы не сказать мени бува на коня «но», щобъ ище скорише йихавъ?» Якъ крыкну: «но!» Дывлюсь,—я вже на земли та въ такому темному лиси, а у мене въ рукахъ обидрана лыпына. Плюнувъ я та й пишовъ; якъ ставъ иты та йшовъ трое сутокъ, покы знайшовъ свою хазяйку!

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1-й, стр. 196-я: Вѣдьмы».—Манжура, «Сказки», стр. 138-я: «Чудесные угольки».

См. № 4. Комари. (Ворожка).

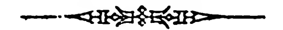
VII.

О КЛАДАХЪ.

90. СКАРБЪ.

И теперъ, кажуть, у Петренковому лиси есть погрибъ, тилькы завалывся,—там шкарбъ похованый. А колысь якъ ничъ, то тамъ ведмидь реве, салдатъ зъ дзвоныкомъ ходе, бережуть його. До того погриба явленну икону зъ Шпыливкы бралы, зъ охрестамы пидходылы, такъ такъ схопыцця заразъ буря и все поваля, порозносе. А то ще, кажуть, два хлопци пастухы тамъ гралыся, а одынъ узявъ и вкынувъ другого шапку. Той почавъ плакаты, а воно йому й выкынуло повну шапку грошей. Другый и соби схотивъ грошей та й кынувъ шапку, а воно йому калу выкынуло.

(Записано въ 1884 г. отъ хлопця Василія Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у.).



VIII.

91. ГРИХЫ.

Бувъ соби чоловикъ и жинка, и у йихъ родылась дытына. Маты узяла дытыну, розризала йому жывитъ, посадыла у кошиль та й укынула його у море, а воно плавало до трьохъ мисяцивъ та крычало. А рыбалкы йиздылы по морю та й узялы його до себе та й изшылы йому жывитъ. Дытына росла у йихъ до висимнадцяты годивъ. А той чоловикъ, що найшовъ у мори дытыну, сказавъ йому, каже:

— Андрію! колы хочешъ, то благословляю тоби иты на суху путь.

Андрій каже:

— А чомъ не такъ?

Ото той чоловикъ поблагословывъ того Андрія, винъ и пишовъ та й попавъ саме у ту слободу, де його батько та маты. Ото прыходе у слободу, колы тамъ сторожа наймають Винъ каже: «наймить мене сторожемъ!» Мужыкы наняли и такъ умовылысь, щобъ никого не пускать у садъ и якъ по-

бачышъ, що хто йде, то пытай його, хто йде; якъ до трьохъ разивъ не озовецця, то бый його зъ ружжа!

Андрій каже:

— Ну-ну!

Отъ, одвелы його до саду, винъ и ставъ берегты той садъ и проберигъ тры дни. На четвертый день увечери дывыцця,—щось иде до його. Винъ каже:

— Хто йде?

Воно не озвалось. Винъ упъять каже:

— Озывайся, а то убъю изъ ружжа!

Воно не озвалось,—винъ и убывъ його. Колы це стало свитать, розвыднылось, винъ объявывъ мужыкамъ. Мужыкы посходылысь, сталы пытать його:

— Якъ же ты убывъ?

Винъ росказавъ. Тоди мужыкы й закопалы мертвого. А жинка того убытого почала просыть мужыкивъ, щобъ выйты замижъ за того Андрія. Воны дозволылы Тоди воны повиичалысь и сталы жыты вмисти. И одну ничъ воны полягалы спать, а жинка положыла руку Андріеви на жывитъ та й каже:

— Що це таке, чоловиче, за рубець?

Андрій каже:

— Та це якъ я родывся, такъ мени маты розризала жывитъ та й укынула у море.

А жинка якъ заплаче та й каже:

— Охъ, мій сыночку!

А Андрій каже соби на думци:

— Це жъ моя маты, а ото убывъ я батька!....

Ото дождалыся дня, жинка побигла по слободи та поклыкала мужыкивъ. Мужыкы прыйшлы, вона росказала, що «це мій сынъ». Мужыкы кажуть: «якъ твій сынъ?»—Та такъ! —И росказала. Тоди мужыкы розійшлысь.

Маты Андріева й каже:

— Ну, сыну, иды до попа, просы, щобъ винъ грихы найшовъ твойи.

Андрій пишовъ до попа та й каже:

— Батюшка, найдить мойи грихы!

А пипъ каже:

— Яки грихы?

Андрій каже:

— Та яки? що убывъ я батька, а матиръ за жинку взявъ.

Пипъ каже:

— На тоби изъ яблуни горилый пеньокъ та полывай його ротомъ доты, покы выросте яблуня и поростуть яблука, —тоди позрывай та й прынесы до мене!

Андрій понисъ пеньокъ и полывавъ ротомъ чотыри мисяци, доты, покы поросли яблука. Отъ винъ помолывся Богу и ставъ изрывать ихъ. Уси позрывае, а якъ злизе на землю, а яблука упъять на яблуни осталыся. Винъ позрывавъ йихъ та упъять злизъ,—колы двое яблукъ осталося на яблуни. Винъ зрывавъ, зрывавъ йихъ, а воны усе остаюцця на яблуни. Тоди винъ пишовъ до попа та й каже:

— Батюшка, ось я прынисъ вамъ яблука.

Пипъ подывывся та й каже:

— А на яблуни осталося багато?

Андрій каже:

— Двое яблукъ.

Пипъ тоди каже:

— Ну, отожъ два грихы твойи.

Андрій тоди каже:

— Батюшка, заприть мене у сторожку, щобъ я грихы спокутувавъ.

Пипъ тоди заперъ його, а ключи укынувъ у море. Той Андрій сыдивъ у сторожци сорокъ литъ. Наступывъ сорокъ первый годъ. Пипъ захворавъ и схотилось йому сви-

жойи рыбы. Тоди винъ пославъ, щобъ уловылы йому свижойи рыбы. Слугы прынеслы йому рыбы. Тоди винъ сказавъ: «изварить мени йийи!»—Слугы сталы росчынять рыбу и найшлы ключи. Прынеслы ключи до попа. Тоди пипъ сказавъ:

— Ище у мене Андрій у сторожци запертый.

А та сторожка уже й заросла у землю. Тоди воны сталы одкопуваты. Одкопалы, одчынылы двери,—колы дывляцця, винъ сыдыть и коло його свичка горыть, а винъ чытае евангелію. Пипъ выпустывъ його. Винъ тоди пишовъ до матери и сталы жыть удвохъ.

(Записано 1888 года отъ хлопця Ивана Выровскаго изъ с. Костивки Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.).

Подобные разказы см. «Малор. пред.», стр. 130-я, № 29. Кровосмѣситель. 1—2. Тамъ-же указаны варіанты, напечатанные въ иныхъ изданіяхъ.

---

92. ПРО ПАНТЕЛЕМОНА.

Жывъ на сели парубокъ Пантелемонъ и любывъ винъ дивчыну. Ось скоро вже й весилля малось буть,—а винъ ту дивчыну й покынувъ. Розлютувалась йийи маты (а вона до того та була ще видьма), зробыла видьмою свою дочку й наказала йий помстыты Пантелемонови. Иде ото разъ Пантелемонъ зъ «улыци», колы це якъ плыгне йому пидъ ногы кишка,—винъ схопывъ рукавыцю та й ударывъ йийи на оддаль,—та такъ и вывернулась (бо видьмы такъ не вдарышъ, а треба кыдать на оддаль, то попадешъ); дывыцця,—колы тамъ уже лежыть дивка,—винъ скорій до дому. На другый день видьма та, маты, и звистыла судъ, що Пантелемонъ убывъ йийи дочку. Сталы пытать йийи, що вона хоче съ Пантелемона. Видьма й каже:

— Ничого не хочу я зъ його, тилькы нехай переночуе тры ночи у пустій хати.

Судъ и сказавъ Пантелемонови, щобъ переночувавъ тры ночи у пустци.

Заплакавъ бидный парубокъ, идучы до дому, — колы це пидийшла до його стара баба та й каже:

— Чого ты, парубче, плачешъ?

— Якъ мени не плакать! одмовывъ Пантелемонъ та й росказавъ усе, якъ було.

— Не плачъ, парубче! — каже баба: — пиды ты на смитныкъ, найды сковороду зъ диркою, добудь той осыковый прыкилокъ, що на ордани дирку у хрести забываютъ, пиды у пусту хату, обчеркны тымъ прыкилкомъ кругъ себе, скилькы зможешъ, застромы його у сковороду, а на його поставъ страсну свичку, сыды та й чытай; хочъ що буде, — не огля-дайсь!

Пантелемонъ подякувавъ щыро баби, добувъ усього, тоди пишовъ у пустку, обчеркнувъ кругъ себе прыкилкомъ, застромывъ той прыкилокъ у сковороду, поставывъ на його страсну свичку, сивъ та й чытае.

Колы це якъ загуде, якъ загуркотыть: прылетилы видьмы въ хату. Якъ кынуцця до Пантелемона, добиглы до круга — та й назадъ! Упъять добижать до круга — та й назадъ! кругомъ бигають, а за кругъ не перебижать; а Пантелемонъ усе чытае, все чытае, никуды не дывыцця. Бигалы-бигалы оттакъ видьмы, — колы це пивень: кукурику! — воны й порозлиталысь. Ось и свитае, — перехрестывся Пантелемонъ та й выйшовъ на Божый свитъ.

Прыйшла друга ничъ. Пантелемонъ упъять обчеркнувъ кругъ себе прыкилкомъ, застромывъ той прыкилокъ у сковороду, поставывъ на його страсну свичку, сивъ та й чытае. Колы це якъ загуде, якъ загуркотыть — ще бильша сыла видьомъ налетила у хату; упъять воны кынулысь на Пантелемона и оджахнулысь одъ круга; сталы кругомъ бигать,

лаять Пантелемона, такъ ни: той усе сыдыть та чытае. А тутъ и пивень: кукурику!—страшно заскреготалы зубамы видьмы й загуркотилы съ хаты.

Прыйшла третя ничъ. Видьмы побиглы за порадою до старшойи Кыйивськойи видьмы; та сказала, щобъ воны назбыралы страсныхъ недогарkивъ; якъ побиглы видьмы за недогаркамы, назбиралы, тоди запалюють йихъ та й кыдають на прыкилокъ, щобъ занявсь, бо тилькы страснымы свичкамы можно запалыть той прыкилокъ, а якъ бы прыкилокъ згоривъ, то можно бъ и черезъ кругъ переступыть. Покы кыдалы, покы такы й запалылы; горыть той прыкилокъ,— отъ,-отъ уже скоро догорыть... А святи янголи бачуть все це; полетилы воны до пивня та й кажуть йому, щобъ спивавъ.

— Е, ни, не заспиваю,—каже пивень—хыба хай Богъ ночи уменшыть, такъ заспиваю.

Полетилы святи янголи до Бога та й кажуть:

— Господы мылосердный, погыбае безвынна людына: уменшы ночи, хай пивень заспива, щобъ ота нечыста сыла порозбигалась!

Богъ и уменшывъ ночи на макове зерно,—пивень: кукурику,—а видьмы й порозбигалысь. Перехрестывсь святый Пантелемонъ та й выйшовъ на свитъ Божый.

Ничъ одъ тойи поры и стала уменшацця, а день прыбавляцця.

(Записалъ М. М. Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда Харьк. губ.).

Сравн.: Чубинск., Труды, I, стр. 200—203.—Малор. пред., стр. 71, № 14. Видьма та видьмакъ.—Рудч., Южнорусск. сказки, II, стр. 27, № 12. Упырь и св. Мыколай.—Манжура, Сказки, стр. 136, Видьма.

---

93. ПРО СВЫРЫДОНА.

Се було дуже давно. Посходылысь на улыцю дивчата й хлопци и зачалы жырувать. Покы жырувалы, покы Свырыдонъ ударывъ видьмыну дочку на оддали. Та й перевернулася, и духъ выскочывъ. Видьма, маты тыейи, що вбывъ Свырыдонъ, пишла до правленія и пожалилась старшыни:

— Такъ и такъ, Свырыдонъ мою дочку вбывъ.

Його зачалы судыть, а потимъ и спыталысь видьмы:

— А ты що хочешъ одъ його?

Та:

— Я бъ не схотила ничого бильшъ, якъ бы його посадылы на тры ночи у пусту хату.

Вони взялы и послухалы видьму и сказалы, щобъ винъ готовывся на сю ничъ у пустку. Винъ знавъ, що йому не буть жывому и зачавъ прощацця зъ батькомъ, зъ матиррю, зъ братамы, съ сестрамы. Тоди пишовъ ще прощацця и до хрещенойи матери. Вона тожъ була видьма. Винъ зачавъ зъ нею прощацця и росказавъ, за яку биду винъ буде терпить муку. Попрощавшысь вона йому додала:

— Гляды жъ, сыну, слухай мене, такъ будешъ жывый! Пиды на смитныкъ, найды тамъ кусокъ сковороды и пиды визьмы одрубай килокъ клечання изъ осычыны, того, що стояло на зеленыхъ святкахъ передъ порогомъ; визьмы той прыкилочокъ, забый на тій печи на аршынъ одъ себе, очеркнысь тыею сковородою и на ейи самъ сядь. Видьмы скилькы будуть мучыцця, возыцця, а до тебе не доступлять; и я, сыну, тамъ буду мени ніякъ остацця одъ йихъ.

Винъ скоро побигъ на смитныкъ, узявъ шматокъ сковороды, одрубавъ килокъ осыкы, забывъ на тій печи, де йому сыдить, на аршынъ очеркнувъ кругомъ себе сковородою, тоди

й самъ сивъ на ейи. Посыдивъ трохы, — колы се воны и бижять билымы сучкамы: пыщять, скавучать и до ейи не доступлять. И такъ воны провозылысь зъ нымъ дви ночи и ничого йому не зробылы. На третю ничъ воны полетилы у Кыйивъ до старшойи видьмы и зачалы пытацця:

— Що робыть Свырыдонови? Винъ убывъ нашу дочку, молоду видьму, и сыдыть у пустій хати; мы зъ нымъ провозылысь уже дви ночи,—ніякъ не доступымо до осычаного прыкилка.

— Шарнить скризь по церквахъ и назбирайте недогаркивъ съ свичокъ, злипить довгу свичку, шобъ хватыло одъ викна до того прыкилка и палить прыкилокъ. Якъ прыкилокъ перегорыть на двое, тоди винъ вашъ.

Воны якъ шарнулы, назбиралы цилый коробъ тыхъ недогаркивъ, прылетилы назадъ до тыейи хаты, злипылы довгу свичку и зачалы палыть осычыну. Допалылысь до половыны. Богъ бачыть уже це та й пославъ янголя на землю до пивня, шобъ винъ закукурикавъ.

— Ни, - каже пивень,—не можу!

Полетивъ упъять янголь на небо и каже Богови:

— Пивень не спива.

— Леты упять, шобъ спивавъ, а то забезвынно душа пропада.

Винъ поленувъ упъять на землю и каже:

— Спивай, пивню: Богъ веливъ!

— Не хочу! хыба Богъ нехай уменшыть ночи, а дня прыбаве,—тоди заспиваю.

Полетивъ упъять янголь на небо и каже Богови:

— Казавъ пивень: якъ дня прыбавышъ, а ночи уменшышъ,—заспиваю.

— Леты впъять и кажы: нехай спива и нехай по його буде.

Прылетивъ янголь до пивня й каже:

— Спивай, нехай буде по твоему!

Винъ закукурикавъ. Видьмы уже зовсимъ спалылы того стовпчыка и хотилы Свырыдона рвать, ажъ ось закукурикавъ пивень, воны й порозбигалысь.

Вытерпивъ муку Свырыдонъ, выйшовъ винъ на билый свитъ и заразъ умеръ.

(Записано въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.).
См. указаніе подобныхъ разсказовъ при № 92.

94. ЯНГОЛЬ.

Провынывся святый янголь передъ Богомъ. Богъ його и пославъ на землю на тры рокы одбувать свойи грихы.

Жывъ тоди бидненькый чоловикъ изъ жинкою; и диткы булы у йихъ, та повмыралы—осталыся самы. Иде ото чоловикъ у поле сіять, чы орать; дывыцця,—иде по дорози обидране хлопъя. Чоловикъ надйихавъ до його та й каже:

— Здоровъ, хлопче! А куды ты йдешъ?

— Иду свитъ за очи!—одмовыло хлопъя.

— Сидай-же, я тебе пидвезу!

Хлопець и сивъ. Ото чоловикъ и ставъ зъ нымъ розмовлять, якъ булы у його диткы та якъ ихъ одибравъ Богъ, та и каже ото хлопъяти:

— А чы не ставъ-бы ты, хлопче, у насъ за дытыну?

— Немае у мене ни батька, ни неньки: хай вы будете мени батькомъ,—одмовыло хлопъя,—тилькы все, тату, робить такъ, якъ я казатыму.

— Робытыму!—сказавъ подумавшы чоловикъ.

Ото выйихалы на поле. Хлопъя взяло та й проорало навхресть,—отъ и стало рилли—скилькы око згляне. Узяло тоди хлопъя жменю жыта та й посіяло навхресть,—отъ усе поле й засіялось жытомъ.

Позбиралы ото воны жыто, и багаччый уже ставъ чоловикъ. Оттакъ и другый рикъ, и третій, - зовсимъ багатый ставъ чоловикъ. И литомъ, и зимою хлопъя спало на двори; воно не спало, а кожну ничъ литало на небо одмолюваты грихы (бо то бувъ янголь).

Идуть ото разъ батько съ сыномъ; бачуть,—несуть мерця убогого. Батько й каже:

— Не дай Богъ буты биднымъ: у ями йому погано лежать!

— Е, ни!—каже сынъ,—бидному дай Богъ буть усякому!

Идуть дали и бачуть,—несуть мерця багатого: труна такъ золотомъ и сяе.

— Багатому дай, Боже, буть усякому: йому гарно у ями лежаты,—каже батько.

— Багатому дай, Боже, никому не буть!—каже сынъ.

Поховалы тыхъ мерцивъ; сынъ и каже:

— А ходить, тату, до могылъ,—я вамъ щось покажу!

Прыходють до могылъ, сынъ-янголь и каже:

— А вставай, чоловиче!

Розвернулась могыла; вылизъ видтиля панъ; сынъ и каже:

— А лизьте, тату, въ яму!

Полизъ батько,—колы тамъ усяка гадына: гадюкы, ящиркы, павукы; щыпають, кусають—мука! Чоловикъ полежавъ трохы та й ставъ крычать, сынъ и каже:

— Вылазьте, тату, а ты, чоловиче, лизь!

Вылизъ тато, а чоловикъ улизъ,—могыла й закрылась Прыходять до бидного могылы.

— Вставай, чоловиче!—каже сынъ.

Вылизъ изъ могылы чоловикъ.

— Теперъ лизьте, тату!

Батько полизъ у могылу,—колы тамъ садокъ, зелено, яблука, пташкы спивають—и вылазыть не хочецця. Отъ и каже сынъ:

— Вылазьте уже, тату, а ты, чоловиче, лизь назадъ!

Вылизъ батько, а чоловикъ полизъ назадъ, могыла й закрылась.

— Якъ тамъ гарно!—каже батько: и вставать не хочецця.

Каже сынъ:

— Якъ будешъ ты, тату, чесно жыть, будешъ помагать бидному чоловикови,—и ты въ такій ями лежатымешъ!

Тутъ выйшло тры рокы—хлопъя-янголь одбувъ грихы, розвернувъ винъ свойи крыла и полынувъ на небо.

(С. Нижняя Сыроватка, Сумскаго у. Харьк. губ.).

95. СВЯТЫЙ.

Иде якыйсь святый дорогою, колы дывыцця, плыга чоловикъ черезъ колоду та все каже:

— Оце тоби, Господы, а це мени; оце тоби Господы, а це мени!

Святый пидійшовъ до його та й пытае:

— Що ты, чоловиче, робышъ?

— Богу молюся,—одказавъ той.

— Не такъ, чоловиче добрый, Богу треба молытысь,—каже святый; та й почавъ чоловика вчыты Очынашу. Проказавъ тамъ разивъ скилькы та й пишовъ на греблю, щобъ

ричку перейты, а чоловикъ молывсь, молывсь та й забувъ якесь слово; дывыцця, колы вже той святый насередъ гребли.

Отъ винъ не ставъ обходыты та прямо по води до того святого:

— Такъ и такъ, забувъ...

Той святый баче, що чоловикъ по води йде, наче по земли, та й каже:

— Богъ съ тобою; молысь, якъ молывсь: Богъ баче твойи труда.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьк. губ. отъ старухи). Подобные разсказы см. въ книгѣ; «Малорусск. преданія», стр. 141-я, № 35. «Какъ молились святые встарину».

---

96. ЧОМУ ЦЫГАНОВИ ВРЕХАТЫ ВИЛЬНО.

Якъ мучылы Жыды Хрыста, то пишлы до Цыгана-коваля й кажуть:

— Скуй намъ пъять велыкыхъ гвиздкивъ—на ногы, на рукы й на голову!

Отъ винъ куе й дума: «Господы! якъ то воно тяжко буде чоловикови, якъ йому й голову пробъють! Не зроблю гвиздка на голову!»

Изробывъ тилькы чотыри гвиздкы.

Якъ роспъялы Исуса Хрыста, то и Цыганъ той прыйшовъ прыбываты. Прыбывъ рукы й ногы, а голову ни. А ти Жыды прыходять:

— Прыбывъ?

— Прыбывъ!

— А голову жъ прыбывъ?

— И голову.

— Та ты брешешъ!

— Ій-Бо,—каже,—прыбывъ!

— А ну ходимъ, подывымося!

Пишлы. А той Цыганъ молыть Бога:

— Господы! хочъ-бы муха на лобъ сила, щобъ подумалы, що гвиздокъ!

Колы прыходять, ажъ муха на лоби у Исуса Хрыста сыдыть.

— Де-жъ твій гвиздокъ?

— А онъ-же чорніе!

И съ того часу всимъ людямъ грихъ брехать, а Цыганамъ ни, бо винъ брехнею Исуса Хрыста оборонывъ.

(Отъ хлопця Кондрата Григорьева. С. Михайловка, Славяносербскаго у. Екатеринослав. губ.).

97. СОЛОМОНОВЫ ЛИТА.

Кажуть люде, що якъ Исусъ Хрыстосъ умеръ и пишовъ у пекло выводыты людей изъ пекла, то ти чорты зналы, що Исусъ прыйде выводыты людей. Такъ воны робылы цепъ. Робылы и найстаршый казавъ, що «винъ сыльный такый, якъ и я,—такъ робить цепы крипки таки, щобъ я не перервавъ». — Отъ, воны зробылы такый товстый, шо винъ смыкавъ та й не перервавъ.

А тутъ саме Хрыстосъ увійшовъ людською душею. Увійшовъ та й каже:

— Будь ты, сатано, закованый на тысячу литъ!

И тоди вывивъ усыхъ людей, а премудрого Соломона кынувъ у пекли и сказавъ йому:

— Ты, Соломоне, хытрый та мудрый: выйдешъ самъ хытрощамы та мудрощамы.

Ого Соломонъ выйшовъ хытрощамы та мудрощамы на землю и пишовъ. Прыйшовъ до раю, колы тамъ на раю напысано: «жыты людямъ тысячу литъ». А Соломонъ подывывсь та й каже:

— Мало!

И прыпысавъ ще свойихъ симсотъ годъ...

И ото вже мы Божи лита прожылы, а теперъ уже Соломоновы годы жывемо и ось-ось и йимъ уже край.

(Записано отъ хлопця Якова Емченко изъ х. Троецкаго Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.).

IX.

РАЗСКАЗЫ О ЯВЛЕНІЯХЪ ЖИЗНИ СЕМЕЙНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ.

98. НЕОХАЙНА ГОСПОДЫНЯ.

Одна жинка запустыла дижу, шо вона й на дижу не похожа: около и въ середыни вершка на тры позасыхало тисто, хлибъ не удаецця. Чоловикъ йійи лае:

— Чого такый недобрый хлибъ? чомъ не такъ, якъ у людей?

Вона одказуе:

— Е, бисъ батькови твоему! У людей святять дижу на рикъ разивъ изъ десять, а у насъ изроду не святылась.

— Такъ треба поклыкаты та посвятыты!

Ну, и поклыкалы. Пипъ кадыть дижу и прыговорюе:

— Дижа! дижа! треба тоби вихтя та ножа, а хазяйци батожжа!»

Чоловикъ:

— Ты чуешъ, жинко?

А вона:

— Еге, молысь, чоловиче, та бый поклоны!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

Подобный разсказъ см. у Манжуры, «Сказки», стр. 99-я: «Дижа здижылась».

99. ХАЗЯЙНОВЫТА ЖИНКА.

А то одна жинка задумала паляныцямы торгуваты. «Купы»,—каже,—«чоловиче, куль мукы,—буду пекты паляныци та на базари торгуваты». Чоловикъ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утяла, вынесла на базарь,—никому й дурно не треба. Прыносе назадъ.—«Ни, чоловиче, на паляныци нема ходу: люде бублыкивъ та й бублыкивъ! Иды, чоловиче, товчы въ ступи паляныци, а я буду сіяты та бублыкы пекты».

Напекла, понесла,—те жъ никому не треба. Прыносе назадъ.—«Ни, чоловиче, и на бублыкы нема ходу: люде кваши та кваши! Иды точвы,—я наварю кваши».—Наварыла дижку, прывъязала йому за плечи.—«Ну, несы жъ на базарь, торгуй та гляды: у тебе родычивъ до чорта, то ще дурно пороздаешъ».—Взяла кочергу та на земли й напысала хрестъ: «Цилуй, бисивъ сыну, божысь, що никому дурно не дасы!»—Винъ дурный и нахылывсь цилуваты хрестъ, а кваша черезъ голову додолу й вылылась. Вона й давай крычаты: «отъ бисивъ сынъ! съ такымъ чоловикомъ и пожывы на свиты: якъ схотивъ, такъ мишокъ мукы й перевивъ»!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

Манжура, «Сказки», стр. 97-я. «Якъ жинка чоловика квашу заставляла несты».

100. ЧОЛОВИКЪ ТА ЖИНКА.

Была жинка мужыка, винъ и заховався пидъ пилъ та звидты:

— А чого ты, жинко, за мене йшла, що я такый страшный?

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

101. ДОБРА ЖИНКА.

Ой чоловиче Марку, чомъ ты не пропавъ изранку,— дала бъ тоби я сорочечку-дранку, а теперъ ты умеръ удень та багато людей,—та треба нову даваты!...

(С. Семеновка (Чунышына) Константиногр. у. Полтавской губ.).

102. ЯКЪ ЖИНКА ЧОЛОВИКА ГОДУВАЛА.

Жинка хотила обманыты чоловика: замисто порося та спекла йому цуценя. Отъ, поставыла на стилъ, той подывывсь та й каже:

— Сказавъ-бы куви,—такъ ногы крыви; сказавъ-бы кудкудакъ,—такъ ногы не такъ: мабуть бисивъ цуцакъ!

(Отъ чоловика въ 1883 г. въ с. Семеновкѣ (Чунышына) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ.).

103. РОБОЧА ЖИНКА (ДИВКА).

I.

Жинку мужыкъ лае: «та ты, стерво, ни спекты, ни зварыты!»

— Та й тилькы-жъ!

— Та ты ни шыты, ни прясты.

— Та й тильки-жъ!

— Та й ты й хаты не пидметеш.

— Та й тильки-жъ!

— Та ты й таньцюваты не вмiешъ.

— Е, ни! за скобы-въ-боки побъю, матери вашiй чортъ, и щокы!

Тилькы таньцюваты и вмила.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

II.

— Ты, дивко, не вмiешъ прясты.

— Дарма!

— Ты не вмiешъ и печи топыты.

— Та дарма!

— Ты не вмiешъ и хаты выместы.

— Та дарма!

— Ты не вмiешъ и шыты.

— Та дарма-жъ, кажу!

— Ты не вмiешъ и танцюваты.

— А брешешъ, трясця твоему батькови!

(С. Семеновка (Чунышына) Константиноградскаго у. Полтавской губ.; записано въ 1883 г.).

104. ХЫТРА ВИДМОВА.

Одынъ панъ заклыкавъ до себе якусь тамъ горнышну, чы що, почувать. Отъ пани й помитыла сее та що ранку й въязне до пана:

— Съ кымъ ты почувавъ?

— Зъ Богомъ, матушка!—одказуе панъ, а не прызнаецця.

Отъ, пани узяла та й посыпала передъ пановою кимнатою писку, чы то попилу. Подывылась уранци—знать слиды: щось у черевыкахъ ишло. Вона до пана:

— Съ кымъ ты ночувавъ?

— Зъ Богомъ, матушка!

— Хыба Богъ у черевыкахъ ходыть?

— Його святая воля: у чому хоче, у тому й ходыть!—одрубавъ панъ.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговскомъ у.).

105. ВДОВА.

Вдова Одарка Омельченкова, расхваливая свою вдовью участь, между прочимъ, выразилась такъ:

— Теперь мени добре:

Лягла не клята.
И встала не мъята...

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговской губ.).

106. ЛАДЪ У СИМЙИ.

Якыйсь чоловикъ ишовъ пизно увечери и впрохався винъ ночуваты до другого чоловика. Повечерявшы воны й полягалы вси спаты. А той чоловикъ тилько не спавъ, що прыйшовъ сюды кватырувать. Хотивъ винъ було заснуть у тій хати, що вечерялы, та побачывъ на столи багато гадыны,—побоявсь. Пишовъ у другу хату, колы тамъ лежять чоловикъ и жинка, а промижъ йихъ лежыть гадюка. Винъ и тутъ не схотивъ. Прыходыть у третю хату,—колы тамъ сплять чоловикъ и жинка и съ чоловика на жинку плыгае жаба: то на чоловика, то на жинку скака. Винъ и тамъ не схотивъ. Прыходе винъ у четверту хату,—ажъ тамъ бъецця дубынка одъ

стели та до долу, одъ стели та до долу. Винъ и тамъ не схотивъ. Выходе на двиръ, хотивъ спать у сини,—колы тамъ шось крычыть:

— Охъ тяжко-жъ жывоту моему!

Винъ пишовъ у клуню, колы й тамъ крычыть:

— Ой постій, визьмы й мене съ собою!

Такъ той чоловикъ цилу ничъ и не спавъ.

Прыходе винъ уранци до того хазяйина, а винъ уже уставъ.

— Оттакъ,—каже той чоловикъ,—не спавъ усю ничъ у вашыхъ хатахъ.

— Чого?—каже.

— Та того: хотивъ я ночуваты у тій хати, що вы вечеряете,—колы тамъ усякый гадъ лазе по столу,—а того винъ лазе що твойи невистки линыви и съ стола не зметуть крыхотъ,—ото йихъ гадъ и збира. Ты кажы свойимъ невисткамъ, щобъ воны що дня змиталы стилъ. Зайшовъ я въ другу хату,—колы сплять твій старшый сынъ и невистка, а мижъ нымы гадына лежыть,—того-жъ вона лежыть, що воны не люблють одынъ одного и ненавыдять одно одного. А ты йимъ кажы, шобъ воны любылы и поважалы одно одного. Зайшовъ я въ третю хату,—колы тамъ жабка скака то на чоловика, то на жинку: вона радіе, що воны любляцця и поважають одно одного. Зайшовъ я въ четверту хату,—ажъ тамъ дубынка бъецця одъ стели та до долу. Ця дубынка показуе що твій той сынъ хоче велыкого багатства и черезъ те мота и дуре людей,—ты йому скажы, шобъ винъ такъ не робывъ. Зайшовъ я до сина, хотивъ тамъ спать,—колы щось крычить: «охъ тяжко жъ жывоту моему!» Прыказуй свойимъ синамъ и самъ слухай, щобъ вы не бралы ничого чужого и не складалы сина багато людей въ одынъ стигъ,—бувае такъ, що й перейде клапоть сина, або чого и

другого,—те крадене й крычыть: «охъ тяжко жъ жывоту моему!» Зайшовъ я въ вашу клуню,—колы тамъ крычыть: «постій, возьмы й мене съ собою!» Ото крычать ти колоскы, що вы йихъ покынулы въ поли. И прыказую я вамъ, шобъ вы забиралы съ поля колоскы усяки, а то воно й крычыть, шобъ и його взялы съ собою.

Отъ, той чоловикъ показавшы те, пишовъ додому.

(Сумскаго у. с. Нижняя Сыроватка, отъ И. Д. Шоломія въ 1885 г.).

107. ПОЧЕМУ ДѢТИ НЕ МОГУТЪ ХОДИТЬ ТОТЧАСЪ ПОСЛѢ РОЖДЕНІЯ.

Богъ, въ образѣ старичка, явился къ Евѣ, когда у нея родился сынъ, и приказалъ ей перекинуть дитя черезъ ворота; но матери стало жалко своего дитяти,—и она ослушалась повелѣнія Божьяго.

— Ну такъ *носисъ-же* съ нимъ,—сказалъ ей тогда старичокъ. И вотъ съ тѣхъ поръ дѣти до году не ходятъ.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

108. ЯКО НА НЕБИ И НА ЗЕМЛИ.

— А шо Бигъ давъ?

— Сына.

— А якъ звуть?

— Мыхайло.

— Чому-жъ не Яквиъ? Бо и въ молытвахъ про Якова: Яквиъ на неби, Яквиъ и на земли.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

109. МАТЫ Й СЫНЪ.

У одного чоловика було тры сыны. Батько умеръ, а воны остались изъ матиррю. Годивъ черезъ два маты роздилыла сынивъ, а сама осталась жыть изъ меншымъ сыномъ. И ти сыны не почытають, що й маты: лають йийи, не дають йий йисты, а меншый, той, що вона жыве у його, такъ не дае и спать на полу,—лежыть та маты пидъ лавкою и ночуе тамъ.

Дождалысь празныка велыкодня, а маты й каже:

— Пиду до старшого сына розговіюся!

И пишла. Прыйшла, а воны тилькы сталы роззязувать паску. Побачывъ старшый сынъ, що йде маты та й каже:

— Заховай паску!

Жинка узяла й положыла. Сыдилы, сыдилы—не розгивляюцця, що маты прыйшла. Тоди старшый сынъ узявъ и пишовъ у садокъ, дума самъ соби:

— Може маты скоришъ пиде додому.

Прыйшовъ и сивъ у садку. Колы десь не взялась гадюка и обмоталась кругомъ шыйи, а голову встромыла у щоку. Винъ тоди у хату:

— Ой мамочко! согришывъ я проты васъ: помылуйте мене! Йижте у мене, пыйте у мене,—тилькы не лайте мене, простить!

И та гадюка така здорова стала, якъ рука. Тоди той чоловикъ узявъ, кынувъ симъю й пишовъ у Святи Горы молыцця Богу. По Святыхъ Горахъ ходе й каже:

— Покайтеся, православни хрыстіяне, на мени, якъ матери не шануваты.

Такъ той чоловикъ ходывъ двападцять годъ, тоди умеръ, а гадюка тоди одчепылась одъ його.

(Записано въ с. Исаковѣ Славяносербскаго у. Екатеринославской губ. отъ хлопця Евдокима Познякова въ 1888 г.).

110. ДИТЕЙ НЕ НАГОДУЕШЪ.

Кажуть, одынъ чоловикъ побывсь объ закладъ съ паномъ, що винъ свойихъ собакъ нагодуе, а той свойихъ дитей—ни. Отъ, мужыкъ зарызавъ тамъ барана, чы двохъ, и нагодувавъ йихъ добре. А панъ тежъ свойихъ дитей. Мужыкъ прывивъ свойихъ собакъ до пана. Чого вже панъ йимъ не кыдавъ—не йидять. А мужыкъ увийшовъ до комнатъ та зразу якъ сыпне жменю горихивъ, такъ диты такъ и кынулысь за нымы.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.).

---

111. ДИТЯ И ЦАРЬ.

Однажды маленькій грудной ребенокъ ухватилъ царя за усъ. За такую продерзость стали его судить. Вотъ царь и говоритъ собравшимся судьямъ:

— Положите здѣсь кусокъ золота, а тамъ поставьте зазженную свѣчу; если ребенокъ схватится за золото,—значитъ онъ понимаетъ, что дѣлаетъ,—и тогда мы будемъ его казнить. Если же дитя потянется къ огню, то за что же его тогда наказывать?

Такъ и сдѣлали,—и ребенокъ, не обращая никакого вниманія на блестящее золото, потянулся къ свѣчѣ и схватилъ рученками огонь.

(Записалъ П. Н. Солонина отъ няньки, бабы Олены, въ Черниговской губ.).

---

112. ПРЯДИННЯ.

У однієйи жинкы та була дочка, та така ледача, що ничого не хоче робыть. Отъ, та жинка й давай йийи быть. Иде царь та й каже:

— За шо-жъ ты такъ бъешъ свою дытыну?

А жинка й каже:

— Та якъ же мазепська дивчына, — така роботяща, що не настачышъ йий конопель.

Тоди царь каже:

— Ну, не бый йийи: я возьму за свого сына. Тилькы, якъ выпряде тры вамбари за тры дни.

Тоди та жинка не хоче оддавать, бо куды йий спрясты за тры дни тры вамбари! Тоди прыйшлы до нейи тры бабы: у одніейи губа ажъ па груды повысла, а у другойи нога якъ полозокъ, а у третьойи рука якъ рукавыця.

Отъ, перва й каже.

— Я буду слыныть пряжу.

А друга, що рука такъ якъ рукавыця, каже:

— А я буду рвать изъ гребиня.

А та, що нога якъ полозокъ, каже:

— Я буду крутыть прядку.

И зачалы прясты и спрялы за тры дни тры вамбари.

Тоди царь зачавъ весилля гулять. Отъ, воны, ти тры бабы, прыйшлы й посидалы за столомъ. Отъ царь и пыта:

— Що це у тебе за рука?

— Та це, що все пряжу смычу.

— А у тебе що це за губа?

— Та це, що пряжу слыню.

До третьойи пидходе та й пыта:

— Що це у тебе за нога?

— Та це, що все крутю прядку.

Тоди царь подумавъ та й каже свойий невистци, щобъ вона не пряла и не крутыла ногою ничого и не слыныла ничого.

(Записано въ 1888 г. въ с. Михайловкѣ (Оврамова) Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ. отъ хлопця Кондрата Григорьева.)

118. ЛИНЫВЫЙ РОБОТНЫКЪ.

Жывъ у одного чоловика роботныкъ и такый лиyывый, що нема мабуть и на свити лиyывишаго одъ того роботныка. Ото разъ, саме литомъ це було, паслалы той чоловикъ и роботныкъ гарманъ, трошкы погармаyылысь, а то оставылы на завтра, бо сьогодни не успіють. Прыйшовъ вечиръ, посидалы воны вечерять, та й забулы на току ложкы. Отъ, хазяйинъ посыла того роботника, щобъ пишовъ прынисъ ложкы съ току. Якъ пишовъ же той роботныкъ на той тикъ, - ждалы воны, ждалы,—нема його съ току. Колы пишовъ той хазяйинъ, а роботныкъ спыть на тому току, ажъ трищыть. Хазяйинъ тоди збудывъ його, узялы ложкы й пишлы додому вечерять. Повечерялы и полягалы воны спать. Отъ уже стало на свитъ Божый благословыцця; хазяйинъ и буде роботныка свого, щобъ устававъ.

Той роботныкъ кректавъ-кректавъ, не хотилось йому уставать, сякъ-такъ уставъ. Якъ почавъ же винъ убуваццяl... И хазяйинови не хочецця уставать. Отъ, той хазяйинъ лежавъ, лежавъ, тоди уставъ и пишовъ на двиръ подывыцця, чы ранокъ скоро буде. Та тоди увійшовъ и каже роботныкови:

— Ей, скоришъ, хлопче, убувайся, а то уже чогось недурно мисяць обгородывся,—мабуть щось буде.

А роботныкъ сыдыть, задравъ ногу вгору та стогне, убуваецця й каже:

— Еге-ге, дядьку! колы обгородывсь, такъ намъ його не розгорожувать уже.

Та упъять роззувся, наче погано убувся, та упъять почавъ убуваццятя. Хазяйинъ упъять выйшовъ та увійшовъ и каже.

— Ну, скоришъ, хлопче, убувайся, а то мабуть уже дощъ доси йде.

А роботныкъ прыбигъ до викна й кныче собаку:

— На, Кудла! на Кудла! на! на!

Та Кудла прыбигла, винъ полапавъ йийи за шерсть та й каже.

— Ни, дядьку, Кудла суха.

И такъ воны сыдилы у хати, покы дощъ пишовъ, залывъ йихъ гарманъ, а воны все убуваюцця. Воны тоди до його, ажъ його уже половына у яру була.

(Отъ Евдокима Позднякова, хлопця, въ с. Исаковой Славяносербск. у.)

---

114. ВИДНЫЙ ПРОСЕ БАГАТСТВА.

Одынъ чоловикъ лежыть уночи та й каже:

— Яки ци багачи скупи! Якъ бы мени багатство, я-бъ усимъ дававъ.

Тилькы це проказавъ,—шось йому подае у викно гаманъ и каже:

— На оцей тоби гаманъ, у йому одынъ золотый. И ты його возьмы,—глянешъ—ище буде. И такъ скилькы хочешъ. А якъ натягаешъ, тоди однесы його и укынь у ричку.

Винъ узявъ, тягавъ и тягавъ йихъ (гроши) тры дни, здорову купу натягавъ. А жалко несты у ричку, та ничого робыть,—понисъ. Несе та все тяга та ховае. Дойшовъ до ричкы, поглядивъ,—е золотый. Винъ його вынявъ, поглядивъ,—ище е. И жалко йому кыдать, и винъ усе йихъ тягавъ и дотягався, шо коло йихъ и вмеръ, а гамана не вкынувъ у воду.

(Записано въ 1888 г. отъ хлопця Якова Емченка въ х. Троицкомъ Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.).

---

115. ЯКЪ ЧАЙ ПЫЛЫ.

Була й намъ прышта. Жывъ биля насъ салдатъ и самуварь у його бувъ, то й пъють було воны що-дня чай. Та й насъ було кличуть иноди по чашци вúпыты. Поклыкалы воны мене съ сестрою. Налыла вона намъ по чашци и по грудочци сахарю дала. Отъ мы николы його не пылы та й пойилы ти грудочкы съ тымы чашкамы—така, бачъ, думка, що за кожною чашкою по грудочци. Ажъ ип—налыва вона намъ ще по чашци, а сахарю не дае. Отъ мы пыхкалы-пыхкалы надъ тымъ чаемъ, та й повылывалы його пидъ лижко. А вона намъ по третій налывае,—мы й той туды—не пъецця винъ безъ сахарю. А вона тоди пытае:

— Чы ще пытымете, може?

А мы:

— Ни, спасыби! вже напылыся.

Се-бъ то вже вдоволнылыся. Такъ оттакъ!...

А то бувъ у насъ чоловикъ Сумцовъ, винъ такы пысарьокъ, чы що, бувъ. Отъ винъ и пытаецця разъ однійи жинкы, отъ—Билыковойи:

— А що, Насте, пыла ты чай?

— Ни,—каже.

— А пытымешъ?

— Пытыму,—каже.

Отъ винъ узявъ та й посолывъ, добре посолывъ, той чай. Отъ вона вже пыхкала-пыхкала, чмыхала-чмыхала надъ тымъ чаемъ, а дали й каже:

— Та якый же чай поганый у васъ пъють! А кажуть, що гарный.

— Що-жъ,—каже,—робыты,—мы-жъ пъемо!

(Записано отъ старой жинки на х. Бутивкѣ Зміевск. у. Харьковской губ. въ 1881 г.).

116. ЛЮДЬСКА ПРАВДА.

Жывъ соби на сели убогый чоловикъ и бувъ винъ розумный дуже, та тилькы що винъ розумне ни казавъ, нихто його не слухавъ: вси казалы, що бреше. И давъ Богъ тому чоловикови такъ, що винъ ставъ багатиты, зробывся дуже багатый и наставылы його головою. Зибравъ разъ голова громаду; довго тамъ воны гомонилы про се та про те, а дали голова й каже: «А мени, добри люде, таке случылось: положывъ у комори лемишъ, такъ мыши його й пройилы!..... —Бувае, бувае,—каже громада. А голова тоди й каже: «Оттака то на свити правда: якъ бувъ я бидный, то хоть казавъ и правду, вы казалы, що брешу, а якъ теперъ я багатый, то хоть и брешу, вы кажете, що кажу правду».

(Сумского у. Харьк. губ. с. Нижняя Сыроватка).

---

117. ДВОЕ ОЧЕЙ.

— *А што, мужичекъ*, гроши я тоби вси оддавъ?

— Та не знаю, пане,— ось заразъ поличу.

— Ну-ну!

— Та не вси, пане!

— А ну, давай сюды,—я ще перещытаю!

Надивъ очкы й почавъ личыты.

— Е, правда твоя!—каже.—На-жъ тоби ти, що не додавъ.

— Ну, спасыби, паночку, цымъ очамъ, а ти хочъ бы й повылазылы!

(С. Великая Даниловка Харьк. у., дидъ Иванъ Ковалевъ).
Номисъ, Укр. приказки, № 890 (стр. 283).

---

118. ГОРЕ.

— Горе, горе! де ты жывешъ?
— У коршми та въ бани.
— Шо-жъ ты йисы?
— Кырпычъ та каминь.
— Кого-жъ ты берешъ?
— Слипыхъ та пъяныхъ.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

119. РОЗВІЙНЫКЪ СТАРЦЕМЪ.

Одынъ разъ захворивъ якыйсь панъ и сказавъ своему кучерови, шобъ винъ його одвизъ лычыцця на тепли воды. Кучерь узявъ, запригъ коня, набравъ хлиба на дорогу, посадывъ пана на повозку и пойихалы соби помаленьку. Йидуть воны й йидуть, прыйихалы на тепли воды, ссадывъ кучерь пана и пойихавъ назадъ. И якось не потрапывъ на ту дорогу, шо йихавъ упередъ, а зайихавъ у лисъ, та такый густый, шо й не проглянешся. Йиде винъ и йиде дорогою,— колы сыдыть старець крывый и просе мылостыны.—«Ничогожъ»—каже—«мени тоби дать: е гроши, та не минянни и панськи»—«Ну, пидвезы»—каже старець—«трошкы!»—«Сидай!»—каже кучерь.

Винъ сивъ, и тилькы кучерь одвернувся шукать хлиба попойисты, а винъ його якъ ухватыть за горло и хотивъ ризать. Той тоди съ страху його пырхонувъ, а торбына и зосталась, та така драна—латка на латци. Той старець тоди якъ уженецця за нымъ та такъ и хвата за повозку,—хоче його такы зарызать. А кучерь погнавъ дужче коней,—винъ и зостався. И зачавъ просыть торбынку въ кучеря,—«Ни»—

каже—«не дамъ!»—И пойихавъ соби,-пасылу выблудывсь такы зъ лису.

Отъ, прыйижжа винъ додому и скынувъ ту торбынку на хливъ.—«На що»—каже—«я взявъ йійи? було бъ оддать!»—Лежыть та торбынка на хливи и гные. Хто пиде у хливъ, той найде червинця и хвалыцця: «у хливи я найшовъ червинця,—мабуть тамъ е скарбъ.»—А кучерь соби й каже: «э, се не те, шо мете, а шо зверху йде! А пиду я зниму торбынку,—може червинци и тамъ е.»—Колы якъ знявъ, якъ поглядивъ,—колы вона повна: усе червинци та червинци та все сами! Отъ, винъ ти червинци забравъ и поховавъ у скрыню: «се»—каже—«не то мени, не то дитимъ, а онукамъ и правнукамъ хвате на прожытокъ».

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда, записано въ 1885 г.).

---

120. ВИРНЫЙ ИВАНЪ.

Його вирнымъ звалы за те, що винъ бувъ на все вирный: хочъ яку шкоду було здила, такъ прызнаецця. Жывъ винъ у одного багатого помищыка, пасъ винъ тамъ гуртъ быкивъ. На його панъ вирывъ справно, якъ на ридного батька. И винъ свойимъ словомъ вирный бувъ, хочъ можно було за його спорыть.

Отъ його хазяйинъ та одного разу бувъ на балу. Тамъ багато було помищыкивъ. Отъ винъ зъ одным панонъ розбалакався, шо въ його есть такый пастухъ, шо у всьому винъ вирный, ничого не затайить.

А той помищыкъ ставъ спорыть, шо винъ пры очахъ тилько вирный, а якъ за очи, такъ може саме первый мошенныкъ. А цей ставъ спорыть, шо винъ у мене вирнишый ридного батька. А той помищыкъ взявся у правду спорыть:

— Ужъ я увѣряю, что онъ у тебя схвальшуетъ; вотъ я выкладаю въ залогъ тысячу рублей; выкладай и ты тысячу, тогда если онъ схвальшуетъ, такъ я забиру залогъ, а какъ будетъ вѣрный, такъ ты забирешъ.

Той согласывся, надіецця, шо його Иванъ останецця вирный.

Отъ воны побувшы на балу, поспорылы и выложылы по тысячи залогу, съ тымъ и розйихалысь. Отъ той помищыкъ, що спорывъ изъ Ивановымъ хазяйиномъ, шо «твій Иванъ змошенныча», ставъ думать, якъ Ивана пидманыть, шобъ збрехавъ своему хазяйинови. Отъ винъ пидкупывъ таку бабу, шобъ його скусыла.

Отъ вона, та баба, нарядылась уроди страпныци и пишла до його. А Иванъ Вирный бувъ саме главнымъ настухомъ, а коло себе державъ челядныкивъ. И винъ саме у се времъя, якъ прыйшла до його баба, лежавъ у курини.

Отъ прыходе та баба и стала роспытувать:

— Якъ вы тутъ харчытеся? Хто вамъ пере сорочкы?

— Нихто намъ не помага, мы сами соби стараемось.

А вона тоди каже йому:

— Прыймить мене до себе, я вамъ буду варыть и сорочкы прать.

Иванъ и каже:

— А чо' жъ, поступай: намъ панськыхъ харчивъ не жалко.

Отъ вона осталась у йихъ жыть, пожыла тамъ чы день, чы два и стала казать Иванови:

— Шо якъ-бы, Иване, ты отого быка зарizавъ, шо зъ золотымы рогамы?

А воно, бачъ, у тому стади та саме бильшый бувъ быкъ, и на йому надити золоти рогы, винъ бувъ передовымъ. Отъ Иванъ и одвича тій баби:

— Заризать, то не вынить, та у насъ нема такого вола убильшкы: панъ узна и буде насъ заять.

А та баба и каже:

— Ни, Иване, ты такъ, шобъ и панъ не знавъ, зарижъ!

А Иванъ и каже бабы:

— То не нужно, шо панъ узна, тамъ не скико убытку, якъ рубливъ пиздесятъ, а то горе, шо нема такого быка, шобъ прыйшлысь рогы.

Ну, такъ послухавъ Иванъ бабы, заризавъ быка, рогы знявъ, бросывъ у курини. Та баба дождала ночи, спъятыла ти рогы и дала лыпытухы до пана. Панъ тоди, якъ угляднвъ, такъ и затрусывся: отъ теперь моя правда буде, шо Иванъ змошенныча, шо быка заризавъ, и ще й къ тому золоти рогы у його вкрала баба. Такъ теперъ уже винъ дума, шо Иванъ не прызнаеццяя. Отъ панъ той тоди уже назначывъ и чысло, шобъ збиралысь уси ти паны, яки булы на балу.

Отъ Иванъ прокынувся, оглядився, ажъ нема ни бабы, ни золотыхъ ригъ. Винъ ставъ тоди думать, якъ одбрехацця одъ пана. Отъ винъ тоди устромывъ палку, а на палку повисывъ шапку та тоди одъ курния пидийшовъ до тійи шапкы и каже самъ за себе и за пана:

— Здоровъ, пане!

— Здоровъ, Иване!

— О чомъ, Иване, прыйшовъ?

— Къ вашій мылосты, пане!

— О чомъ?

— Та отъ о чомъ: быкъ здохъ зъ золотымы рогамы.

— А золоти рогы де?

— Не знаю, пане!

— Брешешъ, Иване!

— Правда ваша, пане!

Значыть, не прыходыцця Иванова брехня — выноватъ останецця. Съ тымъ випъ пишовъ одъ тійи палкы до курния та й думае самъ соби:

— Дай я попробую такъ, шо бутто вола вовкы иззилы.

Отъ випъ одъ курния упъять пишовъ до тійи палкы. Пидійшовъ и каже упъять:

— Здоровъ, пане!

— Здрастуй, Иване! О чомъ, Иване?

— Къ вашій мылосты, пане!

— Та о чомъ?

— Та отъ о чомъ, пане: золоторогого быка вовкы ззилы.

— А рогы де?

— Вовкы затаскалы!

— Брешешъ, Иване!

— Правда ваша, пане!

Упъять не прыйдецця Иванова брехня, хочь и скаже, шо вовкы иззилы. Та соби и дума самъ соби: а ну, якъ вово выйде, якъ прызнаюсь?

Узявъ упъять пишовъ Иванъ до палкы, пидійшовъ и балака самъ съ собою:

— Здоровъ, пане!

— Здрайстуй, Иване! О чомъ, Иване?

— Къ вашій мылосты, пане!

— Та о чомъ же ты, Иване?

— Та отъ о чомъ, пане. Прыйшла до мене баба-яга, костяна нога, пидманыла мене, шо я буду вамъ сорочкы прать и йсты варыть, та тилько, каже, шобъ йій зарizавъ того вола, шо зъ золотымы рогамы. Я зарizавъ, рогы положывъ у курнинь. Вона рогы ти взяла и до пана подалась.

— Правда твоя, Иване! Прощаю тоби.

— Ну теперъ прыйдецця у тахту,—дума Иванъ самъ

собп, хочъ и панъ спыта його. И такъ винъ розположывъ, хочъ и пытатыме його панъ, такъ буду казать правду.

Огъ, прыйшло те чысло, що назначывъ панъ. Позбиралысь уси ти паны, що булы на балу тоди, якъ панъ спорывъ. Звуть туды й Ивана. Винъ було оторопивъ, самъ собп дума: що ще мени буде за того быка? А тамъ уже уси паны такъ и росположылы, шо пропала Ивановоro пана, чы пакъ хазяйипа, тысяча потому, що быка нема,ище къ тому у йихъ на рукахъ и золоти рогы.

Отъ прыдставылы Ивана на той балъ. Увийшовъ винъ у комнату, поздраствувався и пытаецпя свого хазяйина:

— О чомъ вы мене прызвалы, пане?

— Та отъ о чомъ: де ты мого быка дивъ?

— Та отъ де, пане: прыйшла до мене баба-яга, костяна нога, та й каже мени: «прыймить мене до себе, я вамъ буду йисты варыть и сорочкы прать». Я прыйнявъ. Вона мени прысовитувала быка зарizать. Я зарizавъ, рогы положывъ у курини, а баба-яга, костяна нога, пидхватыла ти роги и понесла до пана.

Тутъ уси такъ и зареготалысь. А хазяйинъ тоди й каже:

— А что, господа, я казалъ, что мой Иванъ вѣрный, такъ вѣрный.

А на Ивана сказавъ:

— Ну, а ты, Иване, иди по прежнему паси быковъ, я тебѣ прощаю.

И такъ той панъ вызволывсь своймъ Иваномъ, узявъ тысячу залогу и золоти рогы вернувъ. А Иванъ остався пасты волнвъ йому; и за те панъ простывъ, що вола зарizавъ, а бачъ такы остався навсигда Вирнымъ.

(Отъ селянина-хлибороба Артымона Обрамовича Сидуна, старше 50 лѣтъ, въ сл. Тышанкѣ Воронежской губерніи записалъ Павло Тарасевскій въ 1892 г.—Сообщилъ М. А. Дикаревъ).

Рудченко, Сказки. I. № 81. Вирный крепакъ.

121. ТРЫ БРАТЫ.

Жылы соби тры браты,—таки багати воны булы! я не вмилы воны по панському балакать; а якъ-то бажалось умить! Отъ и пишлы воны до панського будынку—слухать, якъ паны балакають. Самый менчый братъ пидбигъ нидъ викно та й почувъ одно слово: *мы;* середній пидбигъ,—почувъ багато: *ни за се, ни за то;* старшый пидбигъ, почувъ: *такъ тому й быть.* Отъ и пишлы воны. Идуть,—ажъ мертвый чоловикъ лежыть. Колы тутъ становый йиде.—«Це вы вбылы чоловика?» пыта винъ. А браты й радятця мижъ себе: «Якъ-же його, по панському балакать?»—Та по панському-жъ.—«Ну й по панському.» Отъ менчый братъ каже: «Мы!»—За що-жъ вы його вбылы?—Середній братъ каже: «ни за сё, ни за то!»—«На Сибиръ-же васъ!» А старшый братъ: «Такъ тому й быть!» И попровадылы тыхъ братив на Сибиръ.

(С Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда Харьковской губ.)

Манжура, «Сказки», стр. 118: «Якъ руськи по нашому балакать вчылысь».

122. ПРОПАЛА КОБЫЛА!

Пишовъ одынъ чоловикъ давать объявку у волость, що въ його вкрадено кобылу. Пысарь довго не хотивъ пысать объявленія, у сылу його той чоловикъ упросывъ. Отъ пысарь пыше, а чоловикъ стойить та дывыцця. Пысарь пысавъ, пысавъ, а на пры кинци пидпысався та й росчеркнувся. Чоловикъ вернувшысь додому и росказуе жинци:

— Довго не хотивъ пысать, а потимъ сивъ, пысавъ-пысавъ, да—пысь! пропала, жинко, кобыла!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

123. ДЕ ДАЛИ—ПОГАНИШЕ.

Казавъ покійный батько: «мени погано жыть, а вамъ, дитки, ще труднійшъ буде, а вашымъ дитямъ ще хужше. Прыйдуть таки часы, що буде зелено, да не буде весело.» Дакъ оце вже може й прыйшло тее времъя, що, мовлявъ, буде зелено, да не буде весело.

(Разсказъ передавъ по поводу мочливаго лѣта 1887 г., когда мало утѣшительнаго можно было ожидать пахарю: вслѣдствіе частыхъ дождей и холода надежда на урожай была плоха, хотя все зеленѣло).

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

124. ЖИНЧЫНЕ ОПОВИДАННЯ ПРО ТЕ, ЩО БУЛО.

Росказувала Смолынська жинка (Смолынъ—село Остерського повиту): Колысь лисы якп булы,—Господы! Ще на моюой памети скуольбы йихъ було! И де воно подивалось, наче й не було. А потимъ попрыйиздж ал ы якись да сталы могылкы роскопувать, шукалы якогось золотого коня. А могылкы тые понасыпавъ якыйсь князь, якъ воювавсь.

— Дакъ що-жъ, найшлы золотого коня?

— Понаходылы кости да якесь черипъя, а коня не знайшлы. А посли сього, якъ ставъ у насъ скотъ падать, дакъ нехай Богъ мылуе, якъ здорово падавъ. Отъ одному дидови и прыснылось, що наче прыходыть до його якыйсь дидъ и каже: «бачте, дитки, я вамъ казавъ, не чипайте нерезового гнизда. (Нерезъ—ремезъ, птыця). Дакъ посли сього сталы съ процесіямы ходыть, такъ скуолько можна и по полю. Дакъ Богъ мылосердный змылувавсь и уищухло.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.).

---

125. ПРЫКАЩЫКЪ ТА ГАДЮКА.

Жывъ соби панъ Демъяненко; за людьмы винъ хочъ и не доглядавъ, а бывъ здорово. Отъ воны й наважылысь йому чымъ небудь оддячыты. Ставъ у Демъяненка родыцця негарный хлибъ: оце пойиде винъ на поле, то у людей гарный хлибъ, а въ його ни; и на другый рикъ такъ, и на третій. А то якъ пойидуть люде ораты та сіяты на панській земли, то наберуть мишкивъ пъять кантохы, посіють хлибъ, тоди печуть кантоху та й жывуть тамъ; а якъ жыто зійде— вона тоди його переволочуть та й пойидуть додому. А жыто одъ цього буде вже не таке.

На третій годъ панъ найнявъ прыкащыка, щобъ винъ доглядавъ за людьмы. Прыкащыкъ и дязнавсь про все. Якъ почалы тоди быты людей пугамы: трычи оббывалы шкуру и трычи наростала.

Ото славъ разъ Демъяненко прыкащыка у городъ, щобъ купывъ панови якойись матеріи на одижъ. Отъ, пойихавъ прыкащыкъ та й ставъ перейиздыть лисъ. Йиде, йиде... Колы це хтось крычыть:

— Рятуйте! рятуйте!

Прыкащыкъ подывывсь кругомъ—нема никого; винъ и пойихавъ дали. Колы крычыть упъять:

— Рятуйте! рятуйте!

Прыкащыкъ вернувся та й йиде. Колы це плыгъ на його зъ дерева гадюка та й обвылась коло шыйи. И не кусае гадюка, и не одирвешъ йийи. Прыкащыкъ прыйихавъ до пана та й каже:

— Теперъ уже якъ хочте, а я не пойиду у городъ.

А самъ сивъ на коня та й пойихавъ у чысте поле. Йиде та й йиде, колы дывыцця—стойить такый велыкый бу-

дынокъ. Прыкащыкъ увійшовъ у той будынокъ; колы це гадюка плыгъ додолу та й каже:

— Це мій будынокъ. Служы у мене: якъ вирно служытымешъ—простю те, що бывъ людей, а не служытымешъ вирно,—голову съ плечей!

Отъ, прыкащыкъ прослужывъ у гадюкы годъ, та такъ уже вирно! Гадюка казала йому, щобъ найнявся и на другый годъ. Прыкащыкъ ставъ одмагатыся, а гадюка каже:

— Якъ послужышъ—наградю, а не послужышъ—голову съ плечей зниму.

Прыкащыкъ прослужывъ и другый годъ. На третій годъ прыкащыкъ и самъ ставъ, бо у гадюкы гарно було жыты: було у вищо одягтысь; було багато усякыхъ напыткивъ и найидкивъ.

Якъ выслужывъ прыкащыкъ третій годъ, гадюка стала дивчыною та й каже:

— За те, що ты мени вирно служывъ, я даю тоби коня, шабельку, торбу та сорочку.

(Бо гадюка ця була дивчына, а тилькы зробылась гадюкою).

Отъ, сивъ прыкащыкъ на коня, взявъ торбу, шабельку та сорочку й пойихавъ. Йиде та йиде; та такъ схотилось йому йисты. Винъ и дума: «що-жъ я за козакъ: служывъ, служывъ тры годы та не заробывъ и на горилку?»

Та й вернувся назадъ до дивчыны.

— Такъ и такъ,—каже,—служывъ тры годы, та ни за що й горилкы выпыть.

А дивчына каже:

— Я дала тоби все, та не сказала, що зъ нымъ робыть. Ота торба така, що якъ скажешъ: торбо, давай грошей!—то такъ и насыпе купу; шабелька-самобійка така, що скилькы війська не буде,—все сама побъе; ота сорочка така,

що черезъ тры дни перепираецця и сама на тебе надиваецця. Будь-же ты мени братомъ, а я тоби сестрою.

Прыкащыкъ и пойихавъ у чысте поле. Прыйихавъ до одного пана та й оженывся зъ його дочкою.

Отъ и жывуть. Колы це другый панъ пыше йому лыстъ: «у твого зятя грошей багато, а війська нема. Хай хочъ землю оддае, хочъ высыла військо».

Панъ засумувавъ. Зять и каже йому:

— Чого вы сумуете? я все зроблю!

Отъ винъ узявъ шабельку-самобійку та одного чоловика и пойихавъ воювать. Выйихавъ у поле та й ставъ варыть галушкы. Колы це прыйихавъ до його передній козакъ та й пытае:

— Що це въ тебе стилькы війська?

— Стилькы!

— Це мало й поснидать!

— Брешешъ, и за обидъ не пойисы!

Козакъ и пойихавъ.

Уставъ на другый день прыкащыкъ, колы дывыцця: йде війська десять тысячъ. Винъ якъ крыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Шабелька якъ почала рубать: руба та й руба,—усе військо вырубала. Отъ, тоди прыкащыкъ и вернувсь до дому. А панъ зибравъ упъять військо та й пыше лыстъ: «у твого зятя грошей багато, а війська мало: хай або землю оддае, або йде воювать.»

Панъ засумувавъ упъять.

— Чого вы сумуете? усе гараздъ буде,—сказавъ зять.

Узявъ двохъ чоловикивъ и пойихавъ у чысте поле. Сталы воны та й варють галушкы. Колы це йде козакъ та й пытае:

— Оце у тебе стилькы війска?

— Стилькы!

— Сього ничого й поснидать.

— И за обидъ не пойисы,—каже прыкащыкъ.

Козакъ и пойихавъ.

Якъ уставъ на другый день прыкащыкъ, глянувъ—колы стойить війська двадцять тысячъ. Винъ якъ крыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Шабелька якъ полетила: руба та й руба, покы порубала всихъ. Прыкащыкъ и вернувся додому. Отъ, панъ думавъ, думавъ: якъ-бы повоювать прыкащыка? Отъ и каже слугамъ:

— Пидить вы до прыкащыковойи жинкы та роспытайте йийи, чымъ воюе йийи чоловикъ.

(А та жинка та зналася съ паномъ).

Отъ, слугы прыйшлы та й сказалы. Жинка потимъ и пытае у прыкащка:

— Скажы-бо мени, чымъ ты воюешъ?

— Не можна,—каже прыкащыкъ.

— Такъ ты мабуть мене й не любышъ, що ничого не кажешъ?

Винъ и сказавъ. Отъ тоди уночи жинка вкрала шабельку-самобійку, а намисць йийи положила другу, та й оддала йийи панови. Отъ и пыше упъять панъ: «у твого зятя грошей багато, а війська нема: хай або землю оддае, або йде воюваты». Панъ зажурывся упъять.

— Чого вы сумуете?—пыта прыкащыкъ.

— Якъ-же мени не сумувать, колы иде на насъ війною панъ, а въ насъ и війська нема!

— Не журиццятя: все такъ буде!—сказавъ зять, узявъ шабельку та трьохъ чоловикивъ и пойихавъ у чысте поле. Выйихалы вовы у поле та й сталы варыть галушкы. Колы прыйиздыть козакъ та й пытае:

— Оце у тебе стилькы війська?

— Стильки.

— Сього не стане й поснидать.

— И за обидъ не пойисы.

— Ни, пойимъ!

— Ни,—каже,—не пойисы!

Козакъ и пойихавъ. Уставъ на другый день прыкащыкъ, дывыцця—стойить війська, скилько око гляне. Винъ якъ крыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Не берецця.

— Шабелько—самобійко, берысь!

Не берецця.—А тутъ надбигло військо, рубонулы шаблею прыкащыка, одрубалы голову, тилькы й зосталась на тоненькій жыли. Кинь злякався та й понисъ прыкащыка ажъ до сестры. Сестра побачыла та й каже:

— Братику, братику! що-жъ се ты наробывъ!

Та заразъ поклыкала усихъ гадъ и послала йихъ по цилющу та по жывущу воду. Якъ гады прынеслы цилющойи та жывущойи воды, сестра побрызкала брата цилющою водою,—и голова прыросла до шыйи; побрызкала жывущою водою,—и братъ ожывъ.

— Та й довго-жъ я спавъ!

— Ты-бъ заснувъ навикы, якъ-бы кинь не прынисъ до мене,—сказала сестра и потимъ роспытала, що зъ нымъ було. Братъ росказавъ усе. И сестра дала йому такого зилля, що якъ выпъешъ, то зробышся чымъ хочешъ: хочъ птыцею, хочъ звиромъ, хочъ рыбою. Братъ узявъ те зилля й пишовъ до пана, до свого ворога. Дывыцця, колы панъ ходе коло рички, а у його збоку шабелька-самобійка, бо винъ йійи беригъ и носывъ йійи скризь съ собою. Прыкащыкъ зробывся селезнемъ та й плава по води. Панъ дывыцця, що такый гарный селезень, та ще й молодый, не вміе литать,—скынувъ

одижъ та за нымъ. Селезнык одпливъ трохы дали; панъ упъять за нымъ; селезныкъ дали. Отъ селезныкъ, якъ заманывъ уже пана на середъ рички, пырхъ на беригъ, узявъ шабельку за реминчыкъ у ротъ та й понисъ до сестры. Тоди сивъ на коня та й прыйихавъ до того пана, де жывъ, одвоювавъ назадъ землю, та й жывуть: есть у йихъ тры комори худобы: въ однiй макъ, въ другiй такъ, а въ третiй чорт-ма ничого.

(Сл. Нижняя Сыроватка Харьк. губ. Сумск. уѣзда, отъ парубка).

126. НЕПРАВЕДНЕ ДИЛО.

Одынъ чоловикъ годувавъ для себе кабана и выгодувавъ його, шо вже ставъ гладкый. Прыйшовъ празныкъ Риздво. Винъ уже намирявся заколоть свого кабана, а тутъ де не взялася скажена собака и порвала його (кабана) — наказавъ мабуть його Богъ, шо винъ дуже обманювавъ людей. Отъ той кабанъ ставъ уже казыцця, а винъ тоди дывыцця, шо бида — и ловкый кабанъ, а пропаде, наробе йому дуже багато убытку. Винъ узявъ його та й повизъ на базарь, шобъ кому небудь продать, дарма, шо грихъ, та жаль штукы, а пиде взять, бидненькый бувъ.

Отъ винъ навалывъ його на саны и повизъ. Ставъ винъ на площади и жде покупщыка. Отъ прыходе до його мужычокъ бидный-пребидный; и винъ усе бродывъ по базарю, шобь купыть хочъ съ пивпуда къ празныку. Отъ винъ пидходе и пыта його, якъ непаче нарошне:

— Ну шо, чоловиче, кабана продаешъ?

— Кабана.

— Шо-жъ ты за його думаешъ просыть?

— Десять рублывъ!

А винъ такый, шо стойить рублввъ пьятнадцять. А цей тоди дывыцця, шо кабанъ велыкый, а просе дешево проты людей, та самъ соби на думци й каже: «Есть симъ рублвъ, та мабуть не буду купувать саней та чобить та почовъ, а поторгуюсь за кабана,—хочъ за вси годы цилый годъ полаеуемо, згадаемо, колы Риздво було». Отъ винъ и каже йому:

— Оддай за шисть рублвъ—возьму.

А винъ тоди не довго думавшы, каже:

— Отъ шо, чоловиче: для тебе за симъ оддамъ, а бильшъ не торгуйся: це вже такъ, шо ты чоловикъ добрый, такъ уважаю.

Цей тоди дума-дума: и кабанъ велыкый, и мали гроши, та самъ соби подумавъ, шо може винъ крадевый, та тоди й каже:

— Ну шо, якъ за симъ, такъ за симъ. Давай Богу молыцця!

— Давай! Помагай тоби Богъ нымъ попользуваццця! Оддаю тоби дешево.

— Спасыби, шо уважылы на мою бидность.

Ударылы вони по рукахъ, помолылысь Богу. А цей выйнявъ йому гроши, оддавъ. Той поблагодарывъ и пойихавъ, а цей тожъ звалывъ кабана на свойи саны и пойихавъ додому. Прыйихавъ винъ додому, заколовъ свого кабана, опатравъ, прыбравъ, шо куды.

И дождалы вони празныка, розговилысь и сталы засувать кабанятыною: кожный день у йихъ борщъ съ свыныною, сало частенько жарылы и не було йимъ нiякого вреда йилы та благодарылы того, у кого купылы.

А той чоловикъ та возывъ горшкы. Отъ винъ на святкахъ та зайихавъ у те село, видкиль у його купывъ чоловикъ кабана. Зайихавъ винъ по тому селу и дойихавъ на-

проты свого уже кабанячого свата. Отъ выходе баба того чоловика, шо винъ купывъ у його кабана, и купуе горшкы. Набрала вона горшкивъ и пишла у хату гроши выносыть. На той грихъ выйшовъ и мужыкъ зъ нею на двиръ. Колы винъ роздывывся, ажъ цей горшешныкъ та знакомый, жыво його угадавъ и каже:

— Здоровъ, свату!

А той тоди дывыцця-дывыцця, та й угадавъ, та й соби:

— Здоровъ, здоровъ!

— Зайидь, свату, погрійся, а то ты мабуть змерзъ.

— Спасыби, я ще не змерзъ, теперъ иначе тепло мени показуецця.

— Ну, та шо хыба, зайихать можно, покормышъ у насъ коня.

Ну, винъ опынався-опынався, а такы зайихавъ, роспригъ коня и пишовъ у хату грицця.

Воны посадылы його за стилъ и подають йому снидать жареного сала. Винъ не хоче, а воны кынулысь просыть його:

— Та шо, Богъ зъ вамы, хыба вы сердытесь на насъ, шо дешево кабана намъ продалы?

— Ну, шо вы выгадуете ище, чого тамъ я на васъ буду сердыцця: це я не хочу, шо недавно снидавъ. Снидайте самы!

А винъ, бачъ, боявся, шобъ не сказыцця, а хотивъ углядить, якъ воны будуть йисты, тоди и винъ сяде. Отъ воны прысталы дужче до його:

— Та сидайте, покушайте сальця! Вы хочъ и снидалы, а сала може не йилы—сидайте такы, хочъ покуштуйте: тутъ якъ сало, такъ прямо за уши не одтягнешъ! Спасыби вамъ, що надилылы: и дешево, и сало браве, и кабанъ такы чымалый. Мы оце йимо цили святкы и вамъ усе благодарымо.

А винъ одказуеццa и самъ соби торопыцця, бойицця йисты. Ну, воны уже бросылы просыть, а сталы самы йисты. Отъ воны йилы-йилы та й сталы його упъять просыть, шобъ сидавъ. Винъ тоди дывыцця, шо воны йидять и нема йимъніякого вреда, та самъ соби и дума: «та шо Богъ дасть, буду йисты,—воно черезъ огонь перейшло».—Отъ съ тымъ ришывся сисгы. Сивъ винъ, ставъ йисты. Отъ воны поснидалы, запригъ нашъ горщешныкъ и пойихавъ дали. А воны все йому дякувалы безъ переставу, шо надилывъ йимъ добро, прямо не схвалылысь нымъ, и про це не зналы, шо воно скажене, и не було йимъ ніякого вреда писля його.

Отъ, нашому горщешныкови на дорози стало нудыть, кружыцця у голови. Винъ побоявся дали йихать, шось йому стало нездорово. Вернувся додому, а йому все де дали хуже и хуже стало: вертыцця у голови, уже йому не выдно, де й кобыла. Винъ тоди поскорій додому. Не дойихавъ винъ додому, якъ ставъ уже не тямыть самъ себе. Добывся винъ сякъ-такъ додому, дали уже ставъ забалакуваццa и драццa на стину. Жинка и диты полякалыся, що це йому таке сталося и сами не знають. А винъ уже ставъ у правду казыцця. Дозналы люде, нараялы жинци, шобъ повезла личыть, такъ вона возыла, куды тилько не куды. Съ тымъ винъ сказывся и пропавъ, а ти, шо купылы кабана, пззилы усього и не почуствувалы ніякого вреда, осталысь жыви и здорови по це времня. А той, шо продавъ йимъ скаженого кабана, и самъ сказывся, а тыхъ Богъ спасъ одъ смерты.

(Записалъ г. Павло Тарасевскій въ с. Тышанкѣ Воронежской губ. отъ жинки Ульяны Прокоповны Хведьченковой, 68 лѣтъ, въ 1892 г.—Сообщилъ М. А. Дикаревъ).

127. РОЗУМНИ ЧУМАКЫ.

Зачалы чумакы когось быть за щось. Пидйихалы други и соби прысталы, не роспытавшысь за що. А ось йидуть ище та й пытають:

— А за що бьете?

А други одказують:

— Про те перпшй знае.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.).

---

128. ОХОЧЫЙ ДО ШЫНКУ.

— Ходимъ до церквы!

— Грязько.

— Ну, дакъ ходимъ у шынокъ!

— Хыба по пудъ плетнемъ да помаленьку...

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.).

---

129. КОВАЛЬ.

А то якъ коваль съ пуда зализа зробывъ шышкъ. Одынъ хлиборобъ каже ковалеви: «выйде съ пуда зализа лемишъ?» —«Выйде та ще й добрый!»—«Ну, на зализо, робы!»— Отъ винъ робывъ, робывъ...—«Ни,»—каже,—«не выйде лемишъ, а выйде чересло».—«Ну, робы чересло!»—Робывъ, робывъ... «Ни»,—каже,—«не выйде чересло, а выйде сокыра».—«Ну, робы сокыру!»—Робывъ, робывъ...—«Ни»,— каже,—«не буде сокыра, а буде долото».—«Ну, робы й долото!»—Робывъ, робывъ...—«Ни»,—каже,—«не буде долото, а буде швайка».—«Робы швайку!»—Робывъ, робывъ...— «Ни, не буде швайка, буде шыло.»—«Та робы й шыло!»—

заплескавъ, устромывъ у воду загартувать,—воно й зашыпило. Мужыкъ (тоди): «Еге, бачъ,»—каже,—«що воно выйшло пшыкъ! Ну, прыходь-же по гроши!»—Коваль пишовъ и хлопця взявъ.—«Гляды-жъ,»—каже,—«якъ буду гроши просыты,—и ты кажы: прыбавте, пан-отче, й на хлопця, бо роботы було багато.» Прыходють. Мужыкъ попавъ коваля за верхивъя и давай йому метелыци даваты! А хлопець за дверыма крычыть: «прыбавте, пан-отче, й на хлопця, бо роботы було багато!»

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго.)
Номисъ, Укр. приказки, № 1858 (стр. 284.)

130. ДОЛЯ.

Що-весны йдуть, бувало, зъ нашого села у Таврію,—ну, й я зъ людьмы. Стойимо, бувало, по два, по тры мисяци у Обытошній, у Бердянци, часомъ и въ Марнуполи; доводылось буваты й по тамошнихъ селахъ, збиралы мы тамъ ганчиркы—вымингоемо йихъ за обручкы, що намъ, бувало, прысылають зъ хвабрыкъ зъ Одесу та зъ Ростову, а мы йимъ ти ганчиркы одсылаемо и добри, бувало, гроши заробляемо.

Одного разу довелось мени стояты на хуторци, що коло Андрійивкы, Бердяньського повиту. На першу ничъ попросывсь до одного чоловика, винъ пустывъ и казавъ, шобъ я що-дня у його ночувавъ. Того року корма тамъ булы дороженьки, бо невроҗай бувъ. На сей разъ овесъ у мене бувъ зъ Бердянкы, ну, а сина—дуже скрутно: мени довелось скризь выбигать по хатахъ, шукаючы, бо й хазяйинъ мій не мавъ свого сина, та вже хазяйинъ мій намовывъ:

— Пиды ты,—каже,—до нашого багатыря, у його е сино, винъ продасть.

Пишовъ я до того багатыря, продавъ винъ мени зъ десять хунтивъ сина и взявъ за нього двадцять конийокъ. Прынисъ я те сино, а хазяйинъ мій и пыта:

— Що винъ узявъ съ тебе?—Та въ його заразъ-же е двисти четвертей жыта и трыста четвертей пшеныци.

Я сказавъ йому, та й пытаю:

— Чы винъ такъ робе, чы доля його така, шо винъ такый багатый?

А хазяйинъ мій бувъ чоловикъ доволи старенькый, литъ йому було надъ симдесятъ, здаецця, колысь винъ и въ москаляхъ бувъ; ну, такъ хазяйинъ мій и каже:

— Э, сыну, скажу я тоби про долю: доля у кожного чоловика е, та не кожный йийи найде.

Колысь жыло соби два браты—одынъ убогый, а другый багатый, и у вбогого дыты е, а въ того багатого—немае; вбогый ще й калика до того. Браты жылы вкупи. Тилькы багатый и каже:

— Яка корысть мени съ того, що я дитей твойихъ годуватыму?

Та взявъ и оддилывъ його: давъ йому одного куцого быка, а билшъ ничого не давъ. Продавъ бидный того быка, выстройивъ соби хатку й жыве соби, бидуючы.

А братъ його насіявъ пшеныци десятынъ зъ двадцять, а може и съ трыдцять; прыходють жныва, а вбогый и говоре до свого сына:

— Ходимъ, сыну, до дядька наймемось, може пшеныци скосымо зъ десятыну яку.

Найнялысь, рубливъ за пъять, чы тамъ за шисть. Цилый тыждень косылы воны ту десятыну, бо, звисно,—той калика, а той малый. Ну й було отакъ бы то: сьогодня субота, а завтра недиля; и воны косылы увесь день, не йившы, а ввечери батько й каже:

— Ходимъ, сыну, до дядька,—чы не дасть винъ намъ повечерять, бо робочымъ свойимъ варыть же йисты, то може й намъ шо дасть.

Прыйшлы воны, а багатый братъ и пыта:

— А шо, справывся зъ десятыною?

— Та скосывъ, каже,—зъвязавъ, тилькы не зносывъ.

— Э,—каже багачъ,—се вже мени не робота. Заразъ складай у копы!

И не давъ винъ йимъ йисты. Заплакавъ убогый и пишовъ съ свойимъ сыномъ на всю нинчъ складаты ти снопы, не маючы рискы въ роти. Носылы воны такъ, шо отъ уже скоро почне на свитъ благословыцця. Позносювалы, а батько й каже:

— Прыляжмо, сыну, та хочъ одпочынемо трохы, бо дядько твій, спасыби йому, нагодувавъ насъ.

Хлопъя, звычайно, натомылось, упало й заразъ заснуло, а батько схылывся на ликоть та й журыцця, що нема чого йисты ни соби, ни дитямъ. Дывыцця, а по ныви, де винъ косывъ, ходыть простоволоса жинка у билій сорочци. Той убогый и дума: «Господы, шо воно ходыть такее, шо наче бойицця блызько до мене й пидходыть? Дай я въ нього спытаюся,—шо воно такее е?

— Слухай, шо ты такее е?

— А я,—говорыть,—твого брата Доля.

— Чого-жъ ты тутъ ходышъ?

— А ходжу отсе та збираю колосочкы та въ снопы застромлюю, шобъ ни жаденъ не пропавъ.—(Багатому и чортъ дытыну колыше. Звычайно, багатому все йде, якъ зъ воды, а въ бидного, колы самъ чого не загубе, то шось украде).

— Эхъ, Господы!—подумавъ бидный, якъ бы мени піймать йийи та допытатыся, де моя Доля?—(Бо, звычайно,

уже вона знае, де Доля усякаго чоловика).—Прыклыкавъ винъ ту долю до себе та й піймавъ.

— Доле мого брата, скажы-жъ мени, де есть моя Доля?

— Э, чы ты-жъ піймаешъ свою Долю? Твоя доля— купцювать. (Усякому своя доля: той купцемъ, той шевцемъ. Колы-бъ я чыю долю піймавъ, то може-бъ тоди розшукавъ десь и свою, та бида шо не всякый чоловикъ такый щаслывый).

— Скажы-жъ ты мени: якъ мени знайты мою Долю?

— А такъ,—каже: уставай та йды скорище додому та выстыгай у городъ и щобъ до ранку ты вже тамъ бувъ. И зостринецця тоби тры панночкы: дви въ однаковому убранни, а третя въ иншому. И якъ воны йтымуть, попереду музыка гратыме, а воны танцюватымуть, и та, третя, твоя Доля. Зайды ты позадъ нейи й вдарь йійи по вуху, шобъ вона ажъ упала.

Прыходе той калика убогый у городъ, ажъ усе такъ зостричае, якъ та йому казала. Винъ и подумавъ соби:

— Господы мылостывый! я теперъ бидный, а що-жъ мени буде, якъ ударю я таку пани по вуху? то ще доведецця жыты у «дядьковій хати.» Эхъ, шо буде, те й буде!

Та якъ луснувъ йійи по вуху! Вона впала та й оглянулась та й каже:

— Э, найшовъ такы ты мене тутъ! Ты думавъ, шо я буду по нывци ходыть та колоскы збырать? Ни, я купцюю. (Бачте, вона купцюе, а винъ горюе).

Узяла вона його й повела до себе, а въ нейи було дви велыкыхъ лавкы съ товарамы,—нарядыла вона його, бо винъ бувъ обидраный,—надила на його нови чоботы и усю одежу. (Наряды, каже, пенька, то й пеньокъ гарный буде). Дали давай вона його навчать:

— Теперъ у насъ у городи цинують у одного купця два домы. Мы поснидаемо та й пидемо туды, бо треба намъ на циновку выстыгать. Тилькы гляды, выйдуть два купци, будуть торгувать, а ты выйдешъ третій на ту циновку. Будуть говорыть: «хто шо дае за си два домы?» То ты не озывайся а мовчы, хай воны свою цину дають. Одынъ надае дви тысячи, другый чотыри, а якъ крыкнуть у третье: «хто бильше?»—то ты ажъ тоди вже набавляй.

Пойихалы воны на ту циновку, и такъ винъ забравъ обыдва домы.

Прожывъ винъ у тому городи годивъ тры, а мо й чотыри и забувъ винъ бувъ уже про свою жинку й про свои диты. Одного разу згадавъ и сказавъ кучерю, шобъ той запригъ коней, сивъ и пойихавъ до себе въ село, а якъ подйихавъ до хаты—звеливъ спыныты коней (Якъ жыве чоловикъ пры вбозтви, то й хорошый зробыцця поганый, а якъ пры воли, то й ледащо покажецця гарне).

— Пиды,—говорыть кучерю,—спытай, чы не пустять переночувать.

А винъ якъ йихавъ, то понабиравъ напыткивъ, пайидкивъ, бо добре зна, шо жинка дома не йившы сыдыть Набравъ и одежи дитямъ.

Кучерь, якъ пославъ його купець, прыбигъ до хаты та й пытае:

— А що, хазяйинъ дома?

— Не то шо дома, а хто його й зна, чы винъ хочъ на свити е жывый, бо вже чотыри годы, якъ його чы вбыто, чы заризано.

— А чы не прыймешъ насъ, хазяйко, переночуваты?

— Чому не пустыты? Ночуйте!

Купець и пыта: чы нема чого въ нейи повечеряты?

— И-и! сыдю завжды не йившы, и диты мойи голодни!

Скилькы купець не балакавъ зъ нею, а вона й не впизнала його (бо дежъ-тамъ и впизнаты!). Пославъ купець кучеря наставлять самуварь; той ставывъ-не ставывъ, а самуварь вже й кыпыть. Посадывъ купець кучеря за стилъ, посадывъ хазяйку й дитей, а скилькы винъ того сахарю понакладавъ у чашкы, такъ и Господы!—Выпылы воны чай, а хазяйка такъ дякуе купцеви, такъ дякуе:

— Хочъ у души,—каже,—посолодыло, а то й диты попухлы булы не ййвшы.

Посыдилы, побалакалы; купець пославъ, шобъ кучерь унисъ уси напыткы, найидкы: повечерялы воны. Дякують йому, кланяюцця йому въ ногы, шо напойивъ, нагодувавъ йихъ. А винъ и каже:

— Ни,—каже,—хазяйко, сымъ ще ты одъ мене не оддякуешся: я ще съ тобою спаты ляжу.

— Ни, ни, вже, пане, сього не можна, бо якъ прыйде колы мій чоловикъ та дизнаецця, то ще бытыме мене.

А той и каже:

— Хыба ты вже зовсимъ хочешъ одцуратыся одъ свого чоловика? Ну, колы такъ, то я соби ще кращу знайду.

— Хыба мій чоловикъ такый, якъ вы? мій чоловикъ бидный та вбогый и калика до того, а вы—панъ.

Ну, винъ тоди давай показувать прыкметы. Пизнала. А якъ пизнала вона його, то винъ понаряжувавъ свойихъ дитей и каже тому сынови, шо зъ нымъ косывъ:

— Бижы, сыну, до того дядька, шо якъ мы косылы, а винъ намъ и шматка хлиба не давъ. Скучывъ я за нымъ, хочу побачыть його.

Дило було вночи. Прыбигъ хлопець до дядьковойи хаты та й крычыть:

— Дядьку!

— Чого?

— Йдить до насъ!

— А шо-жъ тамъ у васъ?

— Батько прыйихавъ тройкою коней и брычка.

— Хыба батькивськымы?—сміецця дядько. Ну, а про те пишовъ такы. Прыходыть, поздоровкавсь и багатырь не пизнавъ купця.

— Хыба ты мене не пизнаешъ?—каже купець.

— Якъ же я тебе пизнаю, колы ты бувъ такый бидный, а теперъ ставъ такый багатый?

Зозналыся; давай пыты, давай гуляты. Почавъ багатырь допытуватысь: якъ той забагативъ? А купець и росказавъ йому про Долю. Попрощалысь браты, купець забравъ свойихъ дитей и жинку и пойихавъ зъ нымы у городъ. И теперъ жывуть у городи у Бердянци.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго. Записано отъ Ивана Осадченко. Курской губ., Старооскольскаго уѣзда, с. Обухова.)

«Малор. преданія», стр. 182, № 19. Доля богатаго и бѣднаго.—Чубинскій, «Труды», т. I., стр. 216.—Манжура, «Сказки», стр. 52. Дви доли.

131. К О З А.

Одынъ чоловикъ водывъ козу на торгъ та й не продавъ.—Отъ якъ вивъ винъ йийи додому, такъ прыйшлось иты лисомъ. - Идуть воны лисомъ, колы дывляцця, ажъ лежыть нежывый вовкъ; чоловикъ пидійшовъ до його та й дума, шо робыть. На той часъ йихавъ поблызу панъ изъ гостей. Винъ побачывъ козу й чоловика та й пытаецця.

— Шо ты тутъ робышъ?

— Та це коза моя піймала вовка, такъ я оце думаю, шо зъ нымъ робыть.

Та трохы й почервонивъ, бо збрехавъ.

— Вотъ это харошая каза, что и волковъ беретъ; продай ее мнѣ!

— А шо вы, пане дасте за нейи?—спытавъ чоловикъ.

— Да сто рублей дамъ.

— То й давайте!

Отъ, панъ узявъ козу, повивъ у лисъ та й прывъязавъ на довгій вирьовци до дуба.

Колы це прыходе одынъ вовкъ та й ставъ биля козы, а вона: «мекеке!» та й стойить. Панъ и каже:

— Вотъ проклятая коза: одного еще и не беретъ!

Колы це прыйшовъ и другый вовкъ. а коза все стойить та: «мекеке!» А панъ:

— Вотъ коза: и двухъ не беретъ!

Колы якъ выскоче зъ лису третій вовкъ, якъ хватылы уси тры козу,—такъ и розирвалы! А панъ стойить та:

— Ну, проклятая коза: двухъ не брала, а троихъ не подолѣла!

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

132. ВЕЛЫКИ ВИВЦИ.

Йихавъ разъ панокъ зъ миста додому нанятымы киньмы та все хотивъ розмовляты съ пидводчыкомъ, а той не дуже то бувъ балакучый.

— Цо то но, хлопку, то-тамъ на кгурже пасе сѣ?

— А де, пане?

— Ну, то нѣ видзишъ,— то тамъ на кгурже!

— Та то жъ, пане, вивци!

— То таки со(н) у васъ вивци! То якъ у насъ вивци —таки со(н), якъ тэнъ кунь добры, альбо то ешче, якъ тэнъ вулъ добры! То со(н) вивци! а то цо то у васъ—вивци!

— Отъ яки, пане, велыки у васъ вивци, а въ насъ— таки, якъ ото вы бачылы!

Йидуть мовчкы.

— Але цо жъ ты, хлопку, ницъ нѣ розмавяшъ? Тшеба жъ, абы цось цикавекго панови росказалъ, цось подзивнекго, цо тутай у сѣбѣ мацѣ, панови показалъ.

— Та що тутъ, пане, въ насъ е дывного?! Ото жъ бачылы, яки вивци!

— Але цось зезначнекго мусишъ знаць про свойи крайины, абы пану повядалъ!

— Да тутъ, пане, е въ насъ ричка...

— Ричка, но, хлопку!

— Нетекою звецця; да така вже проклята ричка, що хто хочъ трошечкы скрывдыть, збреше-бъ то, вже тая ричка його не знесе—втопыть!

— Втопыть-но, хлопку? А чы далѣко есть та ричка?

— Та ще верстовъ съ пъять буде!

Мовчать.

— А я то, но, хлопку цось зновъ за ти вивци.

— А що, пане?

— Та то цо я мовялемъ про ти, цо со(н) у насъ вивци, такъ они нѣ со(н), якъ тэнъ кунь добры, альбо то енче, якъ тэнъ вулъ добры, але такъ, якъ тэнъ вовкъ добры! Таки со(н) вивци!

— Ото, пане, яки велыки вивци, а въ насъ таки, якъ ото вы бачылы!

Мовчать.

— А далѣко, но, хлопку, естъ та ричка?

— Та ще, пане, верствы зо тры буде!

— А я то но, хлопку, цось зновъ за ти вивци.

— А що, пане?

— Та ти вивци нѣ со(н) такъ, якъ тэнъ вовкъ добры, але такъ, якъ тэнъ пѣсъ добры!

— Оть, пане, яки велыки вивци, а въ насъ—оттакисиньки, якъ ото вы бачылы!

Мовчать.

— А далѣко по, хлопку, естъ та ричка?

— Та ще, пане, мабуть зъ верству буде!

— А я то, но, хлопку, цось зновъ за ти вивци.

— А що, пане?

— Та ти вивци нѣ со(н) такъ, якъ тэнъ пѣсъ добры, але якъ то у васъ вивци, то такъ со(н) и въ насъ вивци.

Мовчать.

— А оце, пане, й ричка тая, що Нетекою звецця!

— Та то жъ, хлопку, рилля! Ой, хлопку, якъ же то ты збрехавъ!

— Та ни, пане! а бачыте,—ричка та всохла такъ, якъ ти ваши вивци.

(Записано А. А. Русовымъ въ с. Зикрачахъ Кіевской губ.)
«Малор. пред.», стр. 189, № 29.

133. ЦЫГАНЪ КОСАРЬ.

Бувъ соби багатый хазяйинъ та мавъ соби кума Цыгана и просывъ його, щобъ винъ прыйшовъ до його косыты, а винъ йому каже: «куме, а хто пиде косыть зо мною?»— А хазяйинъ: «пошлю»—каже—«наймыта съ тобою.»—А Цыганъ хазяйинови: «я пиду, куме, до тебе,—абы твій наймытъ слухавъ усе, що я йому скажу, й робывъ те. А що въ тебе йисты, куме, буде?»—«Дамъ хлиба, сала, чарка горилкы рано, въ полудень и въ вечиръ, пъятдесятъ копійокъ грошей.»—«Згода!»

Отъ хазяйинъ и каже наймытови: «будешъ усе робыты, що Цыганъ загада, чы робыты, чы що.» То якъ выйшлы воны на поле и пишлы воны по первому покосови до половыны гинъ, и тамъ вырисъ берестюкъ крыслатый. Якъ дій-

шлы воны до того берестюка, и пыта Цыганъ наймыта: «що, тутъ добре робыты, пидъ цимъ берестюкомъ?» — А наймытъ: «добре спаты на полудень у холодочку.» — А Цыганъ каже: «А ну, трошкы ляжемо!» — Узялы, полягалы воны спаты. (Поспалы, прокынувся) Цыганъ та й пытае: «а ну встань, Иване, подывыся, що люде роблють!» — А Иванъ уставъ и каже: «Робылы, робылы, а теперъ силы полуднуваты.» А Цыганъ одвичае наймытови: «Егъ, а мы не люде? гайда та й мы будемъ полуднуваты. Давай сало!» — Пополуднували воны, а Цыганъ зновъ пыта: «а подывысь, Иване, що люде роблють?» — Иванъ каже: «що люде роблють? пополуднувалы та й спочываты лягають!» Цыганъ каже: «Егъ, мы не люде? Гайда й мы спочываты!» — Взялы якъ лягли, та й спочывалы до самого пидвечирку. (Попрокыдалыся,— Цыганъ) упъять каже Йванови: «подывысь, Иване, а що люде роблють!» — Иванъ пиднявсь и каже: «що-жъ люде роблють? Усталы та й пидвечиркують.» — А Цыганъ: «а мы що-жъ не люде? Давай лышъ сало, будемъ и мы пидвечиркувать!» — Попидвечиркувалы, а Цыганъ каже: «вставай лышъ, панебрате, подывысь, чы багато мы накосылы. Вставай та ходимъ, ще косытымемъ.» — Пишлы упъять по одному покосови, и пыта Цыганъ Ивана: «подывысь, Иване, що люде роблють!» — А той каже: «що роблють! — покосылы, вже Богъ давъ вечиръ, та й йидуть додому» — А цыганъ каже: «а мы не люде? гайда й мы додому!»

Прыйшлы домому. Господарь пыта: «Куме, добре накосылы? — А цыганъ: «багато накосылы! Треба тры громадильныка, щобъ громадылы».

Отъ, Цыганъ повечерявъ, пишовъ соби додому. Хазяйинъ узявъ кони й пойихавъ на ничъ на ту траву, подывытыся, чы багато покошено. Якъ выйихавъ до тыхъ покосивъ, то ажъ за голову взявся. Прыйихавъ додому, уставъ раненько й

побигъ до Цыгана та й каже: «куме, чы не пидешъ ты сьогодни до мене косыты?»—А винъ одвичае: «ба, пиду куме! А хто пиде съ косарямы?»—А винъ каже: «пиду я, наймытъ и вы»—каже—«куме, пидете.» Винъ упъять пытаецця: «що даватымете йисты?» «Знову дамъ чарку горилкы рано, на полудень и на вечиръ и скажу жинци, щобъ зварыла курку й вынесла въ поле обидать, и паляныци.»—Потимъ прыйшовъ додому, добре поснидавъ зъ наймытомъ, закы Цыганъ прыйшовъ,—и сказавъ жинци: «несы обидаты, щобъ й акуратъ сонце було у полудень. Потимъ, якъ итымешъ,—дуже помаленьку йды,—хочъ я махатыму рукою—не квапся. Я визьму косу на плечи, бигтыму до тебе ризаты, а ты тикай черезъ гору въ ярокъ, кыдай горшкамы, въ землю. Я бигтыму за тобою, наймытъ за мною; мы тебе доженемъ, тамъ и пообидаемъ, покы Цыганъ чекатыме».

Отъ, выйшлы воны въ поле, почалы косыты. Косють до обиду, Цыганъ уже йисты добре хоче та й каже: «эгей, куме,—варто шось попойисты!»—А кумъ каже: «отъ лукава жинка: казавъ, щобъ рано выносыла обидъ, а йийи й доси нема».

Отъ, косылы воны вже до полудня, дывлюцця, а хазяйка несе обидаты. А Цыганъ каже: «э, куме,—вже намъ обидъ иде!»—А кумъ уже одвичае: «ну, колы бъ вона прыйшла,—я вже йий дамъ!»—И крычыть до нейи: «Иды»—каже—«скоро!»—А вона якъ почула його гласъ,—ще помалище почала йты Винъ тоди взявъ косу на плечи й каже: «пиду зарижу йийи, якъ дожену!»—А наймытъ: «лышить, хазяйине, покы прынесе обидъ, та тоди дасте й духопелу». —Хазяйинъ ухопывъ косу й каже: «Ни, такы пиду! я тамъ йий дамъ!»—Хазяйинъ бижыть съ косою впереди, а наймытъ позади: «бійтеся Бога, хазяйине,—що вы робыте? Лышить хазяйку жывою, а то гриха наробыте!»—Та хазяйка побачыла,

що хазяйинъ бижыть съ косою, та горшкамы тымы объ землю, а сама дали черезъ гору. Тамъ побигла й сила, дожыдае. Воны прыйшлы обыдва, пообидалы добре.—Цыганъ прыбигъ на те мисце, де горшкы побыто, позбиравъ, яка тамъ квасолька була чы бурячокъ, та тымъ и заговивъ.

Идуть воны видтиль, уже пообидавшы, а Цыганъ пытаецця: «а що, куме, не догнавъ?»—А хазяйинъ каже: «ни! бисова вира, закы выбигъ на гору, не знаты де й дилась».—Цыганъ одвича: «Ге-э, куме! не такъ треба було робыты! Нехай бы вона, куме, прыйшла та поклала обидъ, та тоди бъ йій тутъ даты, що даты».—Винъ (хазяйинъ) говорыть: «ну, вже я йій дамъ увечери!»—«Ну, вже здилай мылость, куме,—я тебе перепрашаю: косимъ хочъ до пидвечирку!»—Сталы упъять косыты, а Цыганъ здорово охлявъ, не може тягты вже ніякъ. Просыть кума: «гей, куме, здилай мылость, йидьмо додому, бо пропалы!»

Давъ Богъ вечиръ, прыйшлы додому. А жинка наварыла вареныкивъ и заризала курку, зварыла, а впередъ нальляла сыроватки. Та хазяйинъ йисть тикы такъ, показуе ложку, и наймыть; а Цыганъ такы хапавъ добре, бо вымерхався не снидавшы, й ничого. Писля, якъ найилыся воны сыроватки, дала хазяйка молока кыслого. Тежъ хазяйинъ не йисть, и наймытъ, тилкы ложку показуе, а Цыганъ добре попыравъ: нажерся, наперся, якъ гора. Хазяйка подала вареныкы й курку. Хазяйинъ уже йисть, и наймыть, а Цыганъ тилкы очи вытрищывъ на курку, дывыцця й на вареныкы та й каже до кумы: «э, кумо! знаете, якъ варыты, та не знаете, якъ даваты!»—Потимъ кумъ уже говорыть: «куме, вечеряйте!»—Винъ (Цыганъ) каже: «спасыби, куме!—вже повечерявъ».—И вньять кумъ просе: «йдить завтра,

куме, до мене косыты ще!»—А Цыганъ: «э, куме,—хочъ дай тры карбованци, а завтра вже не пиду!»

(Записано въ 1883 г.—Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

134. ВИДКИЛЯ ЛЫТВЫНЫ ВЗЯЛЫСЯ.

Колысь давно ходывъ Богъ исъ святымъ Петромъ по земли. Отъ, святый Петро й пытае въ Бога:

— Якъ се, Господы, шо усякыхъ людей на земли доволи, а отъ Лытвынивъ и немае?

Дакъ Богъ и каже:

— Возьмы та й зробы!

Отъ, Петро взявъ пшенышнойи мукы та й злипывъ галушку, а съ тіейи галушкы зробывъ чоловика и настромывъ його на тынъ, на колокъ, сохнуты. Де не взявсь у биса собака,—узявъ та й иззивъ того чоловика. Озырнувся святый Петро,—нема чоловика. Якъ ухопыть же винъ того собаку та й почавъ быть объ землю. Що ни вдарыть, то й выскочыть съ собакы Лытвынъ. Та й навыбывавъ йихъ стуолькы, що Богъ йому вже каже:

— Годи, буде! Де ты йихъ и диватымешъ?

А Петро й каже:

— И, Господы! Буде йимъ мисто и по надъ Десною и за Десною.

(Записалъ А. А. Гарнье въ 1894 г. отъ козака Ивана Антоновича Лазаря, 75 лѣтъ, въ Черниговскомъ у.)

«Малор. нар. пред. и разск.», стр. 194, № 35. Происхожденіе поляка. (Тоже самое о полякѣ.)

135. ЛЫТВЫНЫ ПОЗДОРОВЛЯЮТЬ.

Лытвыны хотилы поздравыть пана. Оть наварылы горщыкъ кулагы и йдучы нарадылысь казаты такъ: одынъ скаже:

— Будь здоровъ!

А другый пидхопыть:

— изъ жинкою!

третій:

— изъ диткамы!

четвертый:

— изъ домомъ твойимъ!

а пьятый:

— изъ благодаттю!

Оть прыйшлы до пана и пидходять одынъ за другымъ. Першый каже:

— Будь здоровъ!

Та тилькы що пидступывъ до пана, а задній и наступывъ йому на волоку одъ постола. Сей упавъ и горщыкъ розбывъ та й крыкнувъ, росердывшысь на заднього:

— Щобъ ты пропавъ!

А задни одынъ за однымъ и почалы:

— изъ жинкою!

— изъ диткамы!

— изъ домомъ твоимъ!

— изъ благодаттю!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Нѣжинскомъ у.)

136. ЛЫТВЫНЪ—НЮХАРЬ.

Переличувавъ Лытвынъ, яка корысть изъ нюхання:

— Слезу гоня, хряпу чистя и калъ пре.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.)

137. ЛЫТВЫНЫ ТА ЖАВА.

— Цимохъ! Хадзи рака церебить! - гукавъ одынъ Лытвынъ другого, пiймавшы жабу.

— Идзѣ ты взявъ?

— Йонъ самъ прыплясавъ.

— Ета-жъ не ракъ, ета ляга!

— Ужо-жъ асталась адна нага.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.)

138. ЛЫТВЫНЪ ТА НАШЪ ЧОЛОВИКЪ.

Десь у больныци лежалы Лытвынъ и нашъ чоловикъ. Отъ Лытвынъ стогне швыденько: «о-хо-хо! о-хо-хо! лышечко!»

А нашъ поважно, колы-не-колы застогне: «о-о-хъ, лышечко!»

А Лытвынъ усе скоренько. Отъ нашъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— За проклятымъ Лытвыномъ и постогнаты не вправышся!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

139. НАУКА.

Хотивъ Москаль по нашому навчытыся. Отъ нашъ братчыкъ и почавъ його вчыты:

— Слухай: якъ ишовъ я у Полтаву, то найшовъ халяву, та пишовъ на вечорныци та вдарывъ объ лаву ось вамъ, дивчата, на славу! Ну, кажы теперъ ты, Москалю!

— Какъ шолъ я, малай, у Платаву да пашолъ галяншшу, пашолъ на пасидѣлки да ударилъ абъ скамейкю: вотъ вамъ, дѣвки на диваванье-та!

— Не такъ!...

(Записано отъ сапожника Петра Шепелева въ Харьковѣ въ 1881 г.)

140. РОСПЫТАЛЫСЯ.

Якыйсь Москаль та Московка зійшлыся та й жывуть соби, а й не знають одне про одного й якъ кого звуть хто звидкы. Та вже якось полаялысь, такъ тоди роспыталыся. Вона крычыть:

— Што ты за чортъ такой?

А винъ:

— Какой я тебѣ чортъ?! Я Лёва съ подъ Бѣлёва. А ты што за вѣдьма?

— Какая я вѣдьма? Я Прасковья съ подъ Масковья.

Отакъ и роспыталыся, а то й не зналы.

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьк. губ.)

---

141. ЧОЛОВИКЪ ИСЪ ТЕРЕВИЛОВКИ.

Попрохався якыйсь Москаль переночуваты. Отъ хазяйка поставыла йому вечеряты. А винъ такъ умынае, що ажъ за ушыма лящыть. Вона й пытаецця:

— Отколь ты, батюшка?

— Съ Теребиловки, матушка.

— Тереби, тереби, батюшка!

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьковск. г.)

---

142. ПИДСЛИПА ДОЧКА.

У однійи Московкы була дочка, та дуже пидслипа, такъ що й замижъ йійи черезъ те нихто не бравъ. Отъ маты бачыть, шо лыхо, та й намыслыла одурыты людей и навчыла дочку, шо робыты. Разъ попрыходылы до нейи якись тамъ гости. Отъ вона гостыть йихъ, а дочка сыдыть на печи. Сыдила, сыдила, а дали й гукае:

— Мамушка, вонъ-вонъ иголушка!

— Идѣ, дочка?

— Подлѣ маковово зернушка.

Почала маты шукаты и гости туды-жъ кынулысь. Бачуть, и справди лежыть макове зернятко, а коло його голка. Отъ воны тоди й подумалы, що то набрихано про дивку, що вона пидслипа, а вона дуже бачуча. И пишла по слободи чутка про те. А й не догадалыся, що то маты заздалегидь голку коло макового зернятка поклала и дочци показала и навчыла, що казаты.

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьк. губ.)

143. БАБА ТА САЛДАТЫ.

Назналы солдаты, що въ старойи бабы гроши є. Прыйшлы та й сватають йийи. Отъ почалы горилку пыты, а одынъ салдатъ и каже:

— Давай, баба запаемъ.

— Спивайте, голубчыкы, спивайте!

Отъ винъ почына:

Бабка, бабка,
Де твои деньги.!
Рано-рано!...
Де твои деньги?
Ранесенько!

— Што-жъ ты, бабка, не атпаешъ?

Баба й заспивала:

У курнычку
Пидъ штовпчыкомъ!
Рано-рано!...
Пидъ штовпчыкомъ...
Ранешенько!

Отъ тоди салдатъ за лопату та до грошей. Другый ждавъ-ждавъ:

— Што эта ево такъ долго нѣту?—пайду пазаву!

А третій посыдивъ та й каже:

— Што они тамъ сидятъ? Пайду пазаву!

И той побигъ.

Тоди баба ждала-ждала—нема. Колы оглядилась, ажъ нема казанка зъ гришмы—сама ямка. Отъ тоби й посваталы!

(С. Новая Водолага Валковскаго у. Харьк. губ. отъ чоловика въ 1883 г.)

144. ВАВЫНЪ САЛДАТЪ.

Прывелы салдативъ у село та по квартыряхъ и розводють. Отъ одынъ иде въ ту хату, куды сказано, та тилькы на поригъ та якъ крыкне:

— Трепечись, бабка: твой салдатъ идьотъ!...

Дакъ та бидна такъ переляканась, що тилькы жыва.

(Константиноградскій у. Полтавской губ.)

145. НЕПАМЪЯТКЫЙ СЫНЪ.

Пишовъ одынъ парубокъ на службу, прослужывъ девьять мисяцивъ. Прыйшовъ додому та й ходе по селу, а маты угледила, выбигла съ хаты та й гука на його: «Сынку! сынку! чого ты ходышъ? иды въ хату!»—А винъ: «Да чортъ васъ знае, гдѣ вы жывъйоте!»

(Отъ хлопця Якова Енченка въ 1890 г. въ х. Троицкомъ Славяносербскаго у. Екатеринос. губ.)

См. № 13. Черезъ що собака съ кишкою грызуцця.

X.

ПРЕДАНІЯ О ЛИЦАХЪ И ЯВЛЕНІЯХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ (ИСТОРИЧЕСКИХЪ).

146. ДАРІЙ ТА МАКЫДОНЪ.

Жывъ у Персіи царь Дарій. И винъ бувъ такый войовытый, шо усю землю завоювавъ. И у його було дви дочкы Тоди винъ змурувавъ высоку башту, зробывъ соби одежу, пошывъ йійи золотомъ и сыдыть, якъ Богъ. И здумавъ винъ: «Тамъ ще есть Макыдонія,—пошлю, щобъ и йійи звоюваты!» Пославъ туды посла. Той пойихавъ, сказавъ йимъ. Тоди царь макыдонськый одигсь у просту одежу и пойихавъ Пидъйиздыть, колы винъ *(Дарій)* якъ Богъ сыдыть. Тоди Дарій:

— Ну, шо—будете воювать?

Винъ и каже:

— Та будемъ воювать.

Тоди винъ *(Дарій)* звеливъ подать мишокъ маку. Йому далы. Винъ якъ сыпнувъ зъ башты той макъ, та й каже:

— Якъ перещытаешъ макъ, тоди мое войсько перещытаешъ. А то ще ты побъешъ! *(куды тоби)!*

А винъ якъ узявъ у жменю маку, якъ прыдавывъ, а сикъ и побигъ, а винъ и каже:

— Оттакъ съ твого войська побижыть сикъ, якъ зъ оцього маку!

Подавъ йому:

— На, ты такъ прыдавы, якъ оце я!

Винъ (*Дарій*) давывъ-давывъ—не прыдаве.

А то (*той, що прыходывъ до Дарія*), бувъ самъ Макыдонъ Винъ пишовъ, зобравъ войсько и пишовъ И Дарій зибравъ страшенно велыке (*військо*) и зачалы воювать. Такъ на персыцькыхъ—страхъ напавъ. Макыдонськый царь зачавъ гнать. Такъ самъ Макыдонъ убывъ Дарія и його одежу самъ надивъ. А дочкы сыдилы и углядилы,—тамъ и умерлы.

Такъ винъ його покорывъ... И ще одныхъ—летючыхъ покорывъ... И устройивъ струны,—такъ якъ витеръ подме, такъ струны й грають, а воны (*летючи*) лякаюцця та крычать: «Макыдонъ иде! Макыдонъ иде!» Такъ усю пошты Азію завоювавъ

(Записано на х. Троицкомъ Славяносербск. у. Екатер. губ. отъ хлопця Якова Кмченка, учившагося въ школѣ, гдѣ онъ и могъ слышать объ Азіи и прибавить ее въ концѣ; но онъ ничего не слышалъ въ школѣ объ Александрѣ Македонскомъ. На вопросъ: «одъ кого чувъ це?» онъ отвѣтилъ: «та у насъ це люде росказують»).

XI.

ПРЕДАНІЯ О МѢСТНОСТЯХЪ.

147. МАЗЕПЩИНА.

Тутъ же колись була мазепщина. Мазепа и пещеру сюю издѣлавъ. Говорять, шо изъ звинницы она идеть до Рыкова (*), а другіи, шо бутто тильки до собору. Ходили у ее, какъ нельзя, говорять, далеко пройтить, шо якъ до самыхъ уже послѣднихъ дверей дойдуть, дакъ такъ свѣчки и потухнуть.

Ходивъ и архимандритъ туда: якъ изъ страстей вышли, дакъ такъ прямо уси и пишли, якъ до 12 ой двери дошли, дакъ свѣчки у усѣхъ и потухли. Говорять, шо сійи двери заговоривъ Мазепа, а тамъ стойить стовпъ желѣзный, а на стовпу висить шабля мазепская и надѣта шапка. Якъ станутъ его проклинать у церкви, дакъ уся пещера тады гудеть здоровосильно, а стовпъ изъ шапкою такъ и трусицца, а

(*) Село въ 20 верстахъ.

нельзя къ нимъ доступиццялпотому самъ Мазепа йихъ заговорывъ.

(На дверахъ пещеры этой надписано краской: Жилище Мазепы).

(Записано М. В. Рклицкимъ въ г. Новгородсѣверскѣ отъ городской мѣщанки Лукеріи Шищихи въ 1894 г.)

148. МАЗЕПИНЪ ЗАМОКЪ.

По выраженію пѣвца «слова о полку Игоревѣ», Сула посылаетъ свои серебристыя воды къ Переяславу городу. Это было бы такъ, если бы она у города Глинска и ниже его не встрѣтила кряжа возвышенностей, заставляющихъ ее измѣнить направленіе своего теченія съ западнаго почти на южное. Правый возвышенный ея берегъ уже у г. Ромна очень живописенъ; таковъ же онъ и у впаденія Артополота, затѣмъ Олавы, рѣчекъ, по своимъ именамъ, переносящихъ насъ во времена варяжской и греческой цивилизаціи на берегахъ Сулы. Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться отсюда по теченію Сулы внизъ, тѣмъ болѣе и болѣе повышается берегъ надъ долиною рѣки: у Глинска высоты достигаютъ 74 саженей надъ поверхностью моря, тогда какъ высота воды въ долинѣ Сулы въ межень составляетъ только 50 саженей; здѣсь, слѣдовательно, высокій берегъ превышаетъ долину Сулы на 24 сажня. Ниже же по ея теченію, между селеніями Залатыхою, Закроихою и Свырыдовкою (Лохвицкого у.), есть возвышенность въ 80, 85 и 90 саженей надъ поверхностью моря, слѣдовательно до 40 саженей надъ долиною рѣки. Мѣстность эта напоминаетъ собою нѣкоторые пункты высокаго берега Днѣпра —Кіевъ, Княжу гору и др. мѣста, гдѣ замѣтны слѣды старыхъ городовъ. Подъ с. Свырыдовкою на второй терассѣ крутого

берега помѣстился хуторъ Отрада въ нѣсколько хатъ; а надъ нимъ на вручѣ расположено городище, называемое *Мазепинымъ замкомъ.* Здѣсь теперь на площади въ 4 десятины расположенъ огородъ, принадлежащій становому приставу, живущему въ Свиридовкѣ. Площадка эта съ нагорной стороны отдѣлена отъ остальной возвышенности глубокимъ валомъ и канавою; обрывъ, спускающійся къ низу отъ нея, заросъ лѣсомъ. Серди лѣса идетъ оврагъ (провалье), отдѣляющій главную гору съ помянутою площадкою на вершинѣ, отъ другой, меньшей возвышенности, очевидно до образованія оврага соединявшейся съ первою горою. Вторая. меньшая, возвышенность называется *Дытынцемъ.*

Мѣстность обоихъ горъ командуетъ надъ другими близълежащими горами праваго берега, и такъ какъ у Свырыдовки Сула дѣлаетъ излучину съ довольно широкимъ діаметромъ ея дуги, на периферіи которой расположена Свырыдовка, то отсюда видно громадное пространство въ обѣ стороны верстъ на 25—30: среди зелени поемнаго луга Сулы и лѣсовъ, покрывающихъ какъ высокій правый, такъ и пологій лѣвый ея берегъ, въ ясную погоду можно различать 9—10 селеній, раскинутыхъ по обѣимъ ея берегамъ, и даже городъ Роменъ, лежащій выше по теченію, но на болѣе низкой горѣ въ разстояніи отсюда не менѣе 30 верстъ. Когда Сула была границею русскихъ поселеній, когда ржанье коней Игорева войска за Сулою обозначало вступленіе его въ Половецкія земли, пунктъ этотъ былъ очень выгоденъ для наблюденій за движеніями кочевниковъ «за Сулою». Можетъ быть, археологическія раскопки когда нибудь опредѣлятъ время нахожденія здѣсь крѣпости съ цитаделью (дытынцемъ), какъ онѣ уже опредѣлили его для бывшаго поселенія на Княжей горѣ. Теперь же мы можемъ пока знать только преданія, не восходя-

щія въ нашихъ мѣстахъ далѣе временъ Шведской войны и Мазепы.

Вотъ что говорятъ эти преданія.

У Мазепы была любимая имъ жена Марія. Онъ былъ старъ, она—молода. Оттого онъ не чуждъ былъ ревности и въ минуты проявленія этой страсти обходился съ нею жестоко. Когда она родила «дытыну», онъ выстроилъ на второй меньшей, горѣ особый замокъ и замуровалъ въ стѣнахъ его Марію съ ея «дытыною». Оттого и гора эта зовется «дытынцемъ». Богъ покаралъ за это ревниваго старика: онъ погибъ въ войнѣ, которую велъ противъ Шведовъ.

Разсказъ этотъ, который удалось намъ слышать въ Свырыдовкѣ, отъ лица, близко стоящаго къ сельскому населенію, очевидно пріуроченъ къ мѣстности, называемой Мазепинымъ замкомъ. Что въ немъ есть правдоподобнаго и насколько вѣрно присвоеніе имени Мазепы городку у Свырыдовки,—пусть рѣшають историки и археологи.

А. Русовъ.

149. МАЗЕПИНЪ ДОМЪ *).

Къ числу историческихъ памятниковъ XVII столѣтія въ Черниговѣ самымъ сохранившимся и примѣчательнымъ по своей архитектурѣ и крѣпости постройки можно отнести домъ, - бывшая войсковая канцелярія, Гетмана Малороссіи, Мазепы. Лежитъ онъ въ южной окраинѣ города на природной сплошной грядѣ, которая тянется вплоть до Днѣпра, параллельно такъ называемому «старому шляху» кіевскому.

*) Благодаря любезному согласію г-на Журавскаго, перепечатываемъ №№ 149--152 изъ его книжки „Народныя легенды. І. К. Журавскій. Черниговъ, 1890 г.,“ а №№ 153-й изъ іюньской книги Кіевской Старины“ за 1893 г. Г-нъ Журавскій придалъ слышаннымъ имъ преданіямъ стихотворную форму. Было-бы весьма желательно, чтобы кто либо записалъ эти преданія точными выраженіями разсказчиковъ и доставилъ свои записи для напечатанія въ нашемъ изданіи.

Каждый историческій памятникъ имѣетъ свои народныя преданія и легенды, тѣсно связанныя съ исторіею тѣхъ лицъ, коимъ они, эти памятники, принадлежали, или въ память которыхъ воздвигнуты. Въ числѣ легендъ дома Мазепы существуетъ одна, чисто народная, изображающая страданія бѣдной дѣвушки (Кочубей—какъ нужно догадываться). Бросивши отцовскій домъ, она ушла къ Гетману, за что была проклята родною матерью, а душа ея по смерти осуждена на вѣчное скитаніе. Другое преданіе, что душа (проклятая) осуждена стеречь клады, спрятанные Мазепою въ подвалахъ своей канцеляріи,—клады (скарбы), взятые имъ у полковника. И вотъ душа, осужденная стеречь эти клады, каждый годъ въ ночь подъ «Пречысту» блуждаетъ по землѣ въ образѣ женщины и проситъ встрѣчнаго, чтобъ осѣнили ее святымъ крестнымъ знаменьемъ; и тогда только снимется съ нея проклятіе матери.

Легенда. У Пречысту саме въ пивничъ, якъ ще пивень не спивае, вкругъ будынку гетманського якась постать похожае... Вся въ золоти... довги косы, мовъ гадюкы зъ плечъ спадають; биле чоло—розубрано клейнодамы, що й такъ сяють. Ти клейноды такъ и зорять, вылыскують въ ночи темной... (Люде кажуть, що то скарбы ти—що Гетманъ позаховавъ...) Ходыть постать, кого стрине, просыть вняты йийи мукамъ и хрестомъ святымъ преславнымъ охрестыты... (знять покуту.)

Преданіе. Кажуть: здавна, якъ той Гетманъ, що згубывъ Украйны славу, якъ съ своими козакамы утикавъ винъ у Молдаву,—съ тый поры и постать-видьмо въ льохахъ темныхъ все блукае, а на пивночъ у Пречысту вкругъ будынку похожае... Стерегты вона ти скарбы за покуту тяжку мусыть... Тыльки разъ въ кожну Пречысту знять хрестомъ покуту просыть...

Бо якъ хто крестомъ преславнымъ благословыть кляту душу, то ти скарбы и клейноды генъ розсыпатыся мушуть...

Существуетъ еще разсказъ, слышанный мною отъ крестьянъ с. Золотинки. Указывается мѣсто между сс. Слабинымъ и Козерогами—на поляхъ отрыты плугомъ остатки каменнаго зданія, чуть виднаго изъ земли, безъ выходовъ и отверстій, сложеннаго изъ дикаго камня, связаннаго цементомъ. Здѣсь тоже видѣли по ночамъ (по разсказамъ стариковъ) женскую «постать» всю въ золотѣ, «такъ и ясяе», по мѣстному выраженію. Но тутъ остается непонятнымъ: душа-ли то «заклята» или кладъ въ образѣ существа.

Сходство двухъ разсказовъ очевидное, и заключительныя строки однѣ и тѣ-же:

А якъ третій (*) заспивае, съ тяжкымъ стогномъ: «Хреста!» въ льохахъ темныхъ пропадае...

150. ЧОРНА МОГИЛА. **)

Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ въ Черниговѣ курганъ, стоящій въ сѣверо-западной части его, во дворѣ нынѣшняго духовнаго училища.

Преданіе объ этой могилѣ чисто народное и сохранилось оно до нашего времени еще настолько, что народъ, ожидавшій увидѣть во время раскопокъ «волшебныцю-бусурменку», похороненную здѣсь, по окончаніи раскопокъ могилы, когда въ ней ничого не было найдено, разошелся съ тупымъ, упорнымъ сознаніемъ, что—«не даецця... безъ хреста ничого не буде... увійшла у землю...»

---

*) Пивень.

**) Названіе „Чорна" означаетъ символъ, противуположный символу св. креста; отсюда „Чорна могила", т. е. не освященная крестомъ, знаменьемъ. I. Ж.

Преданіе. Найихали зъ за полудня гости непрошены... Ой не гости—орда клята, бусурмены нехрещены. Та не зъ ханомъ бородатымъ, а изъ съ ханшей молодою, уродлывою, презлющей, чаривныцей проклятою... Ой у церквахъ поганыйи коней попасають, на эвангельйи святому овса засыпають...

Ой не витеръ доли віе, то стогне, завывае... Плаче бидна зъ жалю маты, по дытыни упадае... По городу зъ гайдукамы люта ханша розйизжае, малыхъ дитокъ копытамы знарочыто розчавляе... Ой учуе те владыка, зъ монастеру вырушае, а на зустричъ йому ханша глузуючы выйизжае та на коню на вороным̆ъ пышаецця, грае; преподобный нихотою зъ молытвой поспишае... Якъ зустрилысь - ошатнувся самъ Владыка Преподобный; отшатнувся и наперсным̆ъ вдарывъ *) кляту бусурменку. Застогнала... Повалылась, почорнила вража сыла; такъ у землю й провалылась... Ажъ пидъ нейю загуло.

Дни и ночи йлютувалы у городи нехрещены, людей киньмы тратувалы, розпыналы бусурмены. Здовольнылысь... Насыпалы высоку могылу на тымъ мисти де пропала бусурменська вража сыла.

151. ПРЕДАНІЕ О ДУБѢ, НАСАЖЕННОМЪ ПРЕПОДОБНЫМЪ АНТОНІЕМЪ ПЕЧЕРСКИМЪ ВБЛИЗЬ ЦЕРКВИ СВ. ИЛІИ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Съ боку холма, на которомъ находится церковь св. Иліи, растетъ старый, почти засохшій громаднѣйшихъ размѣровъ

*) Характерное народное выраженіе—„вдарывъ наперснымъ" —понимается не въ точномъ значеніи этого слова—ударилъ, а въ переносномъ: вдарывъ—приподнялъ крестъ, какъ-бы ограждая себя отъ грозящаго предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ призывая въ защиту силу святыни того-же креста.

дубъ. Изъ корня выросло три совершенно отдѣльныхъ ствола, каждый въ полтора человѣческихъ обхвата; два изъ нихъ совершено высохли, третій еще зеленѣетъ. Дубъ этотъ слыветь за святыню, съ него берутъ кору, считая ее цѣлебной.

Преданіе. По на горахъ зъ по за лису свята церковь выглядае, коло нейи та тройчатый дубъ велыкый поростае... Насадывъ той дубъ преславный самъ Антоній Преподобный, якъ и зъ братьей у печерахъ прожывавъ винъ, богозбранный... (Дубъ могучый—слава виры, що Хрыстомъ на землю дана; а тройчатый—слава Тройцы Пресвятои, непрестанна...) Вмеръ Антоній, у Кіеви його въ Лаври поховано; выроставъ-же дубъ на славу, бачывъ вику винъ чымало! Бачывъ винъ, якъ церкву Божу нехрещены рабувалы, якъ иконы пресвятыи Бусурмены зневажалы... Чувъ и бачывъ: обступылы його самого зрубаты; нехрещены память ченця хтилы зъ дубомъ доконаты... Обступылы, сокырамы бьють по дубу—«тылькы стогне»—поламалы ий сокиры. (А на дуби кровъ холоне...) Отжахнулысь бусурмены, бачуть—чудо Бога Вышнихъ!... Розбижалысь нехрещены...

И стойить ще й доси (въ память) вже застарый, пошарпаный—дубъ тройчатый та нохылый за (святыню) шанованый... Видусиль збиралысь люде у печеры помолытысь, зъ дуба взять коры цилющой видъ хворобы полічытысь.

152. МОНАСТЫРЬ СВ. ТРОИЦЫ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Монастырь Св. Троицы, съ небольшою церковью Св. Ильи, расположенный на возвышенности, носившей прежде названіе Балдиныхъ горъ, принадлежитъ къ числу древнихъ историческихъ памятниковъ, относящихся еще до времени господства Татаръ. Преданіе сохранило разсказъ о спасеніи отъ

Татаръ въ одинъ изъ набѣговъ на Черниговъ Троицкаго монастыря чудомъ Божьей Матери, вызваннымъ молитвами одного старца-монаха, имя котораго въ преданіи не уцѣлѣло.

Преданіе. Темна хмара ростягнулась, небо закрывае; на монастеръ орда-хмара видъ полудня наступае... Орда городъ заступае, зрабувала церквы; скаженіе и лютуе въ червонымъ бенкети. У пожежи весь палае городъ, (хмару нагривае); орда риже и мордуе у поволю забирае... Здовольнылась орда хмара городъ рабуваты, потягнула на монастеръ святый руйнуваты... У монастери святому ченци Бога молять, молять Тройцу Пресвятую стать имъ въ оборону. Тыльки старець преподобный занедужавъ, не выходыть и й у келіи своїй маты Божу молыть. Винъ молывся не за себе, а за „*церковку*" святую, щобъ не дала Божа Маты тамъ иковы зневажаты. Заступыла Божа Маты и прыказуе старому: йты церковъ ратуваты, орду прогоняты... И выдужавъ старець сывый, вышовъ зъ келіи святойи—попрощатысь, помолытысь разомъ зъ братьею своею... Помолывшысь, попрощався, выйшовъ глянуть за монастеръ, а тутъ орда обступыла «ратуй церкву, Божа Маты!» И о чудо! Свята церковъ въ землю заховалась, а орда якъ божевильна генъ порозбигалась...

Разсказывается еще въ преданіи, что скрывшаяся подъ землю «церковка» появилась снова въ день св. Ильи, почему будто и названа Ильинскою--во славу этого пророка. Преданіе это исключительно относить къ св. Троицко-Ильинскому монастырю нельзя, ибо передававшіе этотъ разсказъ монахи (одинъ старикъ и другой—Харьковскаго Куряжскаго монастыря) спорили: одинъ относилъ его къ церкви св. Ильи, а другой къ Елецкому Монастырю—къ какой-то капличкѣ—«церковкѣ», въ которой хранилось чудотворная икона Божьей Матери, нынѣ обрѣтающаяся въ Харьковѣ. Въ мѣстномъ преда-

віи, насколько удалось его прослѣдить и разузнать, дѣйствительно потверждается фактъ исчезновенія и появленія церкви, какой—неизвѣстно.

153. ПРЕДАНІЕ О БОЛОТѢ „ЗАМГЛАЙ“ *).

Проѣзжающему по шоссе, что соединяетъ два губернскихъ города, Черниговъ и Могилевъ, верстахъ въ 40 отъ перваго, съ обрыва открывается безконечная даль. Предъ вами цѣлое море зелени самой разнообразной и по характеру и по колориту, кое-гдѣ перебитой словно серебряными блестками — узкими свѣтящимися полосками воды; а тамъ... далеко на горизонтѣ синева сосновыхъ лѣсовъ, мягкая бархатистая, пріятно ласкающая глазъ, и нѣтъ, кажется, конца ей!... Предъ вами болото—«Замглай!»

Было когда то время на этомъ широкомъ, теперь цвѣтистомъ, коврѣ несла свои воды широкая и глубокая рѣка. Кипѣла по берегамъ ея жизнь—торговля, судоходство..., но это же самое время затерло слѣды этой жизни, оставивъ лишь жалкіе остатки догадокъ о быломъ.

Много-ли могутъ сказать намъ теперъ находимые по берегамъ Замглая остатки: якоря, сгнившія бревна съ большими двойными гвоздями такъ наз. сшивами, и другія мелкія принадлежности мелкихъ судовъ?!

Вѣка прошли... Дѣды отошли въ область забвенія, но внуки ихъ и дѣти твердо помнятъ, держатъ въ завѣтѣ ихъ слово живое—это «казкы батькивъ»; и вотъ въ этой народной сокровищницѣ сохранилось преданіе о рѣкѣ Замглай—объ ея ширинѣ и глубинѣ.

---

*) Болото Замглай находится въ Черниговской губ. Городнянскаго уѣзда.

Записывая это преданіе отъ старика-крестьянина, я не имѣлъ совсѣмъ въ виду впослѣдствіи излагать его въ стихотворной формѣ. Сами собой вылились эти стихи и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствовалась какая то гармонія въ самомъ разсказѣ старика, самъ собой сложился и размѣръ; я старался лишь сохранить цѣлыя выраженія и слова.— Старикъ разсказчикъ—крестьянинъ, дворовый человѣкъ, побывавшій съ своимъ бариномъ въ качествѣ деньщика въ Варшавѣ, отчего и слышны слова, занесенныя съ польскаго языка.

Вотъ что гласитъ эта легенда:

«Було колысь!... Текла отутъ шырока быстрая вода; у море генъ а мо' въ Днипро зносыла хвыли... И здаля бувалы тутъ и байдакы, байдары, судна... А теперъ усе повіялось кудысь. Замглай шырокый пересохъ; зарисъ ракитою, лозою и лисомъ-боромъ въ берегахъ. Багно та нетры,—де вночи блука голодный вовкъ, гуде, шука пожывы; а удень щебечуть пташкы у кущахъ, куе зузуля на верби; та часомъ чайка надъ багномъ заквылыть жалибно отакъ и понесе той сумъ луна далеко въ нетры та и тамъ загубыть десь... Вгори орелъ лита вкругы, мовъ зорыть винъ шырокый, дужый та рясный весной заквитчаный Замглай—зелене море; и по нимъ де-де маячать виковп столитни сосны, мовъ свидкы колышней славы та жыття...

Було колысь!... Де бувъ Замглай, теперъ тамъ нетры та багно. Таке зробыла удова за смерть своій ридній дочкы. Давно-давно було колысь! Жыла въ сели соби вона; того не знаю: де и якъ,—по надъ Замглаемъ тилько тутъ зъ дочкою гарною такой, що слава та росла що-день и розійшлась, якъ мовъ весной самъ дужый той Замглай не плывъ. Вдова уродою дочкы пышалась дуже, берегла йийи якъ око!...

Хто-жъ те зна—де горе ходыть?—а бува його не ждалы, а воно отуть, якъ тутъ!... У ричци вразъ дивчата тамъ купалысь вси, утопла вдовына йидна...

Ой не чайка ранымъ-рано стогне-нудыть надъ Замглаемъ; плаче бидна удивонька, свою доню выглядае... День вже третій, а ще й доси,—якъ утопла, не зрынае; бидна маты зъ горя того що робыты вже не знае... И не плаче, бо и сльозы дрибни зъ горя вже не ллюцця; и не стогне, бо и серце вже у грудяхъ мовъ не бъецця...»

И сидитъ бѣдная мать, дожидая, что выдастъ рѣка тѣло ея дочери. Отъ изнеможенія она почти застыла; восходящее солнце будитъ ее, съ жалобою обращается она къ рѣкѣ:

«Ой ричко шырока зъ далекого краю, ой ты и глыбока, тебе-жъ я не знаю! Ой я тоби, ричко, *данину* носыла, ой за що-жъ ты доню мою утопыла?... Де-жъ ты мою доню, де ты заховала, чомъ разомъ изъ нею мене ты не взяла? Ой ридный Замглаю, шырокый та дужый, не вынесешъ дони,—возьмы мою душу!...»

Напрасны мольбы бѣдной матери,—отвѣта нѣтъ! Гуляетъ лишь вѣтеръ сердитый, навѣвая ей черныя мысли, да—

«Ходыть хвыля по Замглаю, у просторомъ знай гуляе; одна другу генъ у море ажъ у сыне зазывае... може доси дивчыноньку въ саме море вже й заслала, або може уродлыву въ очеретахъ заховала?! Або може русалочкы на гуляночкахъ за косы, за шовкови, дивчыноньку у корчагы затаскалы... А тамъ рыба, тамъ йій пъявкы, тамъ и ракы доси впылысь...

Бидна маты! твоій дони вся краса вже помарнила. Посынило биле лычко; ой закрылысь ясни очи! Вже й не зглянуть, не зазорять та й никому середъ ночи...»

Другой варіантъ изчезновенія тѣла гораздо интереснѣе.

«Ой не плачъ ты, удово, не диждешся, бидна! Десь краса твоій дони Замглаю прыхыльна.... незабаромъ межъ нымы найкращу винъ зъочывъ; бачъ, гуляе вже старый тры дни и тры ночи. Розгулявся шырокый, радіють йій хвыли! Не йидну вже й байдару розбылы, втопылы. А твою, мабуть, доню сховавъ десь глыбоко; ой не зглянуть, удово, тоби кароову!...»

Этой картины сердце матери не въ состояніи вынести; оно отъ боли нестерпимой залилось желчью. Въ ней пробуждается жажда мести. Но чѣмъ же мстить рѣчкѣ—неодушевленному, недоступному никакимъ страданіямъ предмету? И вотъ тутъ-то мать своею внутреннею силою души («сама по соби») обращается въ «чаривныцю», чтобъ своею властью быть въ состояніи сдѣлать зло. Она заклинаетъ рѣку, т. е. съ проклятіями соединяетъ дѣйствія.

Она бросаетъ въ рѣчку слѣдующіе предметы:—*миску* или вообще какую нибудь плоскую посуду, *) повторяя при этомъ слова проклятія: «ой будь же проклята ты, ричко широкая, глыбокая! будь проклята ты до вику, до страшного суду!» *лозовую палку,*—отчего рѣка поростаетъ лозой и, наконецъ, *чесальный гребень* (какимъ ленъ чешутъ),—отчего рѣка заростаетъ густымъ непроходимымъ лѣсомъ; и каждый разъ повторяетъ слова проклятія.

Проклятіе матери—«чаривныци» сбылось; такъ гласитъ народное преданіе... И дѣйствительно еще и теперь стоятъ по Замглаю лѣса—дремучіе боры.

Изъ другихъ остатковъ старины сохранились по берегамъ Замглая такъ наз. «Городки»,—это возвышенныя про-

*) Отъ этого рѣка мелѣетъ.

странства, обруженныя рвомъ и валомъ съ однимъ или двумя выходами. Еще на памяти дѣдовъ, передававшихъ мнѣ разсказъ крестьянъ, городки эти были заняты шайками разбойниковъ подъ предводительствомъ атамановъ, прозванныхъ почему то очень своеобразно—*телепнями;* разбои свои они совершали оригинальнымъ образомъ: шайка располагалась «куренемъ» возлѣ «шляха», и, какъ знакъ своего господства, телепень выставлялъ на дорогу булаву или копье; всякій прохожій или проѣзжій обязанъ былъ зайти въ курень атамана «поклонытысь»—т. е. заплатить дань. Кто не исполнялъ этого и проходилъ мимо, тотъ подвергался совершенному ограбленію, въ назиданіе другимъ.

Телепень, по народному повѣрію, считался знахаремъ и былъ заговоренъ отъ пули и отъ другихъ «напастей».

Разскащики, старики—крестьяне, хвалились, что ихъ предки—дѣды считаются освободителями окрестныхъ селъ отъ шаекъ разбойниковъ. Дѣло было во время ледохода. Повстрѣчались на мосту главный телепень и крестьянинъ и поздоровались; послѣдній, улучивъ минуту, ударилъ сзади телепня довбней, отчего тотъ свалился въ рѣку и льдомъ затерло его. По смерти главнаго телепня шайки разбѣжались.

I. Журавскій.

XIII.

СКАЗКИ ФАНТАСТИЧЕСКІЯ, ИГРА СЛОВЪ И ОСТРОУМІЯ.

154. ВЕДМИДЬ, ДИДЪ ТА ЛЫСЫЦЯ.

Гналысь охотныкы за ведмедемъ, а ведмидь прыбигъ до дида та й каже:

— Диду, диду, сховай мене!

Дидъ исховавъ його пидъ возомъ; прыбиглы охотныкы, пытають, чы не було тутъ ведмедя; дидъ каже, що не бачывъ. Тилькы одійшлы охотныкы, а ведмидь и каже:

— Диду, диду, я тебе ззимъ! Диду, диду, я тебе ззимъ!

А лысыця вылизла зъ норы та й каже:

— Ди-иду!

— Чо-го?

— Що въ тебе пидъ возомъ?

— Ко-олодочка.

— Якъ-бы колодочка, то-бъ на визи лежала.

— Положы мене, диду, на визъ,—каже дидови ведмидь.

Дидъ и положывъ його на визи. А лысыця вылизла зъ нирки та й каже:

— Ди-иду!
— Чого?
— Що въ тебе на вози?
— Колодочка.
— Якъ-бы колодочка, то бъ увъязана була.
— Увъяжы мене,—каже ведмидь дидови.

Дидъ увъязавъ. Лысыця вылизла зъ нирки та й каже:
— Ди-иду!
— Чо-ого?
— Що въ тебе на вози?
— Ко-олодочка.
— Якъ-бы колодочка, то-бъ сокыра стремила.
— Ну, встромляй, диду, та помаленьку,—каже ведмидь.

Дидъ якъ рубонувъ його по голови, такъ и розвалывъ черепъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумского у. Харьк. губ.)
Рудченко, Сказки, I, № 8. Лысыця, ведмидь и мужыкъ.

---

155. ЯТЛЫКЪ—КУМЪ И ЛЫСЫЦЯ—КУМА.

Вывивъ ятлыкъ дитокъ и забажавъ винъ йихъ похрестыть.

Отъ летыть та: «пикъ-пикъ! хто буде мени кумою— хто похрыстыть мени дитокъ?»—«Я буду кумою, я похрещу дитокъ!» озвалась лысыця. Отъ и повивъ йийи ятлыкъ до свого гнизда. Лысыця й каже: «леты-жъ ты, ятлыку, въ лисъ, а я сама буду хрестыть!» Ятлыкъ и полетивъ.—Лысыця скоришъ до гнизда та за ятлынятко... потимъ за друге, трете, такъ йисть!... Ятлыкъ прылетивъ та й пытаецця: «а що, вже похрестыла?»—«Та вже похрестыла, тилькы одно осталось!» Ятлыкъ хотивъ подывыцця, якъ вона тамъ ихъ хры-

стыть, та й глянувъ до гнизда, — колы лысычка уже останне держыть у роти; ятлыкъ якъ заплаче!...

Отъ ставъ винъ тоди думать, якъ-бы оддячыть за це лысыци, и надумавъ...

Заразъ полетивъ до хорта та й каже йому: «піймай лысыцю, я покажу тоби йійи нору!» — «Нагодуй хыба мене, такъ тоди піймаю!» — одмовывъ хортъ. — «Нагодую!» — сказавъ ятлыкъ, — «иды тилькы за мною!» Отъ и пишлы; колы це несуть бабы на базарь пырогы, паляныци, сметану. Ятлыкъ сивъ попередъ бабивъ та й скака.

Бабы поставлялы все та й ловлять ятлыка; воны такъ блызько до його надійдуть, то винъ тоди й пидлетыть трохы; бабы впъять за нымъ; а хортъ йисть, йисть усе.

Ятлыкъ глянувъ назадъ, колы вже хортъ стойить — не хоче йисты. Винъ прылетивъ до його; хортъ каже: «теперъже мене напій!» — «Напою; тилькы йды за мною!» — сказавъ ятлыкъ.

Отъ и полетивъ ятлыкъ на панську загороду; колы тамъ коровныци саме дойилы коровы та й идуть зъ молокомъ. Ятлыкъ сивъ напередъ ихъ та й скака; коровныци поставылы дійныци та й сталы ловыть ятлыка; отъ-отъ піймають, а винъ и пидлетыть трошкы; коровныци впъять за нымъ; а хортъ глыта, глыта молоко. Якъ хортъ напывся молока, ятлыкъ прылетивъ до його та й пишлы воны шукать лысыцю. Ятлыкъ скоро лысыцю знайшовъ; хортъ и погнався за нею; отъ-отъ дожене... лучылось бигты йимъ черезъ дорогу, а тамъ стоявъ зъ возомъ чоловикъ; винъ побачывъ лысыцю та й кынувъ на нейи дрючокъ; не попавъ лысыцю та хорта и вбывъ...

Ятлыкъ якъ почавъ тоди плакать!... Та й каже чоловикови: «на що ты вбывъ хорта? я теперъ тоби все побъю!» Та заразъ скочывъ на кобылу та й клюе въ лобъ. Чоловикъ злякався та за сокыру та й хотивъ ударыть ятлыка, ятлыкъ пурхнувъ, а чоловикъ кобылу... и

вбывъ. «А що!»—крыкнувъ ятлыкъ и полетивъ до хаты того чоловика; чоловикъ и соби додому. Ятлыкъ сивъ на викно та й клюе, а чоловикъ хотивъ его вдарыть та й выбывъ викно... Ятлыкъ тоди сивъ на голову дытыни та й клюе; чоловикъ хотивъ одигнать його та й кынувъ палку та по дытыни и вбывъ. Чоловикъ ставъ плакать.

Ятлыкови стало жаль того чоловика, винъ и полетивъ та бильшъ и не займавъ його.

(Записано отъ парубка Михайла Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда, въ 1885 г.)

156. ДИДЪ ТА БАБА.

Якъ жывъ соби дидъ та баба, та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ, баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть. Прылетила сорока та й пытае у воритець: «воритця, воритця, чого вы скрыпочете?» Воритця й кажуть: «якъ-бы ты знала, то-бъ на соби пиръячко обирвала!»—Якъ?—«А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба, та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Сорока й обирвала на соби пиръячко та й сила на дубочка; а дубочокъ и пытае: «на що ты, сороко, на соби пиръячко обирвала?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ на соби гиллячко опустывъ и лыстячко обирвавъ.»—Якъ?—«А такъ: якъ жывъ соби дидъ

та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Дубокъ и опустывъ гиллячко и лыстячко на йому обсыпалось. Пасся баранець пидъ дубкомъ и пытае: «дубочокъ, дубочокъ, на що ты на соби гиллячко опустывъ?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ и рижвы позбывавъ.»—Якъ?— «А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке, дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ баранець и позбывавъ на соби рижкы та й пишовъ до крыныци пыты воды; а крыныця й пытае: «баранець, баранець, на що ты на соби рижкы позбывавъ?»—Э, якъ-бы ты знала, то бъ и замуравылась!—«Якъ?»—А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ крыныця й замуравылась. Прыйшла попова наймычка воды браты до крыныци та й пытае: «крынычко, крынычко, чого ты замуравылась?»—Э, якъ-бы ты знала, то бъ и видра побыла!—Якъ?—«А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Наймычка

й побыла видра. Прыходе до дому, а попадя й пытае: «на що ты видра побыла?»—Э, якъ-бы вы зналы, то-бъ и косы на соби обирвалы!—«Якъ?»—А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба та була въ йихъ курочка ряба; та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ попадя и обирвала на соби косы, а пипъ и пытае: «На що ты на соби косы обирвала?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ усихъ святыхъ зъ церквы повыносывъ и людей повыганявъ». —Якъ?—А такъ: якъ жывъ соби дидъ та баба та була въ йихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла: мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось. Дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а ворптця скрыпочуть.» Отъ пипъ и повыганявъ людей изъ церквы и всихъ святыхъ повыносывъ.

(Записано отъ парубка въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.)
Сравн.: Манжура, «Сказки», стр. 6.

157. ЗЛА МАТЫ ТА СЫНЪ, ЩО ПОВЫВЪ ЗМІЙИВЪ.

Бувъ соби чоловикъ та жинка, а у йихъ була кобыла; отъ жинка породыла сына, а кобыла прывела коныка; чоловикъ и подарувавъ сынови те лошятко, а самъ незабаромъ умеръ. Росте той хлопчыкъ, росте й кинь, и вырисъ хлопчыкъ уже такый, що ставъ у школу ходыть; у школу йде, то зайде до коня и зъ школы йде, то зайде. А до тіейи жинкы та литавъ змій; отъ винъ разъ прылетивъ та й каже:

— И литавъ-бы я до тебе, такъ боюся твого сына й духу; якъ-бы його звесты, тоди-бъ литавъ.

— А якъ же його звесты?

— Я дамъ тоби сала, то ты навары йому борщу съ тымъ саломъ, то такъ и вмре.

Давъ змій сала.

Отъ иде той хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня, ажъ кинь за копыта въ землю вбывся; хлопець ставъ його лаять.

— Не лай мене,—каже кинь,—якъ мени не вбывацця, колы я потугу чую.

— Яку-жъ ты потугу чуешъ?—пыта хлопець.

— А таку: якъ насыпе маты тоби борщу, то ты не йижъ та за викно вылый, бо якъ попойисы, то билшъ тоби не жыть.

Насыпала маты борщу; отъ хлопець не йивъ та й вылывъ за викно; де не взявся собака, попойивъ того борщу та заразъ и пропавъ; иззивъ хлопець шматокъ хлиба та й пишовъ, заплакавшы, съ хаты. Прылетивъ змій та й пыта:

— А що?

— Вылывъ борщъ за викно, а собака попойивъ та заразъ и здохъ.

— Ну, я тоби дамъ порошокъ, то ты всыпъ йому у чай.

Ишовъ хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня, ажъ кинь по колина вбывсь у землю; хлопець ставъ його лаять.

— Якъ мени не вбываццня, що я потугу чую,—каже кинь.

— Яку-жъ ты потугу чуешъ?

— Якъ будуть тоби подаваты чай, то ты не пый та за викно вылый.

Увійшовъ хлопець у хату; йому маты й поставыла чаю; отъ винъ не пывъ та й вылывъ за викно; де не взявся

собака, полызькавъ, полызькавъ та заразъ и здохъ; а хлопецъ иззивъ шматокъ хлиба та й пишовъ, заплакавшы, съ хаты.

Прылетивъ змій та й пыта:

— А що?

— Вылывъ чай за викно, такъ собака полызькавъ та тамъ и здохъ, — каже жинка.

— Ну, я тоби уптъять дамъ сала, то ты йому напечешъ пырогивъ.

Иде хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня; ажъ кинь по черево въ землю вбывся; хлопецъ ставъ його лаять.

— Якъ мени не вбывацця, колы я потугу чую!—каже кинь.

— Яку-жъ ты потугу чуешъ?—пыта хлопець.

— Якъ подасть маты тоби два пырогы: одынъ велыкый, а другый маненькый, то ты маленькый иззижъ, а велыкый за викно выкынь.

Увійшовъ хлопець у хату, маты й подала йому два пырогы: одынъ велыкый, а другый маленькый; отъ винъ маленькый иззивъ, а велыкый за викно выкынувъ; де не взявся собака, иззивъ той пыригъ та заразъ и пропавъ; а хлопецъ заплакавъ та й пишовъ съ хаты. Отъ змій прылетивъ та й пыта:

— А що?

— Маленькый иззивъ, а велыкый за викно выкынувъ.

Тоди змій и догадався, що то все кинь каже, та й каже:

— Треба коня попереду звесты, а тоди й його не трудно буде.

Отъ маты прыставылась хворою та й каже:

— Якъ бы ты, сыну, зарізавъ коня та помазавъ його серцемъ проты мого серця, то я-бъ одужала.

— Ну, мамо, хочъ пройиду я на йому по двору, а тоди й зарижу.

Маты выйшла съ хаты на поригъ, а сынъ пройихавъ разъ та й пыта:

— А що, гарно?

— Гарно,—одказала маты.

Пройихавъ удруге та й пыта:

— А що, гарно?

— Гарно.

Пройихавъ утрете та й пыта:

— А що, мамо, гарно?

— Гарно, сыну.

— Будь-же ты, мамо, трычи проклята!—сказавъ та й пойихавъ зъ двору. Выйихавъ у поле, пустывъ коня, а самъ загорнувсь у шкуру та й лигъ на дорози. Йихавъ царь дорогою, колы дывыцця—лежыть щось у шкури; винъ пидйихавъ та й пыта:

— Хто тутъ такый?

— Не знаю!

— Хто тутъ такый?

— Не знаю!

— Хто тутъ такый?

— Не знаю!

Царь положывъ його на визъ та й пойихавъ додому, а дома пидкынувъ його пидъ прыпичокъ,—тамъ винъ соби й жывъ.

Було у того царя тры дочкы; отъ найменча й полюбыла його. Царь такый тоди ставъ сердытый, каже, що «ничого й не дамъ, якъ за його йтымешъ.»

Колы це переказуе явыйсь змій цареви, щобъ винъ або тры возы золота давъ, або старшу дочку на пожырення. Де скилькы золота взять? сталы йийи выряжать. Одправылы молебинь, нарядылы та й одвезлы у поле въ шатро. А Иванъ вылизъ изъ шкуры, выйшовъ у поле та якъ свысне!—прыбигъ до його кинь; винъ сивъ на його та й пойихавъ до шатра; увийшовъ у шатро та й каже царивни:

— Ськай мени у голови, а якъ буде гремить та стугонить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкнешъ мене у бикъ шыломъ, щобъ я прокынувся.

Ськае йому царивна, колы це якъ застугоныть, якъ посыплюцця гыскры,- царивна й стала плакать; сльоза впала на лыце Иванови, а винъ и прокынувсь. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня.

— Завоня ще й съ тебе!

Отъ и пишлы на гору быцця. Якъ ударывъ змій, такъ и ничого, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по колина вбывъ у землю. Якъ ударывъ змій, такъ тилкы по кисточкы вбывъ у землю, а якъ ударывъ Иванъ змія,—такъ по поясъ вбывъ у землю. Якъ ударывъ утрете змій, такъ по колина вбывъ у землю, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по шыю вбывъ у землю и голову йому одрубавъ. Царивна тоди и перевъязала йому руку червоною стьожкою, а винъ пишовъ додому, загорнувсь у шкуру та й полизъ пидъ прыпичокъ.

Колы це прысылае другый змій, що хочъ тры возы золота дай, хочъ середульшу дочку на пожыренія. Сталы выряжать, зибралы родычивъ, одправылы молебинь та й одвезлы въ поле у шатро. А Йванъ вылизъ изъ шкуры, выйшовъ у поле та якъ свысне!—прыбигъ кинь, винъ сивъ на його та й поихавъ до шатра; увійшовъ до царивны та й каже:

— Ськай мени у голови, а якъ буде гримотить та стугонить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкны мене пидъ бикъ шыломъ, то я й прокынуся.

Ськае йому царивна, колы це якъ застугоныть, якъ загуде, якъ посыплюцця гыскры,—царивна й стала плакать: сльоза впала на лыце Иванови, винъ и прокынувсь. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня!

— Завоня ще й съ тебе!

Оть и пишлы на камъяну гору быцця. Якъ ударывъ змій, такъ и ничого, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по колина вбывъ у каминь. Якъ ударывъ змій удруге, такъ тилкы по кисточкы вбывъ у каминь, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по поясъ вбывъ у каминь. Якъ ударывъ тоди змій, такъ тилкы по колина вбывъ у каминь, а якъ ударывъ той змія, такъ по шыю вбывъ у каминь и голову одрубавъ. Царивна перевъязала йому руку зеленою стьожкою, винъ и пишовъ додому.

Колы це прысылае третій змій, що або тры возы золота, або наймевчу дочку на пожыренія. Цареви не жаль йійи було, винъ и молебиня не одправывъ, такъ и одвизъ у поле. Иванъ выйшовъ у поле, свыснувъ, прыбигъ кинь; винъ сивъ на його, прыйихавъ до шатра, тоди увійшовъ туды та й каже:

— Ськай мени у голови, а якъ буде гримотить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкны мене пидъ бикъ шыломъ, то я й прокынуся.

Ськае йому царивна, колы це якъ загримотыть, якъ посыплюцця гыскры, вона й стала плакать; сльоза впала йому на лыце, винъ и прокынувсь. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня!

— Завоня ще й съ тебе!

Оть и пишлы на чавунну гору быцця. Якъ ударе змій, такъ зразу вбывъ по колина въ чавунъ, а Иванъ якъ ударывъ, такъ и ничого; а змій якъ ударывъ, такъ по поясъ вбывъ у чавунъ. а Иванъ якъ ударывъ, такъ тилкы по кисточкы вбывъ змія у чавунъ; а змій тоди якъ ударывъ, такъ по поясъ и вбывъ у чавунъ. Иванъ тоди впъять якъ ударывъ, такъ по колина вбывъ змія у чавунъ; а змій якъ ударывъ,

такъ по шыю вбывъ у чавунъ. Винъ тоди дывыцця, що лыхо, такъ якъ плыгнувъ на змія, такъ його й затоптавъ. Царивна й перевъязала йому руку голубою стьожкою.

Винъ пишовъ додому, злизъ пидъ прыпичокъ та й высунувъ незнарошне руку видтиля, а на тій руци тры стьожкы. Старша царивна побачыла та й каже:

— Ось де та стьожка, що я перевъязала, ось идить!

Середульша царивна прыйшла та й каже:

— А ось та стьожка, що я перевъязала!

А найменша каже:

— А ось де та, що я перевъязала.

Сказалы цареви; царь такый радый и дочку тоди вже оддавъ за його; жывуть воны соби и хлибъ жують.

(С. Нижняя Сыроватка Харьковск. губ. Сумскаго у. отъ дивчины.)

---

158. ЗЛА МАТЫ ТА СЫНЪ.

У якомусь царстви та жывъ царь изъ царыцыю и въ йихъ була дочка, и тій дочци сказано, що у ейи родыцця сынъ. Колы вона й родыла, а царь изъ царыцыю йійи и прогналы: далы йій того сына на плечи, рукы поодризувалы и сказалы, щобъ вона ишла одъ йихъ и щобъ вона бильше не верталась.

Отъ, вона взяла того сына на плечи у торбынку и пишла. Иде вона та й иде,—колы крыныця выкопана у земли. Йій схотилось дуже пыты; вона пишла и зачала пыты,—колы йійи сынъ у торбыни крычыть:

— Добре здоровъя, мамо! А умочы лышъ рукы у крыныцю свойи!

Вона вмочыла и сталы у ейи рукы. Воны тоди пишлы дали. Идуть та й идуть,—колы стойить здоровый лисъ, а

въ тому лиси стойить такый домъ здоровый та гарный. Воны тоди пишлы у той домъ,—колы нема никого: воны й зачалы тамъ жыть.

Жывуть тамъ та й жывуть... А тому Иванови (його було звать Иванъ) и схотилось побачыть, що у хазяйстви е. Винъ и пишовъ. Ходе скризь тамъ и зайшовъ у хливець лычкомъ завъязаный, а каломъ замазаный, и дывыцця, колы тамъ на дванадцяты цепахъ высилы дванадцять головъ зміевыхъ, и пидъ нымы стойить видро воды и видро крови. Змій якъ побачывъ його, и зачавъ його просыть, шобъ давъ йому выпыть видро воды и кровъ, а винъ видказавъ:

— Не я ставлявъ, не я буду й давать!

Узявъ та й пишовъ, а ти двери знову зачынывъ, лычкомъ завъязавъ и замазавъ.

Той Иванъ часто ходыть на охоту и матери усе прыказуе, шобъ вона не йшла туды, де лычкомъ завъязано, а каломъ замазано. Отъ, винъ пишовъ на охоту и довго барывся, а маты його ходыла, гуляла скризь, а потимъ и подумала: «що я за дурна, що не пиду я туды!» И пишла туды. Колы прыходыть туды и бачыть,—змій высыть на дванадцяты цепахъ и въ його було дванадцять головъ, а пидъ нымъ стояло видро воды и видро крови. Змій якъ побачывъ йийи, то й зачавъ йийи просыть, шобъ вона йому подала воду й кровъ. Вона йому подала, и винъ якъ выпывъ, то ставъ такый гарный, що маты Иванова його дуже полюбыла и почала изъ зміемъ балакать, шобъ Ивана съ свиту звесты. И прыдумалы:

— Давай мы його пошлемо по перстни, що миждо двома горамы, а ти горы бъюцця одна объ одну, а поломня йде до небесъ.

Колы се прыходыть Иванъ изъ охоты, маты його лежыть така наче хвора и каже йому:

— Пойидь, мій сынку, де гора зъ горою бъюцця, а поломня иде до небесъ,—тамъ есть перстеныкы, и ты добудь мени йихъ, и може я выдужаю.

Иванъ зачавъ збирацця у дорогу и пойихавъ. Колы винъ йиде та й йиде, дывыцця,—хатка стойить. Винъ увійшовъ у ту хату, дывыцця,—сыдыть дивка и вышывае шось.

Винъ пидійшовъ до ейи и зачавъ йійи роспытувать, куды дорога до тыхъ гиръ, що бъюцця одна объ одну, а поломня иде до неба.

А вона каже:

— Возьмы мого коня, винъ туды дорогу знае.

Иванъ узявъ того коня и пойихавъ до тыхъ гиръ. Прыйиздыть туды, кинь на його каже:

— А лизь у вухо у праве!

Винъ улизъ и вынявъ видтиль бандуру. Якъ загра,— ти горы и утыхлы, винъ ускочывъ, набравъ тыхъ перстнивъ и пойихавъ. Прыйиздыть до тіейи дивкы, бере свого коня и йиде до дому. Прыйихавъ, дае матери ти перстни, вона йихъ забрала, позакыдала и зновъ занедужала. Посылае ще його по змійяне сало. Винъ зновъ пойихавъ и зайихавъ до тіейи дивкы, роспытуе, куды дорога до змійиного сала. А вона каже:

— Беры мого коня винъ дорогу туды знае.

Винъ узявъ того коня и пойихавъ шукать змійиного сала. А той кинь и каже йому:

— Якъ змія мовъ спатыме, то ты ейи не бый, а якъ не спатыме, то тоди йійи бый.

Отъ винъ такъ и зробывъ: якъ змія не спала, то винъ йійи якъ ужарывъ, то вона одынадцять сутокъ трусылась, а на дванадцяти суткы здохла. Винъ изризавъ сала изъ змійи и пойихавъ додому. Прыйиздыть додому, дае матери

сало. Вона його десь закынула и сказала, що йій не помоглося и шобъ винъ йій доставъ ведмежого молока. Винъ пойихавъ упъять до тіейи дивкы, взявъ того коня и пойихавъ до ведмедыци. Прыйиздыть туды, а кинь каже:

— Выймы шаблю, прывъяжы до мойихъ ушей и йидь!

Винъ такъ зробывъ, прывъязавъ шаблю до ушей и пойихавъ. А ведмедыця якъ побачыла и зачала просыть, шобъ вони йійи не рубалы. А вовы кажуть:

— Мы тебе не будемъ рубать, а дай намъ свого подію.

Вона йимъ удойила. Винъ узявъ те молоко и пойихавъ на тыхому кони додому (у його кинь якъ ударе копытъ объ копытъ, такъ на дванадцять верстовъ голосу летыть). Прыйиздыть додому, колы маты держыть голуба, а винъ такый плохый, (а то бувъ змій). Винъ хотивъ його взять у рукы,—а винъ вырвався и полетивъ та въ викно (викна булы одчынети) и вылетивъ. Полетивъ та на хливъ и сивъ, а Иванъ за нымъ, шабли не скынувшы. А маты каже:

— Скынь шаблю, а то урижешся.

Винъ скынувъ, а той голубъ перекынувсь у змія та й убывъ Ивана, роскыдавъ його кисткы скризь по полю. Колы иде тры русалкы. Ти русалкы та булы родычи тій дивци, що винъ до ейи йиздывъ. Отъ одна каже:

— А переступлю я черезъ його по Божому велинію,— чы не спцилыцця?

Переступыла, и винъ исцилывсь. Отъ друга каже:

— Переступлю я черезъ його, по Божому велинію,— чы не встане винъ?

Переступыла, и винъ уставъ. А третя каже:

— А ну я переступлю по Божому велинію,—чы не заговоре винъ?

Переступыла, и винъ заговорывъ. Воны тоди понадризувалы нигтыкивъ и злипылы коржыкъ, а потимъ и ззилы.

Тоди той Иванъ пишовъ до тiейи дивкы, оженывсь изъ нею, а потимъ убывъ винъ змiя, а матиръ посадывъ надъ двома цебрамы: одынъ одъ його, а другый одъ змiя. И якъ по змiеви буде плакать, такъ змiйивъ цеберъ буде повный а колы по йому, дакъ його. А самъ пойихавъ. Трохы згодомъ упъять вернувся,—колы дывыцця,- змiйивъ цеберъ повный. И винъ узнавъ, шо маты його жалила по змiеви, то такъ винъ йийи й оставывъ, а самъ теперъ жыве та хлибъ жуе та постоломъ воду возе, а коромысломъ дрова носе.

(Записана въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда Харьковской губ. отъ хлопця).

---

159. ЧУРЫЛО, ИВАНЪ ЦАРЕВЫЧЪ ТА ЕЛЕНА ПРЕКРАСНА.

У якомусь царстви, у якомусь государстви жывъ соби Иванъ царевычъ. У його була жинка.

Жинка та Иванова зъ молоду була гарна и смырна, покы у ейи жила сестра Елена, а якъ змiй укравъ ту Елену, а вона заступалась за ейи, то змiй йий и поробывъ такъ, шо вона стала змiею и стала дуже злою.

Въ тому жъ царстви жывъ сылномогучый багатырь Чурыло. Отъ Иванъ разъ прыйшовъ до Чурыла, росказавъ йому свою биду и просывъ його, шобъ винъ прыйшовъ до його вночи и провчывъ його жинку, шобъ вона його не была (а вона його все дуже была).

Отъ якъ настала ничъ, Иванъ кудысь заховався, а Чурыло пишовъ до його дому вночи и лигъ спать на Ивановыхъ кроватяхъ. Його жинка думала, шо то прыйшовъ Иванъ, и сунулась на кровати быть Чурыла.

Чурыло якъ схопывъ йійи у свойи рукы та якъ зачавъ йійи быть! Бывъ, бывъ,—ажъ вона й зачала просыцця:

— Пусты мене, Йване, я билшъ не буду.

Отъ винъ йійи пустывъ, а самъ скоро побигъ, шобъ вона не пизнала його й не была упъять Ивана. На другый день прыйшовъ Иванъ додому, вона стала така ласкава и одъ тыхъ пиръ уже не была Йвана, а просыла його, шобъ винъ доставъ йій сестру Елену прекрасну. Иванъ пообищався достать.

На другый день винъ пишовъ до Чурыла и зачавъ совищацця, якъ бы достать Елену изъ зміевыхъ рукъ. Отъ Чурыло й почавъ йому казать:

— Не йидь ты, Йване-царевычу, я пойиду, а ты абыде заховайся и жды, покы я прыйиду.

Иванъ заховався кудысь далеко одъ дому, а Чурыло взявъ осидлавъ коня, набравъ у торбу хлиба й пойихавъ. Йихавъ винъ днивъ не мало и пройихавъ не коротко,—дывыцця, щось недалечко сыплецця, мовъ искры. Пойихавъ винъ туды, ажъ дывыцця,—то бъюцця змійи. Два змійи бъють одного змія, того, шо въ його була Елена прекрасна. Отъ Чурыло взявъ та й оборонывъ його. Воны й порозлиталысь. Пройихавъ винъ ще трохы, колы бачыть,—упъять воны бъюцця ти два змійи, упъять лупцюють сього. Винъ оборонывъ упъять того змія. И такъ винъ його оборонявъ ажъ трычи одъ тыхъ двохъ змійивъ.

Оборонывшы втрете, винъ пойихавъ дали, дывыцця,—таки теремы стоять гарни та высоки на улыцю викнамы; тамъ сыдыть Елена прекрасна та все плаче. Чурыло пидйихавъ до ейи и сказавъ, шо-бъ вона зъ нымъ тикала до своейи сестры. Вона й согласылась; воны й пойихалы. А у змія бувъ говоручый голубъ. И якъ Елена пойихала съ Чу-

рыломъ, винъ заразъ и полетивъ за зміемъ и почавъ йому казать:

— Ты тутъ усе гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйиздывъ чоловикъ и укравъ вашу Елену прекрасную.

Отъ змій полетивъ додому, колы правда. Пишовъ винъ до коня та й каже:

— А шо, мій коню, шо, мій любый! доженемо мы чоловика, шо вкравъ Елену?

— Э,—каже кинь,—ще мы насіемо жыта, зберемо, намолотымъ, наварымъ пыва, напъемось и тоди наженемо.

Отъ змій узявъ, насіявъ жыта, зобравъ, змолотывъ, наварывъ пыва, напылысь воны й рушылы въ дорогу. Гналысь, гналысь и нагналы. Отъ змій и каже:

— Подавай Елену честю, а то смерты не мынешъ!

Потимъ роздумався, що винъ його оборонывъ одъ змійивъ, та й каже:

— Ну, щастя твое, що ты мене оборонявъ трычи,—и я тоби трычи услужу. Се первый тоби разъ прощено и ще два разы, а якъ четвертый разъ шо зробышъ, тоди засичу.

Чурыло и вбывъ бы змія, такъ ничымъ убыть: нема ни ружжа, ни меча, ничогосинько. Отъ винъ и оддавъ Елену змиеви назадъ.

Прыйихавъ змій додому, посадывъ упъять Елену, а самъ упъять пойихавъ кудысь гулять. Вернувся Чурыло назадъ, упъять до зміевыхъ палатъ, шукавъ скризь якого небудь орудія, не найшовъ, а Елену узявъ такы впъять и пойихавъ. Голубъ упъять полетивъ за зміемъ та й каже:

— Ты тутъ гулять гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйихавъ упъять той чоловикъ и упъять укравъ Елену прекрасну.

Змій прылетивъ до дому, колы правда. Пишовъ винъ до коня та й пыта:

— Коню мій мылый, коню мій любый, чы доженемо Чурыла? Винъ укравъ Елену прекрасну удруге.

— Ще,—каже кинь,—насіемо гречкы, поспіе вона, тоди зберемо, намолотымъ, навіемъ, насушымъ, намелемъ, гречаныкивъ напечемо, ще й тоди наженемо.

Отъ змій узявъ, насіявъ гречкы, зобравъ, намолотывъ навіявъ, змоловъ, напикъ гречаныкивъ, найилысь и рушылы у дорогу. Нагналы, однявъ змій Елену прекрасну и повизъ додому, а самъ пойихавъ упъять кудысь гулять.

Прыйихавъ Чурыло, укравъ упъять Елену и пойихавъ. Голубъ упъять полетивъ за зміемъ и каже:

— Ты все гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйиздывъ чоловикъ и упъять укравъ Елену прекрасну.

Змій прылетивъ додому,—колы правда. Винъ пишовъ до коня, сивъ на його й пойихалы. Пройихалы не довго и нагналы. Однявъ упъять у Чурыла Елену и сказавъ:

— Се тоби тры разы прощено, а четвертый разъ я тебе убъю, якъ ты ще вкрадешъ Елену.

А самъ пойихавъ додому, посадывъ Елену и полетивъ кудысь на роздобычу. Чурыло прыйихавъ, узявъ упъять Елену на коня и поскакавъ що есть духу. Прыйихавъ змій додому,—глядь, ажъ нема Елены. Винъ заразъ ухопывъ мечъ и пойихавъ скоренько. Нагнавъ, узявъ Елену, а Чурыла посикъ, порубавъ на дрибни кускы.

Лежало Чурылове тило ажъ цилыхъ тры дни, колы прыбигае до тила вовкъ, ридный братъ Чурыливъ, и сивъ сторожемъ. Сыдивъ винъ не довго надъ нымъ, колы прылитае воронъ зъ вороненяткомъ, силы на Чурылове тило й почалы його клювать. Вовкъ такъ и ухватывъ старого ворона. Закрычавъ воронъ до вовка:

— Чого тоби треба одъ мене, шо ты мене піймавъ? пусты мене!

— Ни, — каже вовкъ, не пущу, а пошлы свое вороненя, нехай воно злита по цилющу воду и по жывущу, тоди я тебе пущу.

Воронъ пославъ вороненя, воно й полетило и прылетило уже черезъ тры дни зъ двома пляшечкамы съ цилющою й жывущою водою. Вовкъ узявъ ти пузыркы, полывъ зъ йихъ по Чурыловому тили, винъ и ожывъ. Дывыцця, биля його стоить його братъ вовкъ. Отъ винъ йому й каже:

— Якъ я довго спавъ!

— Ты й доси спавъ бы, якъ бы не я. Ты хотивъ достать Елену, такъ тебе змій и вбывъ, я се почувъ та й прыйихавъ и сцилывъ тебе. Колы хочешъ достать ты Елену прекрасну, то пиды ты на Царь-гору уночи, тамъ е багатырська кобыла недалеко, маты того коня, шо у змія; вона що-вечора бига на ту гору и родыть лошатъ, а вовкы йихъ зъидають. А ты такъ прыхытруй и украдь те лошя, шобъ ти вовкы и не побачылы, а то воны у тебе його однимуть.

Отъ Чурыло пишовъ на ту Царь-гору, прокопавъ нору ажъ до того мистя и ставъ стерегты до вечера. Увечери прыбига кобыла, и за нею вовкивъ цила ватага, шобъ йисты те лошя.

Вона прывела те лошя, а Чурыло його ухопывъ та въ нору. Вовкы шукалы-шукалы, не найшлы и съ тымъ пишлы. Чурыло вынисъ те лошя на свитъ зъ норы, колы воно просыцця у його.

— Пусты, — каже, — мене до матери покормыцця, я билше стану.

Винъ пустывъ.

Колы воно прыбига уже до його здорове, стрыгунцемъ. И такъ винъ його пускавъ до матери ажъ тры дни. На третій день воно прыбигло таке здорове, билше, нижъ у змія

кинь, и лучче. У змія кинь бувъ тилькы на трьохъ ногахъ. Змій сыдивъ ажъ дванадцять годъ, покы його ухопывъ съ пидъ кобылы, та вовкы такы ногу у його й одирвалы, винъ и оставсь на трьохъ ногахъ. Чурыло бувъ дуже радый, шо йому такъ скоро пощастыло піймать и выгодувать такого славного коня.

Писля того, якъ прыбигъ до його на третій день кинь, винъ и зачавъ казать йому:

— А що, мій киню, шо, мій любый, украдемо у змія Елену?

— Ище бъ, - каже,—мы въ його не вкралы, мы й його вбъемо, онъ якъ! Сидай,—каже,— на мене та пойидьмо скоренько!

Отъ Чурыло сивъ на коня и побиглы. Прыбиглы воны до Елены, а вона все плаче. Чурыло пидйихавъ до ейи та й каже:

— А ну, давай теперъ тикать: теперъ насъ не наздожене.

Вона його злякалась: вона думала, шо винъ прыйихавъ мертвый до ейи й не хотила йихать. Винъ тоди самъ йійи ухватывъ на рукы й побиглы скоро-скоро. Говорючый голубъ упъять полетивъ за змиемъ и каже:

— Ты все пъешъ та гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйихавъ Чурыло и упъять укравъ Елену.

— А хыба винъ жывый? я жъ його зарубавъ!—каже змій.

— То шо, шо ты зарубавъ, а винъ жывый. Леты скорише, а то не наженешъ: у його кинь луччый за твого.

Змій полетивъ додому та заразъ до коня:

— А шо, мій коню, наздоженемо йихъ?

— Э, ни,—каже кинь,—не наженемо, хоть ты мене й заришъ! А все такы давай спробуемъ!

И пойихавъ змій доганять Чурыла. А Чурыло нарошне спынывъ свого коня та жде змія. А винъ ось скоро й летыть.

— А що, утикъ?—крыкнувъ змій на Чурыла и погнавъ свого коня, шобъ убыть його. Чурыливъ кинь заразъ до того й заговорывъ:

— На що ты, брате, таку гадыну на соби носышъ? Я бъ давно його вбывъ! Винъ злый, винъ тебе не пускавъ до матери кормыцця, а мій хазяйинъ мене пускавъ ажъ на тры ночи и винъ мене зъ матери такъ ухопывъ, шо мене вовкы и не зачепылы, а тоби, бачъ, одирвалы ногу. Леты пидъ хмары та кыдай його объ землю! Се хазяйинъ буде луччый.

Якъ схватыцця той кинь и полетивъ ажъ пидъ сами хмары зъ зміемъ, а тоди якъ кыне його объ землю, такъ сами кисткы остались! Отъ тоди Чурыло посадывъ Елену на зміевого коня, а самъ сивъ на тому и пойихалы соби помаленьку додому. Чурыло знавъ, де Иванъ жывъ, дожыдався, покы винъ прыйиде,—зайихавъ винъ до його, оддавъ йому коня свого й Елену, и самъ остався у своему доми жыть. Иванъ узявъ Елену и коня, прыйихавъ додому. Жинка його не знала де дицця зъ радощивъ и почалы воны зъ радощивъ гулять, и я тамъ бувъ, медъ-выно пывъ, по бороди текло, а въ роти не було.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковск. губ. въ 1885 г. отъ хлопця.)

---

160. ЗМІЕВА ДОЧКА.

Жывъ соби багатый чоловикъ та й пойихавъ винъ у друге царство, въ друге государство торгуваты, а въ тому царстви та не було воды, а чоловикови тому такъ схотилося

пыты, що хочъ умирай! Отъ винъ и пишовъ до царя (бо вже, звисно, въ царя вода é), а царь и каже:

— Якъ дасы, чоловиче, те, що въ тебе дома, то дамъ воды.

— Окроме жинкы, усе дамъ!—каже чоловикъ. А въ того чоловика та не було дитей и жинка була важка, а якъ чоловикъ пойихавъ, прывела сына та такого хорошого, що й не сказать!

Отъ и росте той сынъ та й вырисъ уже чымалый. Черезъ яку тамъ годыну пойихавъ чоловикъ додому; прыйихавъ, колы выбига до його назустричъ парубокъ. Чоловикъ и пытае його, чый винъ.

— Я-жъ вашъ сынъ, парубокъ каже.

Чоловикъ зрадивъ, а дали якъ заплаче!

— Чого ты, тату, плачешъ?—запытавъ парубокъ.

— Та це я такъ!—одмовывъ батько.

Отъ росте та й росте той сынъ и городывъ винъ разъ изъ батькомъ хливъ та й пайшовъ у загати запысочку; подывывся сынъ у запыску та й каже:

— Чомъ-же вы, тату, мени не сказалы, що я одданый цареви?

А то була та запысочка, що въ йий батько обищавсь цареви за воду оддать те, що дома, бо батько якъ прыйихавъ додому, то заткнувъ запыску у загату. Дали й каже:

— Выряжайте-жъ мене, тату,—пойиду я до царя.

Заплакалы батько та маты та й сталы выряжаты сына.

Прыйихавъ ото вже той сынъ до царя; а въ того царя та було тры дочкы, отъ, найменша його зразу й полюбыла; а царь той бувъ самъ змій и знавъ багато чаривъ, а найменша дочка була ще билша чаривныця одъ батька. Отъ змій заразъ поклыкавъ того парубка та й каже:

— Щобъ ты мени оцю рику за ничъ загатывъ и вы-оравъ и пшеныци насіявъ; щобъ пшеныця выросла й поспила; щобъ ты йійи выжавъ, помолотывъ, перевіявъ, помоловъ и щобъ уранци мени булку прынисъ изъ нейи!

Сумный выйшовъ парубокъ изъ хаты и пишовъ до найменчойи дочкы, а та й пыта його:

— Чого ты такый, Иване, сумный?

— Якъ мени не сумуваты, колы твій батько загадавъ, щобъ я оту рику за ничъ загатывъ, выоравъ, насіявъ пшеныци, зибравъ, намоловъ и щобъ уранци булку пшенышну прынисъ!

— Не журысь: все гараздъ буде!

Отъ, якъ полягалы вси спаты, дочка свыснула,—прыбигло два молодци; вона й каже:

— Щобъ вы мени оцю рику за ничъ загатылы, насіялы пшеныци; щобъ та пшеныця поспила, щобъ вы йійи зибралы й помолотылы, змололы и щобъ прынеслы мени зъ нейи булку.

— Добре!—сказалы молодци и позныкалы.

Прокынулась уранци дочка,—колы вже на столи стойить гаряча булка; вона заразъ однесла йійи Йванови, а той зміеви. Заскреготавъ той зубамы, бо хотивъ якъ небудь стребыть Ивана, а теперъ и не пощастыло, та ничого робыть! Отъ винъ и каже:

— Ну, на сю ничъ щобъ ты выйиздывъ коня, що стойить за дванадцятьма дверыма!

Прыйшовъ Иванъ до зміевои дочкы та й каже:

— Загадавъ батько роботу, щобъ я за-ничъ выйиздывъ коня, що стойить за дванадцятьма дверыма,—се вже не така трудна робота!

— Е, ни! се ще труднища: кинь—то мій батько; якъ тилько ты пидешъ туды, то винъ тебе и вбъе!—каже зміева дочка.

Тоди подумала, а дали й каже:

— Та вже дарма, я поможу тоби!

Тилькы ото вси полягалы, вона заразъ свыснула, колы прыбигло два молодци; вона йимъ и каже:

— Пидить у конюшню, тамъ за дванадцятьма дверыма стойить кинь: щобъ вы його за ничъ выйиздылы!

Молодци пишлы та заразъ у конюшню. Якъ узялы воны йиздыть на тому коневи, такъ уже йому й не хочецця; такый ставъ, якъ зъ воды вытягненый! Бигавъ, бигавъ той кинь, а дали й ставъ; молодци його й одвелы въ конюшню.

Отъ уранци змій поклыкавъ Ивана та й каже:

— Ну, теперъ же прыходь до мене увечери!

Иванъ прыйшовъ до дочкы та й каже:

— Теперъ казавъ батько, щобъ я прыйшовъ до його увечери.

— Якъ пидешъ, Иване, до батька, то винъ теперъ тебе задушыть!—каже дочка.—Треба тикаты. Мы удвохъ утечемо!

Отъ заразъ воны зибралысь скорише та й пишлы. Идуть та й идуть, колы це щось застугонило; прытулыла зміева дочка вухо до земли та й каже:

— Це за намы женуцця. Ну, ты будь сторожемъ, а я стану пшеныцею.

И стала зміева дочка пшеныцею, а Иванъ сторожемъ. Отъ, прыбиглы слугы на конихъ до пшеныци та й пытають Ивана-сторожа:

— Чы не бачывъ, не биглы сюды двое: дивчына й парубокъ?

Иванъ и каже:

— Ни, бачывъ: биглы тоди, якъ сіялась оця пшениця.

Слуги й пойихалы додому, а змій и пытае:

— Що, не нагналы?

— Не нагналы.

— А не бачылы никого?

— Ни, бачылы сторожа, стеригъ пшеныцю.

— Ото-жъ воны й есть! треба-бъ вамъ тилькы найбильшый колосокъ пшеныци зирваты, то бъ вы взялы йийи за голову!

Отъ змій пославъ и вдруге. А Иванъ та зміева дочка упъять пишлы; идуть та й идуть,—колы шось застугонило; дочка прытулыла вухо до земли та й каже:

— Це за намы упъять женуцця! Ну, ты будь попомъ та чытай кныгу, а я стану церковкою.

И стала дочка церковкою, а Иванъ попомъ и ставъ служыть пипъ. Прыйиздять слугы та й пытають у попа, чы не бачывъ винъ, не биглы сюды парубокъ та дивчына. Пипъ и каже, що бачывъ тоди, якъ стройилась ця церква; слугы й пойихалы назадъ. Прыйиздять додому, а змій и пыта:

— Не догналы?

— Ни!

— А не бачылы никого?

— Бачылы церкву, а въ церкви попа.

— То-жъ и воны!

Отъ излизъ тоди змій на хату, та якъ крыкне:

— Подайте мени вылa!

Подалы зміеви выла; отъ винъ пидиперъ однымъ кинцемъ віко, глянувъ та й каже:

— О, ще дожену!

Та заразъ и побигъ. А дочка прытулыла вухо до земли та й каже:

— Теперъ мы пропалы: за намы женецця батько. Ну,

ты будь козакомъ, а я ставу крыныцею; якъ стане батько пыть воду, то ты йому й одрубай голову!

И стала вона крыныцею, а Иванъ козакомъ изъ шаблею. Прыбигъ змій до козака та й пыта, чы не бачывъ винъ, не биглы дивчына й парубокъ? Козакъ каже, що не бачывъ.

А змій тильки глянувъ, то заразъ и догадався та й каже козакови.

— Дай же мени воды напыцця!

— Не можно: зъ цієйи крыныци тилькы отаманъ пъе воду.

А змій не слуха та заразъ и нахылывся до крыныци, а козакъ йому й одрубавъ голову. Тоди крыныця стала упъять зміевою дочкою, а козакъ Иваномъ. Прыйихалы воны додому и загуляли весилля.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Манжура, Сказки, стр. 40, Незнайко,—Рудченко сказки, I, №№ 47, 48 и 52; II, № 30.—Чубинскій, Труды, II, отд. 1, №№ 4 и 5.

---

161. БАТЬКО Й ТРЫ СЫНЫ.

Жывъ соби чоловикъ, а въ його було тры сыны; найменчый бувъ дурный. Отъ, якъ умиравъ батько та й сказавъ свойимъ сынамъ, щобъ воны кожни Риздвяни святкы носылы йому вечерю. Прыйшла черга старшому братови несты вечерю; винъ узявъ цеглыну, воды та й пишовъ. Прыходыть на могылу та й каже:

— Тату, вставай, йижъ вечерю!

Батько вставъ, погрызъ цеглыны, напывсь воды, спытавсь одъ якого сына вечеря та й полизъ упъять у могылу. Прыйшла черга середульшому несты; винъ бойицця та й ставъ просыть найменчого брата, щобъ той за його понисъ вечерю.

Середулшый братъ давъ найменчому цеглыну й воды, той и понисъ. Прыйшовъ на могылу та й каже:

— Уставай, тату, вечерять!

Батько вставъ, погрызъ цеглыны, напывся воды, спытавъ одъ якого сына вечеря та й полизъ упъять у могылу. Надійшлы трети риздвяни святкы; найменчый братъ узявъ борщу, хлиба, горилкы та й понисъ вечеряты батькови. Прыйшовъ на могылу, поклыкавъ батька. Батько найився та й спытавъ:

— Одъ якого сына вечеря?

— Одъ найменчого.

Батько тоди якъ свыснувъ! Колы це прыбигае до його тры кони,—таки гарни!—Батько вырвавъ зъ йихъ по волосынци, давъ сынови та й каже:

— Якъ шо тоби треба буде якого коня, то ты запалы зъ його волосынку, винъ такъ и буде.

Сынъ узявъ волосынкы, поклонывся та й пишовъ додому.

Колы це пишла чутка по всьому царству: хто доскоче конемъ до царивны (а царивна сыдила у высокому терему), зниме зъ нейи перстинь, то той визьме йійи за себе. Браты повыбиралы соби коней та й збираюцця въ дорогу. Найменчый сынъ попросывъ и соби кобылу.

— Та куды тоби!—казалы браты, а проте далы поганеньку кобылу. Винъ выйихавъ съ села, узявъ ту кобылу убывъ, обидравъ шкуру та й крычыть:

— Сорокы, вороны, свиже мнясо.

Тоди самъ выйшовъ у поле, запалывъ волосынку, колы прыбигъ до його сывый кинь. Винъ и каже йому:

— Несы мене до царя!

— Пане мій мылый, пане мій любый! лизь у ливе

вухо, а въ праве вылизь та беры мени убрання хороше, а соби ще й лучче.

Найменчый братъ полизъ у ливе вухо, а въ праве вылизъ та зробывся такымъ козакомъ, що й не прыдумать! Кинь и пытаеццо його:

— Якъ же тебе, пане, несты: чы поверхъ деревъ, чы о половыни деревъ?

— Несы о половыни деревъ.

Кинь якъ понисъ його! Ото нагналы воны братывъ; найменчый братъ и крычыть:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ.

Браты йому й послалы сирякы. Отъ розигнався кинь, якъ стрыбоне! доскочывъ до половыны терема та й назадъ. Люде ажъ роты пороззявлялы.

А братъ найменчый прыйихавъ додому, полизъ коневи въ праве вухо, а въ ливе вылизъ такымъ дурнемъ, якъ и бувъ, прыйшовъ додому та й сыдыть у груби. Прыйихалы й браты та й хвалюцця: «отъ такъ плыгнувъ,—ополовыни терема!» Дурень вытknувъ голову зъ грубы та й каже:

— Може то я?

Браты ажъ за жывоты беруцця та сміюцця. Дурень и полизъ упъять у грубу.

Сталы збирацця браты удруге.

— Дайте й мени кобылу, и я пойиду!—просыть дурень.

— А та-жъ де?—спыталы браты.

— Здохла!

Браты засміялысь та й далы йому другу кобылу. Дурень убывъ и ту, обидравъ шкуру та й крычыть:

— Сорокы, вороны, свиже мнясо!

А самъ выйшовъ у поле, запалывъ волосынку,—до його й прыбигъ кинь гнидый. Дурень и сказавъ йому:

— Несы мене до царя!

— Пане мій мылый, паве мій любый! лизь у ливе вухо, а въ праве вылизь та беры мени гарне вбрання, а соби ще й лучче!

Дурень полизъ у ливе вухо, а въ праве вылизъ такымъ козакомъ! Кинь и пытае його:

— Якъ тебе, пане, несты: чы поверхъ деревъ чы пополовыни деревъ?

— Несы поверхъ деревъ!

Кинь и понисъ його поверхъ деревъ. Нагналы воны братывъ, дурень и крычыть:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ.

Браты й прослалы сирякы. Оть розигнався кинь, якъ стрыбнувъ,—на сажень до царивны не доплыгнувъ тоди назадъ и вернувсь.

Якъ прыйихавъ найменчый братъ додому, влизъ коневи въ праве вухо, а въ ливе вылизъ такымъ дурнемъ, якъ бувъ и перше; прыйшовъ додому, зализъ у грубу та й сыдыть. Прыйшлы браты та й хвалюцця тымъ, що бачылы.

— Може то я?—сказавъ дурень у груби. Браты тилкы засміялысь.

Оть збиралысь браты и втрете. Дурень и соби попросывъ кобылу.

— А та-жъ де?—спыталы браты.

— Здохла!

Воны далы й третю кобылу. Дурень обидравъ зъ нейи шкуру й крычыть:

— Сорокы, вороны, свиже мнясо!—та й кынувъ. А самъ выйшовъ у поле та й запалывъ волосынку,—до його прыбигъ вороный кинь. Дурень и сказавъ йому!

— Несы мене до царя!

Кинь каже:

— Пане мій мылый, пане мій любый! лизь у ливе вухо, а въ праве вылизь; та беры мени убрання хороше, а соби ще й лучче!

Дурень полизъ у ливе вухо, а въ праве вылизъ такымъ козакомъ, що й Господы! Кинь и каже йому:

— Якъ-же тебе, пане, несты, чы поверхъ деревъ, чы ополовыни деревъ?

— Несы поверхъ деревъ!

Кинь якъ понисъ його выще лису, нызче хмары. Отъ догналы воны братывъ; дурень и крычыть:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ!

Браты й попростылалы сирякы. Отъ кинь розигнався, якъ стрыбонувъ,—доскочывъ до царивны. Найменчый братъ узявъ у ней й перстинь, поцилувавъ йийи та й пойихавъ назадъ. Якъ прыйихавъ додому, полизъ коню въ праве вухо, а въ ливе вылизъ такымъ дурнемъ, якъ бувъ перше, прыйшовъ додому та й зализъ у грубу. Прыйихалы й браты та й балакають:

— Отъ такъ плыга! Винъ хорошый та й кинь до його!...

Дурень вытккнувъ голову зъ грубы та й каже:

— Може то я?

— Чы не згубывъ ты останнього розуму?—засміялысь браты. Дурень и полизъ назадъ у грубу.

Тымъ часомъ царь упъять пославъ сказать, щобъ збиралысь до його въ дворець уси: й старе, й мале, й калишне.

Браты й балакають мижъ себе:

— Якъ намъ весты дурня—соромъ; та треба весты—такый прыказъ!

Отъ якъ зибралысь уси въ дворець, царь ставъ йихъ гостыты и медомъ, и выномъ,—усього такого багато! На останци стала частувать усихъ царивна. Частувала вона, частувала; колы прыйшла й до дурня; дурень и бере чарку ливою рукою. Вона спытала:

— А правою чого-жъ ты не берешъ?

— Та збывъ палець.

— А ну покажы, чы здорово?

Дурень розъязавъ палець, а перстинь такъ и осіявъ хату. Царськи слугы взялы тоди та того дурня умылы, вымылы зъ головы попилъ, прычесалы, винъ и оженывся съ царивною та й жывуть соби!

(Записано отъ парубка Михайла Голуба въ Нижней Сыроваткѣ Сумск. у.)
Чубинскій. Труды, II, стр. 269—281, №№ 70—73.

162. ЯКЪ ЧОЛОВИКЪ У ЦАРИВНЫ ПЕРСТИНЬ УЗЯВЪ.

Одынъ царь звеливъ зибрать зъ усього свого царства людей. На другый день зибралысь уси люды. Тоди царь выйшовъ и сказавъ усьому народови:

— Хто доберецця до моейи дочкы и зниме зъ нейи перстинь, тому оддамъ половыну царства и дочку замижъ оддамъ за його.

Якъ царь проказавъ оце усе, тоди люды мовчалы; тилькы одынъ чоловикъ обизвавсь до царя:

— Я доберусь до вашойи дочкы и перстинь зъ нейи зниму.

Тоди царь сказавъ на того чоловика:

— Иды сюды!

Тоди той чоловикъ пишовъ до царя, а людямъ царь сказавъ:

— А вы уси идить додому!

Царь повивъ того чоловика въ свою свитлыцю та й каже тамъ йому:

— Якъ що ты найдешъ мою дочку черезъ мисяць, такъ оддамъ за тебе йийи и половыну царства тоби оддамъ, а якъ що не найдешъ черезъ мисяць, такъ голову тоби зниму.

Тоди той чоловикъ пишовъ одъ царя туды, де часы роблють, та й каже тамъ одному чоловикови:

— Зробы мени таки часы, щобъ я у йихъ сыдивъ, и якъ часъ буде времени, такъ щобъ грала у йихъ музыка, щобъ тамъ танцювало у часахъ; а якъ зробышъ, такъ ни-кому не продавай, тилькы цареви; а якъ продасы ихъ цареви, такъ скажы йому, щобъ винъ никому не визъ поправляти, якъ спортюцця, тилькы тоби.

Тоди той чоловикъ зробывъ часы таки, якъ було сказано, а той чоловикъ, що оддававъ йихъ робыты, сивъ у йихъ у середыну й сыдыть. Колы ось царь йиде. Якъ побачывъ винъ оци часы та й каже цьому чоловикови, що зробывъ часы:

— Продай мени оци часы!

А цей чоловикъ, що зробывъ йихъ, каже:

— Купить!

А царь каже:

— Щожъ тоби за йихъ?

— Сто рублывъ.

Царь каже:

— На сто рублывъ.

Майстеръ узявъ гроши, а царь узявъ часы та й повизъ додому. Якъ прывизъ, то поставывъ йихъ у свойій свитлыци.

А дочку винъ заховавъ у одну комнату и до нейи одна тилькы прыслуга ходыла, а то нихто до нейи не ходывъ. Якъ почула дочка, що въ часахъ грають и танцюють, то

вона попросыла въ батька оти часы. Винъ и давъ йий, вона прыйшла, взяла йихъ и понесла до себе въ хату и поставыла йихъ. Якъ настала ничъ, то царивна скынула перстинь и положыла його на викно, а сама лягла спать. Тоди вночи чоловикъ той вылизъ изъ часивъ, узявъ той перстинь и упъять улизъ у часы и сивъ. Якъ устала царивна, такъ и ахнула, що немае перстиня та ще й часы спортылысь. Вона сказала батькови, що часы спортылысь и перстиня нема. Тоди повезлы ти часы поправлять до того чоловика, въ кого купувалы. Якъ прывезлы, то той чоловикъ, що бувъ у часахъ, вылизъ и пишовъ до царя. Якъ прыйшовъ до його та й каже цареви:

— Уже найшовъ твою дочку и перстинь узявъ.

Тоди той царь оддавъ дочку за його и половыну царства оддавъ йому.

(С. Елизаветовка Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ. отъ хлопця Мирона Высоцкаго.)

---

163. ПРО ДВОХЪ БРАТИВЪ: УВОГОГО ТА ВАГАТОГО.

Якъ жыло соби два браты: одынъ багатый, а другый убогый. Отъ, бидный ходе до багатого та й просе:

— Дай, брате, хлиба!

А той каже:

— Выколю я тоби очи, то й дамъ хлиба.

А той каже:

— Выколюй, а такы хлиба давай!

Винъ повыколювавъ и давъ йисты. Отъ, той убогый покы ходывъ просыть йисты, то той йому повыколювавъ очи, поодризувавъ уши, поодрубувавъ рукы й ногы,—все за той сердешный хлибъ. Отъ, той чоловикъ, що безъ ушей и

безъ усячыны, покотывся тоди слипуючы та й укотывсь у лысыччыну норку та й лежыть. Колы се вночи якъ брязне, якъ свысне,—колы прыбигае Юрій изъ вовкамы, зъ лысыцямы и зъ усякымъ звиромъ. Ставъ биля норы, що той чоловикъ у йій лежавъ, та й каже:

— Ну, глядить, не росказуйте никому шо я скажу: завтра буде така роса, що всякый, хто хворый, той вылычыцця. И въ царя дочка хвора, та якъ бы йійи помазавъ сіею росою, то вона бъ исцилылась. И въ людей воды нема, та якъ пиднять на такому то мисци каминь, и вода стане текты.

Отъ той чоловикъ прокынувсь уранци та якъ качнецця по трави,—колы рукы й ногы сталы. Винъ тоди помазавъ очи,—воны зачалы бачыть. Отъ винъ мазавъ себе, покы зовсимъ сцилывся, а потимъ набравъ тіейи росы и пишовъ до царя, вылычывъ дочку його, а за те його царь дуже наградывъ. Сцилывшы царивну, винъ пишовъ до тихъ людей, що воды немае, пиднявъ каминь, и потекла вода. Люде радіють и зновъ його нагрядылы щедро такъ, що винъ ставъ багатый; а той, що бувъ багатый, ставъ убогый, та й ходе просыть хлиба:

— Дай,—каже,—хлиба, та повыколюй мени очи, поодрубуй рукы и ногы и одвезы мене у ту нору, що ты лежавъ тамъ.

А той братъ, що бувъ убогый, каже:

— Не треба, йижъ такъ!

— Ни,--каже,—поодрубуй ногы та рукы та везы мене! Треба йому везты! Одвизъ його у ту нору.

Колы се якъ середъ пивночи стукотыть, грюкотыть,—колы се бижыть Юрій, ажъ спотыкаецця, та крычыть на звира:

— А сяки-таки! росказалы; я буду васъ вишать!

А крывенька лысычка у нору, колы лежыть той чоловикъ. А вона й каже:

— А, ось хто сказавъ!

Тоди звиря якъ ухопляцця, такъ и розирвалы того чоловика.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у., отъ хлопця въ 1885 г.)
Рудченко, Н. сказки, II, № 35. Чубинскій, Труды, II, стр. 45—52. № 10 и 11. Стр. 386, № 108.

---

164. ДВА БРАТЫ.

Було соби два браты: одынъ багатый, а другый убогый. Отъ прыйшовъ меньшныкъ багатого; винъ наззывавъ повну хату гостей, а убогого брата не поклыкавъ. Отъ убогый братъ и каже:

— Шо Богъ дасть, пиду!

Та й пишовъ до брата въ гости.

— Брате,—каже,—ридный! хочъ я й не буду йисты й пыты, а тилькы надывлюсь на твое щастя та побажаю тоби ище билшого.

А багатый братъ якъ закрычыть на його:

— Мени не треба такыхъ волоцюгъ, якъ ты, убирайся къ чорту!

— Дарма, я пиду й до чорта,—одказавъ убогый та й пишовъ.

Прыйшовъ до мирошныка та й пытаецця:

— А скажить, будьте ласкави, де тутъ е чорты?

— Та отутъ у кручи; плыгай—такъ и найдешъ!—одказавъ мирошныкъ.

Отъ, тоди убогый плыгнувъ у воду та й дывыцця; колы стойить хата; винъ увійшовъ у ту хату; колы тамъ никого

нема; такъ винъ и заховавсь пидъ прыпичокъ. Колы це увійшовъ у хату одынъ чортъ, дали—другый... третій... и багато йихъ насходылось та й хвалюцця:

— Отъ мы такъ надосадувалы мирошныкови: усе розрываемъ та й розрываемъ йому греблю, а йійи поправыть не трудно: тилькы треба назламувать дубцивъ зъ усякого дерева та й замостыть: тоди вже нишо не розирве греблй...

И довго ще такъ воны хвалылысь, а дали й поросходылысь. Отъ тоди убогый братъ вылизъ съ пидъ прыпичка, выйшовъ съ хаты та й выпливъ знову на верхъ. Потимъ прыйшовъ до мирошныка та й каже:

— У васъ тутъ усе греблю розрыва щось, чы що?

— Та еге-жъ,—одказавъ мирошныкъ.

— А я знаю, чымъ йійи поправыть.

— Ни, мы вже шо не робылы, такъ усе розрыва.

— А я якъ поправлю, такъ уже цила буде.

— То вы тилькы скажить, якъ поправыть, такъ вамъ панъ за це багато грошей дасть.

Отъ бидный братъ и сказавъ. Греблю поправылы и вже йійи нихто и не розирве.

Панъ за це давъ бидному братови цилый визъ червинцивъ. Якъ прыйихавъ той додому, то й пославъ свого маленького хлопця до багатого брата по кружку, шобъ мирыты гроши, бо своейи у йихъ не було.

— Шо воны будуть мирыть? – спытавъ багатый братъ у хлопця.

— Та я не знаю!—одказавъ хлопець.

Отъ тоди багатый братъ вымазавъ усередыни кружку медомъ, шобъ прыстало те, шо мирытымуть, та й оддавъ хлопцеви. Убогый братъ помирывъ червинци та й оддавъ кружку назадъ багатому. Той глянувъ у кружку, колы-жъ

тамъ прыставъ одынъ червинець. Винъ такъ и сплеснувъ руками:

— Теперъ уже братъ багатшый одъ мене!

Та й пишовъ до його.

— Де ты стилкы грошей набравъ?

Той росказавъ багатому усе, якъ було. Отъ, тоди багатый братъ пишовъ до кручи та й плыгнувъ у воду. Колы й побачывъ хату, якъ казавъ бидный братъ. Отъ тоди увійшовъ у йийи и сховався пидъ прыпичкомъ. Колы це посходылысь чорты та й балакають:

— Теперъ уже не можна розирвать гребли намъ: замощено дубцямы зъ усякого дерева; та хто-жъ воно довидався про це? Може тутъ у насъ хто слуха, шо мы росказуемъ? А ну пошукаемъ!

У багатого брата и пишовъ морозъ по за спыною. А чорты дуже чують духомъ, такъ скоро й найшлы багатого.

— Ага, такъ оце ты тутъ пидслухавъ!

И розирвалы його на шматкы.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

165. ИВАШКО—ВЕДМЕЖЕ ВУШКО.

Якъ ото колысь бабы зибралысь у лисъ по опенькы. Ходылы-ходылы, колы одна баба, Кулына, та й упала у ведмидячый барлигъ. Прыйшовъ ведмидь и не розирвавъ йийи, а ставъ изъ нею жыты. Тамъ и жыла вона ажъ тры годы. Отъ, у ейи родывся сынъ. Вона його прозвала Ивашко—Ведмеже вушко,—у його та булы ведмидячи уши.

Отъ, той Ивашко росте та й росте та такъ швыдко. Вырисъ здоровый хлопець та й пишовъ свитъ за очыма. Иде та й иде. Колы стойить Дубовыкъ и пытае його:

— Куды ты йдешъ?

А винъ каже:

— Свитъ за очыма.

— Ну, й я съ тобою пиду.

— Ну, йды!

Пишлы воны вдвюхъ. Идуть,—колы такый чоловикъ исъ такымы довгымы усамы, шо ными винъ ловывъ рыбу, и пытае йихъ:

— Куды йдете?

А воны кажуть:

— Свитъ за очыма.

А винъ и каже.

— Пиду й я зъ вамы!

— Ну и йды!

Отъ воны пишлы втрьохъ. Идуть та й идуть колы убачылы хатку на курячыхъ нижкахъ. Воны тоди пишлы у ту хату, колы тамъ сыдыть такый дидъ старый, у його борода у аршынъ; винъ сыдыть у ступи, зализнымъ товкачемъ поганяе, а митлою слидъ замитае. Винъ на йихъ якъ закрычыть:

— Чого вы прыйшлы, чы быцця, чы мырыцця?

Воны кажуть:

— Давай быцця!

Отъ выйшовъ Дубовыкъ, дидъ той якъ ухвате того Дубовыка, такъ його и вбывъ та ще й голову на килокъ настромывъ.

Тоди выходе той чоловикъ, що зъ довгымы усамы, быцця, а той дидъ його якъ ухвате, такъ його и вбывъ та ще й голову його на килокъ настромывъ. Тоди на прыпослидку выходе быцця той Иванъ. Отъ той Иванъ якъ ухватыцця съ тымъ дидомъ,—той дидъ ажъ захрыпивъ и каже:

— Колы ты поборовъ мене, то я тоби дарую усе мое добро и мою дочку беры соби замижъ; и якъ буде тоби чого треба, то на тоби оце яйце и скажы: яечку, одчынысь и выпады, то що тоби треба, те воно й выпаде.

— И той чоловикъ, що зъ ведмежымы ушыма, узявъ те яйце, оженывсь съ тією дивкою, а той дидъ скоро умеръ, а воны осталысь одни, жывуть та пожываютъ та добра нажываютъ.

(Записано въ с. Нижней Сыроватке Сумскаго у. Харьковской губ. отъ хлопця въ 1885 г.)

Сравн. Чубинскій, «Труды», т. I., стр. 212—216.—«Малор. преданія,» стр. 255. № 1. Манжура, «Сказки», стр. 43. Киріякъ-Кобылячій сынъ, Вернидубъ, Вернигора та Прутывусъ.

---

166. ХЛИВОРОБЪ.

Жывъ соби такый багатый панъ, що мигъ-бы закупыты селъ зъ десятокъ, и въ того пана та було багато земли; тилькы де винъ уже не шукавъ, не мигъ найты такого чоловика, щобъ добре знавъ хлиборобське дило. Колы це разъ прыходыть до його чоловикъ та й каже:

— Я добре вмію хлибъ робыть и служыть буду вирно; прыймить мене, пане!

Панъ прыйнявъ. Служыть той чоловикъ уже пъять годъ, и хлибъ пры йому такый родыть, що, здаецця, кращого уже й не бува. На пъятый рикъ хлиборобъ и каже панови:

— Прослужывъ уже я вамъ, пане, чымаленько, теперъ и росчытайте: пиду въ свою дорогу!

А панови не хотилось утратыты такого чоловика. Помиркувавъ соби, а дали й каже:

— А що-жъ тоби, чоловиче, дать за службу?

— Та дайте, пане, мени оцього билого коня.

Панъ згодывсь. А той кинь та бувъ такый, що на війни якъ почне скакать межы непрыятелемъ, такъ такъ усього й перетопче; а його ніяка ни куля, ни шабля не бере; тилькы про це нихто не знавъ, окримъ хлибороба. Чоловикъ-хлиборобъ узявъ тоди коня, подякувавъ панови та й поййхавъ. Ййде та й ййде та зайихавъ у такый густый та темный лисъ, що й Господы! Дывыцця, ажъ стоййть маненька хата.. Хлиборобъ увійшовъ у ту хатку, ажъ тамъ сыдыть така стара та жовта баба; винъ запытавъ йійи, куды це винъ зайихавъ. А баба похытала головою та й каже:

— Несчасный ты, що сюды зайихавъ: тутъ що-ночи злитаюцця видьмы, все хочуть звесты мене съ свиту.

— Та вже-жъ що Богъ дасть те й буде! видказавъ чоловикъ и зоставсь у тій хати.

Баба дала йому повечерять та й каже:

— Поможы мени, чоловиче добрый: переночуй у цій хати хочъ тры ночи, а я за це дамъ тоби велыку плату: я навчу тебе, якъ и оборонятысь.

— То й навчить, а я вже й переночую,—згодывсь хлиборобъ.

Баба каже:

— На тоби оцей хрестъ, иды въ ту хату, обчеркны кругомъ себе оцымъ хрестомъ, тоди визьмы хрестъ у рукы та й сыды, а якъназлитаюцця видьмы, то ты не бійсь.

Хлиборобъ узявъ хрестъ, пишовъ у другу хату, зробывъ такъ, якъ казала баба, та й сыдыть. Колы це якъ загуде щось коло хаты, колы и влетила видьма у хату, дали друга, третя... та багато такыхъ назбиралось, що не помистяцця и въ хати; танцюють, крычять, у долони выбывають, кругомъ хлибороба бигають, та ніякъ не можуть перейты черезъ кружокъ; оце рожженецця видьма, добижыть до кружка, та такъ назадъ и одскоче; що вже не робылы,—ничого не вдіють.

Колы пивень на хати у бабы: «ку-ку-ри-ку!» Видьмы такъ и шелеснулы у викна, ажъ хата затрусылась. Хлиборобъ перехрестывсь и пишовъ у хату до бабы. Та, якъ побачыла його, такъ и зрадила:

— Ты щаслывый, чоловиче, ты ще не багато нагришывъ, и видьмы тебе бояцця.

— Та я-жъ чесно робывъ дома хлибъ, а дали тежъ чесно служывъ у пана, а може й нагришывъ, то нехай Богъ простыть!

Оттакъ переночувавъ хлиборобъ ще дви ночи. Якъ переночувавъ третю ничъ, баба каже:

— Спасыби тоби, чоловиче добрый, що ты вызволывъ мене зъ велыкойи биды, бо мени трудныше сыдиты: я бильшъ нагришыла; на-жъ тоби за це оцей мечъ-самобіецъ: якъ трапыцця тоби воюваты, то ты тилькы скажы: «мечъ-самобіецъ, берысь!» то винъ тоби перебъе усе військо. Ище я тоби даю пораду: якъ оженысся, то ничого велыкого не вирь жинци до семы годъ и семы тыжднивъ.

Хлиборобъ уклонывся баби, подякувавъ та й пойихавъ. Прыйихавъ у той городъ, де жыве царь, колы тамъ тривога: наступае велыкый ворогъ на городъ, уже побывъ усе царьске військо и скоро визьме й городъ. Хлиборобъ и каже:

— А ну, поведить мене до царя!

Ти й повелы.

— Чого тоби треба?—запытавъ царь.

— Та кажуть, що на городъ наступае велыкый ворогъ!

— Эге-жъ.

— Я вамъ, якъ Богъ поможе, побъю його; тилькы що-жъ вы мени дасте за це?

— Половыну царства дамъ.

— Ни, мени не треба царства, а оддайте за мене свою дочку, я йийи люблю!

Царь поклыкавъ свою дочку и запытавъ іи, чы вона-жъ справди любыть хлибороба.

— Таточку-голубчыку! виддайте мене за його; я його люблю, виддайте—я за васъ Бога благатыму!

Царь згодывсь. Отъ тоди хлиборобъ и каже:

— Дайте-жъ коневи тры миркы вивса, а мени видро вына.

Царь дававъ усього, що тилькы хлиборобъ запрошувавъ. Отъ тоди винъ сивъ на коня й пойихавъ. Выйихавъ за городъ, колы-жъ дывыцця: стойить війська така сыла, що й лику нема. Хлиборобъ якъ крыкнувъ:

— Мечъ-самобіецъ! берысь!

Мечъ самобіецъ якъ полетыть по надъ головамы та й валыть одну за одною. А кинь якъ скаконе помижъ військомъ, такъ и бъе копытамы. Оттакъ усе військо й перебылы. Хлиборобъ вернувсь назадъ у городъ. Царь щыро подякувавъ йому. А ворогъ такы не хотивъ покынуты свое дило; винъ зибравъ упъять війська ще бильшъ. Упъять зробылась тривога Хлиборобъ пойихавъ бытысь упъять. Винъ побывъ ворога и вернувсь назадъ. Други цари позавыдувалы своему цареви, зибралы свойи війська умисце и пишлы війною. Царь боявсь: винъ думавъ, що сійи сылы хлиборобъ уже не побъе Та хлиборобъ побывъ и се військо. Тоди вернувсь у городъ и оженывсь исъ царською дочкою. Щыро винъ любывъ свою жинку, любыла й його жинка. Промынуло тры рокы. Жинка стала пытать у хлибороба, чымъ винъ такъ бъе ворога. Хлиборобъ не втерпивъ и сказавъ. А ворогъ такы не кыдавъ свого, винъ ставъ выпытувать та пидкупаты хлиборобову жинку, щобъ вона сказала, у чому йійи чоловикъ мае сылу. Та поласувала на велыки гроши и вкрала мечъ-самобіецъ и виддала ворогови, а чоловикови пидложыла другый, а коня не змогла вкрасты: хлиборобъ беригъ його якъ

ока и спавъ зъ нымъ укупи. То той ворогъ и роспочавъ війну упъять. Хлиборобъ сивъ на коня взявъ мечъ и пойихавъ супроты ворога. Якъ прйихавъ туды, такъ и крыкнувъ:

— Мечъ-самобіець, берысь!

Не берецця.

— Мечъ-самобіець, берысь!

Не берецця Хлиборобъ здывувався; колы якъ роздывывся на його, то дизнавсь, що це вже другый; винъ догадавсь, це мечъ-самобіець дився и заплакавъ. Та робыть було ничого, мечъ-самобіець чесавъ уже його військо; ось винъ прылетивъ и до хлибороба; зъ одного разу винъ зризавъ йому голову. Кинь тоди дуже росердывсь, що вбылы його хазяйина, и пишовъ лютувать; винъ перебывъ усе військо, тоди прыйшовъ до трупу хлиборобового та й стойить. Царь той трупъ перевизъ у городъ и хотивъ ховать; колы прыходе така стара баба зъ иконкою та й каже:

— Пустить мене до хлиборобового трупу.

Йийи пустылы. Баба взяла, умочыла икону въ воду; тоди тією водою облыла трупъ хлиборобивъ Хлиборобъ ожывъ. Баба йому й каже:

— Бачъ, ты не послухавъ мене: сказавъ велыку тайнисьть жинци та трохы й не згынувъ навикы. На-жъ тоби знову мечъ, я його знайшла, тилькы бильшъ не кажы велыкойи тайносты жинци до семы годъ и семы недиль, а то згынешъ!

Хлиборобъ оженывсь изъ другою жинкою й жывуть у двохъ соби. Жывуть не горюють, хлиба не купують. Оттака то казка!

(С. Нижняя Сыроватка Харьк. губ. Сумскаго у. отъ парубка. Записано грамотнымъ много читавшимъ крестьяниномъ по памяти.)

167. ЧОЛОВИКЪ БОЛТАНСЬКЫЙ, БАГАТЫРЬ БУСУРМАНСЬКЫЙ.

Жывъ, бувъ соби мужычокъ убогый; найнявъ винъ соби, значыцця, выорать чвертку на паръ. Отъ прыйшлось йому жыто сіять, а наймыты й кажуть: той—дай пъять карбованцивъ, а другый—четвертыну горилкы купы. Мужычокъ подумавъ соби, подумавъ: «що-жъ, каже, я пъять карбованцивъ дамъ, або четвертыну куплю... ни, дорого буде,»—та й пишовъ соби на ярмарокъ и купывъ коня, давъ за нього тры злоты и десять шагивъ. Отъ винъ теперъ купывъ соби, значыцця, ту коняку, зробывъ рало й пишовъ ралыть самъ,—а чвертка його пидъ лисомъ була. Ну, отъ винъ теперъ ставъ ралыть, а на коня насидало комаривъ и оводивъ, за бокы його ти оводы й комари кусають и ралыть не дають; отъ мужычокъ вкрывъ коня рядныною, а витеръ схопывся и рядныну скынувъ. Мужычокъ ухопывъ ту рядныну, махнувъ по коню и убывъ 30 оводивъ, а комаривъ и щоту нема Ставъ винъ тоди, дывыцця та й думае: «чого я буду поневиряцця? я теперъ такый багатырь, що за однымъ махомъ 30 багатыривъ побываxомъ, а дрибнойи сылы й щоту нема.» Отъ винъ соби и надумався: «пойиду я по свитахъ, бо дома въ запичку сыдить та цвиркунивъ слухать надокучыло.» Заклавъ винъ сокыру за поясъ, накынувъ на свою коняку рядныну, сивъ и пойихавъ.

Отъ винъ и йиде соби, та й йиде и прыйиздыть на перехресну дорогу, а тамъ стовпъ стойить. Мужычокъ подумавъ, подумавъ, а дали злизъ съ коня, пидійшовъ до стовпа и нанысавъ таблычку, (а винъ бувъ чоловикъ грамотный), напысавъ, значыцця, «що пройиздывъ чоловикъ болтансьскый, багатыръ басурманськый—за однымъ махомъ 30 багатыривъ побываxомъ, а дрибнойи сылы й щоту нема»,—та й пойихавъ дали.

Отъ бижыть Бова-Королевычъ,—наскочывъ на той стовпъ, дывыцця та й думае: «що це таке?—пройиздывъ чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый, що за однымъ махомъ 30 багатырывъ побывахомъ, а дрибнойи сылы и щоту нема. Проты насъ трьохъ нема въ свити дужчого, а це дужчый найшовся.» Ну й давай винъ по тій дорози гнацця. Гнався винъ, гнався, дывыцця: йиде якыйсь мужычокъ на такій коняци, що тилько шкура тилипаецця та костя гнецця. Бова-Королевычъ и каже: «здрастуй, мужычокъ!» А той каже: «здоровъ!»,—«Чы не ты,—пытае,—чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, що за однымъ махомъ 30 багатырывъ побывахомъ, а дрибнойи сылы й щоту нема?» А мужычокъ каже: «я».—«Ну, выбачай, що мужычкомъ нazвавъ.»—«А ты хто?»—пытае мужычокъ.—«Бова-Королевычъ.»—«Ну, ставай рядомъ—пойидемо.»

Отъ теперъ бижыть Ярусланъ Лазоровычъ; подывывся на той стовпъ та й каже: «що це таке: проты насъ двохъ нема дужчого, а цей дужчый выходыть, бо винъ за однымъ махомъ 30 багатырывъ побывахомъ, а дрибнойи сылы й щоту нема?» Отъ винъ прочытавъ ту таблычку та й давай гнацця, потимъ доганяе: «здрастуй,—каже,—Бова-Королевычъ! чого ты зъ мужыкомъ йидешъ?» А той каже: «мовчы!» Ну винъ догадався та й пытае мужычка: «чы не вы,—каже,—чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, що за однымъ махомъ 30 багатырывъ побывахомъ, а дрибнойи сылы и щоту нема?» А той каже: «я».—«Ну, выбачайте, що мужыкомъ нazвавъ.»—«А ты хто?» пытае мужычокъ.—«Я Ярусланъ Лазоровычъ.»—«Ну, ставай упоручъ—пойидемо!» Та й пойихалы.

Теперъ бижыть Илля Муромець та й чытае на стовпи: «Господы,—каже,—проты мене нема дужчого, а цей дужчый буде, бо за однымъ махомъ 30 багатырывъ побывахомъ, а

дрибнойи сылы и щоту нема!» Ну й давай гнацця та й доганяе багатыривъ. «Чого вы,—пытае,—зъ мужычкомъ йидете!» А ти кажуть: «цыть, мовчы!» Отъ винъ и догадався та й пытае мужычка: «чы не вы чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, що за однымъ махомъ 30 багатыривъ побываномъ, а дрибнойи сылы и щоту нема?»

А той каже: «я».—«Ну, выбачайте, що мужычкомъ назвавъ.»—«А ты хто?» пытае мужычокъ. «Я Илля Муромець, дужчый видъ успхъ багатыривъ на свити.»—«Ну ставай въ середыну!»—И пойихалы.

Теперъ тры багатыри радяцця, щобъ йихать у дыки степы, тамъ царивна така е, що хто до нейи дойиде, за того вона й замижъ пиде. Отъ вони йихалы та й йихалы и прыйиздять у ти дыки степы, роблють тры курини и выкыдають тры хлакы. Мужычокъ съ коня ряденце знявъ, коня въ степъ выгнавъ на пашу, а самъ ряденцемъ укрывся та й лигъ соби, спыть.

Отъ царивна глянула въ пидзорну трубу, дывыцця та й каже до свойихъ князивъ: «на мойи степы выйихалы тры багатыри, выкынулы тры хлакы; вырядить,—каже,—мойи люби князи 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнойи сылы, щобъ и щоту не було, та нехай воны побъють цихъ багатыривъ и мени голова йихъ на показъ прывезуть.» Князи заразъ військо збодувалы и у степъ послалы.

Отъ Бова-Королевычъ глянувъ у пидзорну трубу та й каже до свого товарыства: «що будемо робыть: выходыть проты насъ 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема?» Товарыши й кажуть: «спытаймо мужычка.» Прыходыть Бова-Королевычъ до мужычка и каже: «чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, давайте намъ раду: йиде на насъ 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема,—що теперъ намъ робыть?» А мужычокъ и каже: «ты,

—каже,—славный багатыръ Бова-Королевычъ, сядь на свого коня, та й пойидь йимъ на зустричъ; ты 6 багатыривъ, якъ шисть оводивъ побъешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче.» Бова-Королевычъ сивъ на свого коня, пойихавъ и давай быцця: 6 багатыривъ и 6 звиривъ порубавъ, а дрибну сылу конемъ вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ. Отъ тоди царивна выпускае на ихъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема

Ярусланъ Лазоровычъ глянувъ у пидзорну трубу та й каже до товарыства: «а що будемо робыть: выступа проты насъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, дрибнойи сылы — щоту нема?» Товарыши й кажуть: «иды спытай мужычка!» Прыйшовъ Ярусланъ Лазоровычъ до мужычка та й каже: «чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, давайте намъ раду: выступа проты насъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, дрибнойи сылы—щоту нема,—що намъ робыть?» А мужычокъ и каже: «ты славный багатыръ Ярусланъ Лазоровычъ 9 багатыривъ, якъ 9 оводивъ, побъешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче: выходь йимъ на зустричъ.» Ярусланъ Лазоровычъ коня осидлавъ, сивъ та й пойихавъ. Ну, отъ давай винъ съ тымы багатырямы быцця, давай быцця: 9 багатыривъ и 9 звиривъ побывъ, а дрибну сылу його кинь вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ. Тоди царивна вырядыла проты йихъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема.

Отъ Илля Муромець раненько вставъ, у пидзорну трубу глянувъ та й каже до товарыства: «а що будемо робыть: выступа проты насъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, дрибнойи сылы—щоту нема?» Товарыши й кажуть: «иды спытай мужычка.» Прыйшовъ Илля Муромець до мужычка и пытае: «чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, давайте намъ

раду: выступа проты насъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, дрибнойи сылы—щоту нема,—що намъ робыть?» Мужычокъ и каже: «ты славный багатыръ Илля Муромець, сядь на свого коня и пойидь йимъ на зустричъ: ты 12 багатыривъ, якъ 12 оводивъ побъешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче.» Илля Муромець осидлавъ коня, сивъ и пойихавъ. Ну, давай винъ съ тымы багатырямы быцця, давай быцця: 12 багатыривъ и 12 звиривъ побывъ, а дрибну сылу його кинь вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ.

Отъ царивна бачыть, що не перелывкы, клыче до себе свойихъ князивъ та й каже: «що будемо робыть: ци тры багатыри побылы всихъ нашыхъ багатыривъ, всихъ звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема.» А князи й кажуть: «выпустымъ ще на йихъ дванадцяты-главного змія, що сыдыть закованный на 12 цепахъ; якъ той зъ нымы не вправыцця, то тоди мусымо йихъ до себе за гостей прыймать.» Такъ воны порадылысь та й спустылы съ ценивъ дванадцяты-главного змія. Змія той летыть, ажъ земля двыгтыть, звирря въ лисъ ховаецця, а дрибне птаство за море втикае.

Отъ Илля Муромець раненько ставъ, у пидзорну трубу глянувъ, та й каже до товарыства: «погано, панове товарыство, на насъ дванадцяты-главный змій летыть, пидъ нымъ земля двыгтыть, звирря въ лисъ ховаецця, а дрибне птаство за море втикае»—«Що-жъ,—кажуть товарыши,—ходимъ до мужычка.» Отъ прыйшлы до його та й кажуть: «чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый, мы свое одбулы, а теперъ ваша черга прыйшла: летыть на насъ дванадцяты-главный змій,—идить теперъ справлятысь зъ нымъ.»

Чоловичокъ ставъ та й думае: «ну, кинець моему лыцарству! Пойиздывъ я трохы по свиту, побачывъ людей, теперъ прыходыцця жывцемъ змієви виддатысь, бо тутъ не

выкрутышся.» Отъ винъ уставъ, рядныною свого коня вкрывъ, сокырку за поясъ заткнувъ, сивъ и йиде. Багатыри й кажуть йому: «визьмить у котрого зъ насъ коня, бо вашъ ледви дыше, ще й до змія не довезе.» А винъ каже: «не треба: ваши кони мене не выдержять, а цей выдерже.» Та за обротьку смыкнувъ и пошкандыбавъ. Ото пидйиздыть винъ до того змія. Змій на нього летыть, ажъ земля двыгтыть, звирря въ лисъ ховаецця, а дрибне птаство за море втикае. Мужычокъ соби и гадкы не мае, за обротьку смыкае коня, а кинь потыхеньку шкандыбае. Глянувъ змій на цього лыцаря, та й ставъ и стойить: «що це таке,—каже змій,—посмишка зъ мене?» А мужычокъ каже: «эге!» Та съ коня скочывъ, сокыру зза пояса вытягъ и махнувъ змія по голови, такъ одна голова и покотылась, потимъ по другій и друга спала. Тоди тры багатыри бачуть, що змія чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый побывае и у ныхъ славу одіймае, силы на кони и вдарылысь на того змія зъ двохъ бокивъ, а третій за хвоста схопывъ,—побылы його, порубалы, на огни спалылы и попилъ по витру пустылы.

«Теперъ,—каже мужычокъ,—можна намъ и до царивны йихать сватать ысь; погано тилько, що вы завыслыви багатыри: я змія хотивъ сокырою порубать, а вы не далы; нащо вы не въ свою чергу въ дыке поле выступалы?» Та й гримнувъ на йихъ. Отъ тоди Илля Муромець, якъ найстаршый, и каже: «выбачайте, нашъ славный чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый, вы надъ намы теперъ старшына: хочте идить съ царивною винчацця и царство соби забирайте, а хочте пойидемо ще по свитахъ свою сылу показувать.» А чоловикъ болтанськый и каже: «спасыби за честь! тилько царивни я не женыхъ, бо вы мене мужыкомъ звалы, а по свитахъ свою сылу показувать, людей дывувать та людськый спокій бентежыть, тежъ не прыходыцця. А вы, якъ славни багатыри,

маете убрання багате и коней дорогыхъ, выйиздить до царивны свататься, а я позаду пошкандыбаю.»

Отъ багатыри одяглысь у свое найкраще убрання и пойихалы впередъ, а мужычокъ коня напойивъ, рядныною його вкрывъ, сивъ на нього, смыкнувъ за обротьку и пойихавъ за ными.

Царивна бачыть, що всихъ багатыривъ йийи побылы, дванадцяты-главного змія на попилъ спалылы, та й думае: «ничого робыть—треба дорогыхъ гостей стричать.» Отъ вона поклыкала свойихъ князивъ та й каже: «очыняйте ворота, розстылайте рядна до мого палацу та багатыривъ хлибомъ-силлю витайте.» Отъ, очынылы ворота, съ хлибомъ-силлю багатырямъ вклонылысь, а царивна на кганокъ выйшла и двери йимъ у свій палацъ очынила; багатыривъ вона витае и за стилъ садовыть, дорогымъ выномъ-медомъ напувае. А чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, пидйихавъ до палацу, конячку биля кганку прывъязавъ, рядныну зъ нейи знявъ и пидъ палацомъ йийи пославъ та й лигъ соби и люлечку курыть.

Отъ багатыри пъють-гуляють и кожный зъ ныхъ на царивну поглядае, та й думають: «кого то вона зъ насъ трьохъ уподоба?» Царивна бачыть, що вси багатыри одынъ одного кращи, одынъ одного мылищи и сама не знае съ кымъ йій шлюбъ браты. Пъють воны, значыцця, гуляють, а до дила не доходять. Царивна тоди й каже: «хто зъ васъ, славни багатыри, мого дванадцяты-главного змія побывъ, нехай той зо мною чарку вына выпъе.» Багатыри глянулы одынъ на одного: тыць-мыць, а того багатыря, що дванадцяты-главного змія вбывъ и нема. Воны тоди, ничого робыты, и кажуть: «е ще зъ намы чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, що за однымъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнойи сылы и щоту нема; винъ теперъ пидъ палацомъ

лежыть и люлечку курыть,—нехай сюды прыйде; та тилько винъ хымерный чоловикъ: у простій одежи ходыть, на здохлятыни йиздыть, а якъ спыть, то рядныною вкрываеця.» Царивна й каже: «якъ такъ, то й такъ: хай мойи князи його якъ слидъ одягнуть и до столу прыведуть.» Заразъ вона роспорядокъ учыныла; князи чоловика болтанського, якъ славного багатыря, одяглы и за стилъ посадылы.

Ну, отъ царивна налыва всимъ по чарци та й каже: «хто зъ васъ, славни багатыри, мого дванадцаты-главного змія побывъ, нехай той зо мною чарку вына выпъе.» А мужычокъ не злякався, руку простягъ, чарку пиднявъ, та й каже: «я.» Отъ тоди царивна зъ нымъ повинчалась и його царюваты въ своему царстви поставыла.

Я въ нього бувъ, горилку зъ нымъ пывъ, а це до васъ прыйшовъ и цю казочку росказавъ,—може й вы по чарци на стилъ поставыте.

(Отъ крестьянина Вакулы Сидляренка, лѣтъ 75, въ с. Жиляне Кіевскаго уѣзда записалъ въ 1891 г. Ѳ. Ус—ко.—Сообщилъ В. Т. Андріевскій.)

168. ТРЫ ДЕНЕЖКЫ.

Якъ жывъ соби на свити одынъ хлопець сырота та й пишовъ винъ наймацця у наймы. Иде винъ та й иде, колы чоловикъ и пытае його:

— Куды ты, малый, идешъ?

А винъ каже:

— Наймацця.

— Наймысь у мене! Я тебе буду гарно годувать и зодягать ище й денежку дамъ.

— Добре, каже хлопець и нанявся до того чоловика. Служывъ йому цилый годъ и годывъ йому гарно такъ, шо той чоловикъ його и не лаявъ. Прослужывшы цилый

рикъ тому чоловикови и пры конци року якъ зачавъ винъ одходыть видъ його, давъ денежку той чоловикъ хлопцеви. Отъ той хлопець иде соби дорогою одъ того чоловика и зостричае крыныцю у земли выкопана.

— А ну,—каже,—чы вирно прослужывъ годъ? Якъ вирно, такъ денежка оця не потоне, а якъ не вирно, такъ потоне.

Упустывъ винъ денежку у крыныцю, а вона й потонула.

— Не вирно,—каже,—я прослужывъ годъ. Пиду упъять наймацця до другого чоловика.

Ото пишовъ, найшовъ ище такого чоловика, що наймыта йому треба було, нанявсь у його и служывъ йому уже такъ славно, що хазяйинъ його ни разу и не замитывъ у худому дили. А якъ кинчывсь рикъ, такъ той чоловикъ давъ йому денежку. Той хлопець узявъ денежку та й зновъ до тіейи крыныци та й каже:

— А ну, чы вирно прослужывъ цей годъ?

Укынувъ денежку у крыныцю, а вона й потонула.

— Не вирно прослужывъ годъ,—каже той хлопець,— пиду упъять наймацця: що буде, те й буде!

Нанявся винъ упъять до чоловика и такъ уже вирно служывъ, такъ вирно тому чоловикови годывъ, що чоловикъ нымъ и не схвалыцця. Пройшовъ рикъ, той чоловикъ дае йому денежку ище й свыту. Той хлопець узявъ ту денежку и зновъ прыходыть до тіейи крыныци:

— А ну третій годъ чы вирно прослужывъ?

Укынувъ ту денежку у крыныцю, колы та денежка потонула и вырнула съ тымы двома, що винъ уперёдъ укынувъ у крыныцю. Отъ винъ узявъ ти тры денежкы и пишовъ соби додому. Иде, колы зостричае винъ чоловика, у мишку несе кота вбывать.

— Шо ты,—каже,—несешъ, кота? продай мени його!

— Купы!

— А скилькы тоби за його?

— Та давай денежку!

Отъ той хлопець давъ тому чоловикови денежку, а соби взявъ кота та й понисъ додому. Иде та й иде, колы чоловикъ веде собаку вбывать.

— Продай,—каже,—собаку, чоловиче!

— Купы!

— А скилькы тоби за ейи?

— Та давай денежку!

Отъ той хлопець виддавъ тому чоловикови денежку, а соби взявъ собаку та й иде додому. Колы винъ иде та й иде, ажъ дывыцця народу стойить дуже багацько и чогось дуже крычать. Прыходыть той хлопець туды, ажъ то люды бъють гадюку, а вона бидна уже й не полизе. Той хлопець пожаливъ тую гадюку и каже:

— Не быйте йийи, я вамъ дамъ за ейи денежку.

Ти люды зохотылыся и оддалы йому за денежку ту гадюку. Той хлопець узявъ ту гадюку, завернувъ ейи въ платокъ и понисъ йийи додому. Кота винъ пустывъ у хату, собаку впустывъ у хливець, а гадюку винъ пустывъ на пичъ.

Хлопець той мабуть рокивъ изъ тры жывъ ще дома и вырисъ здоровый и ставъ свое поле держать и орать. Ото було пойиде винъ соби у поле робыть, прыйизжае додому, а дома у печи стравы понаварювано и хлибъ напеченый на лави лежыть, а никого такого не було ридного, щобъ за його домомъ прыглядавъ. Отъ винъ думавъ, думавъ: хтожъ це його домъ прыглядае?...—А ну,—каже,—давай пидстережу я його. Отъ винъ заховавсь десь и пидзырае, хто буде хазяйнувать. Дывыцця, колы якась дивчына гарна-гарна выйшла изъ хаты одтыкать верхъ, щобъ топыть у печи. Той хлопець заразъ вынувсь у хату та заразъ надивъ на шыю тій дивци хрестъ,

отъ та дивка перестала буть гадюкою, а стала дивкою гарною-гарною. И зачала тому хлопцеви дивка росказувать про себе:

— Я, — каже, — була царивною, бувъ у мене батько, була въ мене маты, я гарно у йихъ жила и кохалася. Колы прыйиэжае до мене одынъ парубокъ, князивъ сынъ, сватать мене. Я за його не пишла; такъ винъ мене проклявъ на пъять рокивъ, щобъ я була гадюкою. А якъ ты оце на мене надивъ хрестъ, такъ зъ мене проклятія изійшло, и я стала теперъ дивкою.

Отъ той парубокъ узявъ ту дивку замижъ и теперъ жывуть щаслыво. Китъ мышей ловыты ходыть у клуню, а собака йихъ хазяйство уночи береже одъ лыхого чоловика та одъ вовкивъ.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. въ 1885 г. отъ хлопця.)

---

169. ЯКЪ БОГЪ ДАСТЬ, ТО И ВЪ ВИКНО ПОДАСТЬ.

Тры брата бидни та пишлы шукать грошей. Ото воны пишлы та выйшлы на гору. А одынъ братъ каже:

— Давайте вернимось: якъ Богъ дасть, такъ и въ викно подасть.

А воны кажуть:

— Чы подасть, чы ни, а то найдемъ та й будуть тоди гроши, а тоби нехай подасть Богъ у викно.

Тоди воны пишлы шукаты грошей, а цей братъ вернувся та пишовъ до церквы до вечирни. Та якъ прыйшовъ додому та лигъ спать. А ти браты ходылы, ходылы и не найшлы ничого та й пишлы додому. Колы дывляцця, лежыть собака дохла. Воны взялы собаку та й кажуть:

— Давай мы йийи вкынемъ у викно йому.

Отъ тоди понеслы ту собаку та и вкынулы въ викно тому братови, шо не пишовъ изъ йимы, та тоди и пишлы

додому. А той братъ уставъ, дывыцця, колы собака лежыть у хати, а винъ:

— Тю!

Вона не бижыть. Винъ узявъ кочергу та якъ ударе, а вона розсыпалась на гроши. Винъ тоди помолывсь Богу та заховавъ гроши та тоди пожыва соби.

А браты дывляцця, що братъ багатіе, та тоди пытають:

— Де ты взявъ грошей?

Винъ усе не прызнаецця. Та тоди каже:

— Мени Богъ подавъ у викно.

Воны все не вирылы. Винъ тоди сказавъ:

— Мени хтось собаку въ викно вкынувъ, а я вдарывъ йійи кочергою, а вона розсыпалась на гроши. Отъ вамъ и подавъ Богъ у викно.

(Записано въ с. Алексѣевкѣ (Ширманивка) Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губ. отъ хлопця.)

---

170. ДИВЧЫНА У РОЗБІЙНЫКИВЪ.

Жывъ соби купець багатый и була у його дочка. Ото купець пойихавъ за гряныцю краму купуваты, а жинка й дочка дома зосталыся. Жинка умерла, дочка осталась. Отъ разъ дочка пишла на вечорныци, колы вернулась вона додому, дывыцця,—колы свитыцця у хати. Глянула у викно, ажъ тамъ розбойныкы. Вона пишла у слободу, объявыла у полыцію. Полыцевськи пишлы до нейи додому,—колы розбойныкивъ не було вже у хати.

Розбойныкы забулы нижъ у хати. Полыція пишла, а дивка позамыкалась и лягла спать. Колы слуха,—лизе одынъ у викно. Вона стала коло викна. Тилкы одынъ розбойныкъ голову у викно,—вона йому одрубала голову. Тоди другый лизе,—вона й тому. И такъ вона поодрубувала усимъ оды-

надцятьомъ головы, а одынъ остався. Той тилкы хотивъ лизты,—вона йому вухо праве одрубала. Тоди винъ пишовъ и каже:

— Ну, стой! я жъ тебе піймаю!

Тоди винъ изробывся купцемъ, справывъ соби пару коней, накупывъ соби краму, почавъ торгувать, зачавъ съ тымъ купцемъ знакомыцця, зачавъ його дочку сватать, ту, шо йому ухо одрубала. Ну, батько оддавъ. Тоди винъ оженывся й пойихавъ додому. Йихавъ дорогою, а тоди повернувъ у лисъ. Дивка пытае:

— Куды ты йидешъ? Хыба тоби дорогы нема?

Пройихалы воны лисомъ пъятдесятъ верстовъ, дойихалы воны до землянкы,—выскочылы видтиля дванадцять розбойныкивъ. Взялы воны ту дивку, зъязалы и положылы пидъ землянкою, а самы сталы гулять. Гулялы, гулялы и поснулы за столомъ.

У йихъ була дивчынка нима и хлопчыкъ. Нима морга на хлопчыка, шобъ винъ розъязавъ дивку. Той хлопчыкъ розъязавъ и почалы воны тикать. Утеклы воны изъ хлопчыкомъ скилкы тамъ верстовъ.

Одынъ робойникъ прокынувся, выскочывъ изъ землянкы, колы дывыцця,—нема дивкы й хлопця. Розбойныкъ побудывъ усыхъ, посхвачувалысь уси и посидалы на коней и пойихалы доганять. Хлопчыкъ почувъ и каже дивчыни:

— Давай лизты на дуба, бо це за намы женуцця розбойныкы.

Излизлы воны на дуба, заховалысь у лысти та й сыдять тамъ. А розбойныкы бiглы прозъ той дубъ и щось тамъ помитылы, та не хотилы злазыть. Стрельнулы вгору и пидстрелылы дивци ногу. Вона вдержалася, не крыкнула. Тоди пробиглы розбойныкы,—нема ни хлопця, ни дивчыны, Розбойныкы вернулысь назадъ. Тоди хлопчыкъ и каже дивчыни:

— Давай злазыты додолу!

Воны злизлы додолу и пишлы. Выйшлы зъ лису, колы ось стойить трахтырь беля лису. Хлопчыкъ и каже дивчыни:

— Ходимъ у трахтырь!

Пишлы воны у трахтырь и просюцця, шобъ трахтырщыкъ йихъ пустывъ. Трахтырщыкъ йихъ прыйнявъ, и воны сталы у його жыть.

А розбойныкы такы не кынулы шукаты тіейи дивкы й хлопчыка. Воны поробылысь той старцемъ, той купцемъ, той плотныкомъ, и вси такъ пишлы—той туды, а той туды. Ото воны посходылысь уси ввечери. Старець и каже:

— Я найшовъ йихъ у трахтырщыка.

Тоди одынъ розбойныкъ и каже:

— Давайте я васъ позамотую у рогожкы и покладу васъ на визъ и повезу до трахтырщыка и скажу трахтырщыкови, шо «я везу казенную вещь,—пусты ночувать мене до себе.»

Ну, такъ воны й зробылы. Прыйихавъ той розбойныкъ исъ своймы товарышамы до трахтырщыка та й каже:

— Я везу казенную вещъ,—пусты ночувать мене до себе, а колы ты не пустышъ,—якъ обкрадуть, то ты выноватъ будешъ.

Трахтырщыкъ пустывъ до себе ночувать. Розбойныкъ побачывъ трахтырщыковыхъ сынивъ и каже:

— Це ваши хлопци? Хай пидуть побережуть казенную вещъ.

Тоди выйшлы ти хлопци и почалы коло возивъ крутыцця та роздывляцця та якось и доглядилысь, шо воно е. Одынъ и каже:

— Це не казенная вещъ, а це разбойныкы. Какъ бы намъ папашэ сказать?

Тоди одынъ хлопчыкъ и сказавъ батькови. Тоди трахтырщыкъ и каже на розбойныка:

— Постойте, я покы возьму свойихъ хлопцивъ,—отъ пысьмо напышу до брата въ млынъ, шобъ на завтра борошна прывизъ на вечиръ.

Тоди трахтырщыкъ напысавъ пысьмо, посадывъ хлопчыкивъ и euславъ до брата. А братъ той державъ полкъ салдативъ. Хлопчыкы прыйихалы и оддалы братови пысьмо.

Братъ подывывся и крыкнувъ на салдативъ. Салдаты почалы сидлать коней.

Тоди братъ дойихавъ исъ салдатамы до трахтырщыка и сказавъ, шобъ обвелы двиръ цепомъ. Салдаты обвелы цепомъ. Братъ тоди увійшовъ у хату до брата, а розбойныкъ и пыта у трахтырщыка:

— Хто се?

Трахтырщыкъ каже:

— Это мой братъ.

Полковныкъ и пыта у трахтырщыка:

— Хто это?

Трахтырщыкъ каже:

— Это—чоловѣкъ везетъ казенную вещъ.

Тоди полковныкъ и каже:

— Чей это ножъ и ливорвиръ?

Розбойныкъ и каже:

— Мой.

Полковныкъ якъ ухвате леворвиръ та розбойныка у груды ударывъ. Розбойныкъ упавъ. Розбойныкы повставалы ти, шо лежалы на повозци, а салдаты усихъ и порубалы.

Тоди та дивка вернулась до батька.

(Записано въ 1888 г. отъ хлопця 12 лѣтъ Григорія Чалаго изъ с. Бугайивки Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.)

Рудченко, Сказки, I, № 77.

171. ДУРНИ ЛЮДЕ.

Жывъ соби чоловикъ та жинка, (уже стареньки воны булы), а въ йихъ було двійко дитей: дочка й сынъ. Ото разъ воны сыдять у хати та й балакають:

— Якъ буде въ насъ сынъ Иванъ та злизе винъ на ступу, упаде съ ступы та й убъецця... А мы будемъ тужыть...

Та й ставъ дидъ изъ бабою тужыть на всю хату! Сынъ почувъ та й убигъ изляканшыся:

— Що тутъ таке?

Дидъ росказавъ, що таке й таке горе...

— Дурнй вы! тутъ и кышкы можно порвать, зъ васъ сміючысь!...

Узявъ та й заперъ йихъ у погрибъ.

— Якъ що найду людей дурнишыхъ одъ васъ, такъ выпущу!—сказавъ сынъ и пишовъ шукаты дурнишыхъ людей.

Отъ иде та й иде... Колы жене баба квочку съ курчатамы та такъ пирчыть йийи дубцемъ!...

— А щобъ ты здохла, а щобъ ты пропала... ни цыценькы нема, ни маленькойи нема! Навела курчатъ, а чымъ ты йихъ годуватымешъ?

Та ще дужче бъе.

— Защо вы йийи бъете?—спытався той чоловикъ.

— А якъ-же йийи не быть! Курчатъ навела, а нема ни цыцечкы, ни маненького пыптыка,—чымъ вона йихъ годуватыме?

— А у васъ е пшоно?—зновъ спытався чоловикъ.

— Есть, шынку!

— Ну, такъ дайте мени!

Отъ баба дала пшона. Чоловикъ посыпавъ його квочци; вона съ курчатамы й йисть пшоно. А баба тоди:

— А яжъ и не жнала; оце спасыби вамъ, що навчылы!

Чоловикъ и пишовъ дали. Иде та й иде.. Колы дывыцця,—сыдыть на хати дидъ безъ штанивъ; баба стойить на земли та держыть у рукахъ штаны; дидъ одставывъ ногу,—хотивъ плыгать съ хаты. Чоловикъ пидійшовъ и пытаецця:

— Що це вы, люде добри, робыте?

— Та це я до шестыдесяты годъ не надивавъ штанивъ, боявся, щобъ не задавылы, а теперъ баба пошыла, такъ не знаю, якъ надивать; такъ оце баба держыть штаны, а я злизъ на хату та й хотивъ плыгать у йихъ!—каже дидъ.

— Излазь, диду, сюды!—каже чоловикъ.

Дидъ излизъ.

— Задерай у штаны ногу!

Дидъ задравъ.

— И другу!

Дидъ и другу туды.

— Отъ и такъ!

— А, шпашыби вамъ за порадоньку!—каже баба,—а мы й не жналы.

Чоловикъ и пишовъ. Иде та й иде... Колы дывыцця,—стойить дидъ на хати та тягне бычка за налыгачъ, а баба ззаду поганя:

— Гей, гей, бычку, щобъ ты жывый бувъ, на хату травы йисты!

Чоловикъ пидійшовъ и пытае, що це воны роблять.

— Онъ на хати трава росте, такъ мы хочемъ, щобъ бычокъ йійи пойивъ; оце женемъ-женемъ, та ніякъ и не жженемъ!—каже баба.

— А я знаю!

Отъ узявъ чоловикъ косу, полизъ на хату, покосывъ траву та й оддавъ бычкови.

— Оце спасыби вамъ, а мы-жъ и не зналы!—каже баба.

Чоловикъ и вернувся додому та й думае:

— Э, ни, е дурниши люде и одъ мого батька та матери!

Узявъ та й выпустывъ йихъ.

(Записалъ М. М. Нечипоренко отъ парубка Михайла Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковск. губ. въ 1885 г.)
Чубинскій, Труды, II, стр. 504, № 9. Дурни.

172. ДУРНЫЙ ЙОСЯ.

Жывъ соби чоловикъ та жинка и въ йихъ бувъ сынокъ Йося, та дурный. Отъ той Йося росте й росте, пора його й женыть. Отъ його й пытають:

— А кого за тебе засватаемъ?

— Пыгынку (значыть—Горпынку).

Отъ воны и наладналысь до весилля якъ слидъ: наготовылы грошей, наварылы пыва и поставылы у бочци у хати, а його послалы на базарь, шобъ винъ купывъ на весилля солы, меду, мняса, бублыкивъ, сала, горшкивъ, пшона. Отъ той Йося накупывъ усячыны и несе додому. Иде винъ льодомъ, колы лидъ репнувъ,—винъ його й замазавъ медомъ. Иде, иде, —колы собака дохлый лежыть, выскалывъ зубы. Йося до його й каже:

— Ты мняса хочешъ, цюця?

И оддавъ йому кусокъ мняса. Иде и йде,—колы ворона: «кра! кра!»

— А, такъ я вкравъ? На тоби кусокъ сала та не кажы, що вкравъ!

Отъ винъ иде дали,—пыты йому схотилось. Отъ винъ набравъ воды, покуштувавъ—не солона. Узявъ тоди, усю силь у воду высыпавъ, розсолывъ, напывся. Иде дали, пивень злетивъ на тынъ и закукурикавъ.

— А ты пшонця хочешъ? на!

И высыпавъ йому пшоно.

Иде дали, колы стоять прыкилкы у тыну высоченьки.

— А вы, хлопци, померзлы,—нате вамъ шапочкы!

Понадивавъ йимъ горшкы.

Иде дали, колы хлопци по улыци бигають.

— Вамъ хочецця бублыкивъ? нате!

Роздавъ винъ и бублыкы, а самъ пишовъ додому безъ ничого. Прыходе додому, а маты й пыта:

— Де ты подивавъ усе? Чы ты купувавъ шо, чы ни?

— Та я всього накупувавъ, та вытратывъ.

— Якъ?

— Та иду я льодомъ, а лидъ репнувъ, топнуть бы мени,—такъ, я й замазавъ медомъ. Иду дорогою,—колы собака хоче мене порвать,—я кынувъ мнясо. Иду дали, колы ворона каже: «укравъ!» Хыба я кравъ,—кажу,—я купувавъ, а колы голодна,—на кусокъ сала, а не кажы вкравъ! Иду дали, пыть схотилось, а вода не солона, я й посолывъ и напывся гарно. Иду дали, пивень просе пшона, а я й высыпавъ, найився винъ. Иду, колы хлопци безъ шапокъ стоять, просять у мене,—я й понадивавъ горщечкы. Иду дали, хлопци просять бублыкивъ,—я йимъ и давъ по бублычку.

— А дурный ты, нависный, Йосю! Хыба жъ можно такъ робыты? Посыдь же дома, я пиду накуплю.

Отъ вона пишла, а Йося остався дома. У хати була бочка съ пывомъ. Пыво вщолоча та все булька: буль-буль-буль!

А дурень:

— А такъ я дуръ-дуръ-дуръ!... Мовчы!

А воно все: буль-буль-буль! Винъ якъ ухвате сокыру, порубавъ обручи, пыво и вытекло. Отъ винъ узявъ ночвы

сивъ у йихъ, узявъ у рукы лопату и йизде по хати Прыйшла маты додому и каже:

— Йосю, одчыны!

— А отъ дойиду!—крычыть Йося; дойихавъ, одчынывъ, а пыво такъ у двери й полылося.

— Шо се ты наробывъ, Йосю!?...

— Та се пыво мене дурнемъ узывало, такъ я й выпустывъ його.

— Дурный ты, Йосю,—то воно вщолочало та булькало, а не взывало тебе дурнемъ.

Ну, робыть тому ничого, засваталы за його Пыгынку й жывуть воны помаленьку. Отъ разъ Пыгынка й каже:

— Пойидьмо у гости до мого батька! Тамъ е варенывы, сметана, пыво, усе е.

— Пойидьмо!—одказавъ Йося.

Отъ воны й пойихалы: прыйихалы, уси посидалы обидать, а Йося пишовъ по горилку и остався голодный. Прыйшла ничъ, полягалы уси спаты, а Йося:

— И пыты, Пыгынко, мени хочецця, и йисты!

— Та полизь, отамъ на печи у макитри пырогы.

Полизъ Йося на пичъ, та не напавъ пырогы та напавъ кошенята у горшку,—пойивъ йихъ. Тоди упъять каже:

— Пыгынко, мени пыты хочецця.

— Та возьмы жъ кирець та напыйся зъ бочкы квасу!

Пишовъ винъ та й попавъ не кирець, а решето. Точывъ-точывъ у решето,—не наточывъ и не напывся. Пишовъ винъ упъять до Пыгынкы та й каже:

— Я розлывъ квасу трохы.

— Ну, засыпъ попеломъ,—тамъ стойить у мишку у синяхъ.

Винъ пишовъ у сины, та не напавъ попилъ та найшовъ гречане борошно у мишкахъ. Высыпавъ зъ мишка, а

засыпать не засыпавъ. Прыйшовъ, лигъ у хати й заснувъ. Прокынулысь,—а Йося ще спавъ,—дывлюцця—нема ни кошенятъ, ни квасу, ни гречаного борошна,—похазяйнувавъ усе Йося. Посміялыся воны тоди зъ його такъ, що йому стыдно туды у гости було й йихаты.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Манжура, Сказки, стр. 79. Дурень.—Чубинскій, Труды, II, стр. 497—502.

---

173. ДВА БРАТЫ, РОЗУМНЫЙ ТА ДУРНЫЙ.

Жыло два браты,—одынъ розумный, а другый дурный. Розумный бувъ меншый, а старшый дурень. Отъ, меншый братъ оженывся и взявъ соби жинку хорошу. Отъ и каже жинка чоловикови:

— Давай, чоловиче, подилымось изъ братомъ хазяйствомъ! Теперъ шо дамо йому, то те й возьме, а то якъ оженыцця та возьме соби жинку розумну, то треба даваты половыну.

Отъ почалы воны зъ братомъ дилыцця хазяйствомъ и вдилылы дурневи коростявого бычка. Отъ дурныкъ и дума:

— Шо мени робыты, чымъ мени бычка годуваты? у мене нема ни сина, ни соломы,—мабуть поведу продамъ.

Отъ и повивъ Семенъ коростявого бычка продаваты. Веде Семенъ, дывыцця,—стойить лисъ. Отъ Семенъ повивъ у лисъ бычка продаваты. Дывыцця Семенъ —стойить пенёкъ. Отъ Семенъ и дума:

— Мабуть поведу продамъ пенькови.

И повивъ Семенъ до пенька продаваты бычка. Прывивъ и почавъ изъ пенькомъ здоровкацця:

— Здоровъ, пеню!

Тоди самъ соби й одказуе:

— Здоровъ, Сеню!

— Купы, пеню, бычка!

Тоди самъ соби й каже:

— Продай, Сеню, бычка!

Отъ Сеня прывъязавъ бычка до пенька и каже:

— А гроши?

И тоди самъ соби й одказуе:

— Та прыйды завтра!

Отъ Сеня пишовъ додому. Переночувавъ и йде до пенька по гроши. Прыходыть до пенька, а бычка вже нема, мабуть вовкы ззилы. Отъ винъ поздоровкавсь и каже:

-- Давай, давай, пеню, гроши!

Тоди самъ соби й каже:

— Та прыйды завтра.

— Ахъ ты жъ такый-сякый! покы я буду ждать?!

Якъ ударе його чоботомъ, а пеньокъ бувъ гнылый, — такъ винъ його ногою й збывъ, а съ пидъ пенька гроши посыпалысь, бо тамъ хтось йихъ мабуть ище давно заховавъ.

Отъ пишовъ Семенъ додому. Прыходе й каже братови:

— Дай мени воливъ и кобылы,—пойиду по гроши.

Отъ братъ и дума:

— Де бъ винъ скилько набравъ?

А жинка й каже:

— Та дай! Ты знаешъ, якый винъ: якъ пойиде, то дурно не прыйиде.

Отъ братъ запригъ волы и кобылу, Семенъ и пойихавъ по гроши. Прыйихавъ до пенька, забравъ гроши и пойихавъ додому. Прыйиздыть додому, уйиздыть у двиръ, выпрягае волы. Выйшовъ братъ, подывывся та й каже до жинкы:

— Правда, шо Семенъ казавъ,—прывизъ гроши.

И каже:

— Якъ мы будемъ гришмы дилыцця? Мабуть пиды до попа, позычъ миркы.

Та й забулы сказаты, щобъ не казавъ, на що мирки. Отъ, пишовъ Семенъ до попа по мирку, прыходыть, колы попа нема й дома. Винъ поздоровкався съ попадею и просе миркы. Попадя й пытаецця:

— На що вамъ миркы?

— Та будемъ гроши мирыть.

Попадя дала мирку. Семенъ пишовъ додому, прыносыть мирку, а братъ пытаецця:

— Якъ ты казавъ?

— Такъ, шобъ дала миркы грошей дилыть.

Отъ братъ Семенови й каже:

— Пиды й стань на угли, и якъ йихатыме пипъ, то ты свысны, такъ мы скорише ховатымемъ гроши.

А Семенъ узявъ кійокъ и пишовъ и ставъ на угли. Отъ ставъ йихать пипъ, а Семенъ якъ свысне того бидного батюшку кійкомъ и убывъ попа. Иде Семенъ до брата. Отъ пыта Семена братъ:

— Шо, йихавъ пипъ?

— Та я його вбывъ.

— Та на що жъ ты його вбывавъ?

— Та ты жъ казавъ — свысны,— ну, я й свыснувъ його кійкомъ.

— Отъ дурный, такъ дурный!... Де жъ винъ?

— Та онъ на угли.

Братъ пишовъ, ухватывъ попа та й затигъ у порожній погрибъ.

А попадя шукала-шукала попа,—не найшла. И такъ подумала, що його вже на свити нема, и стала справляты помыны. Клычуть и Семенового брата. Отъ и каже братъ Семенови:

— Гляды, Семене, не ходы, а то якъ ты тамъ искажешъ!...

— Та я не пиду.

Пишовъ Семенивъ братъ, а Семенъ и дума самъ соби:

— Шо я буду за дурный, шо не пиду на помынкы?— самъ нарядывъ!...

И пишовъ Семенъ на помынкы. Прыходыть, увійшовъ у хату, поздоровкався, ставъ у кутку и стойить,—нихто йому и чаркы не дае. Отъ винъ думавъ-думавъ и каже:

— Самъ и помынкы нарядывъ, а мени й чаркы не дають!

А матушка й пытаецця:

— Якъ то ты нарядывъ?

— Та я батюшку вбывъ.

— Де жъ винъ?

— Та у насъ у порожньому погриби.

А братъ мерщи побигъ та батюшку вытягъ, а мисто батюшкы укынувъ зaризаного цапа. Отъ попадя й каже до Семена:

— А ну, веды, де!

Семенъ и повивъ. Довивъ до погриба й каже:

— Ну, лизьте, матушко!

А матушка каже:

— Лизь ты!

Отъ Семенъ полизъ и каже:

— Шо, матушко, вашъ батюшка изъ ушыма?

— Изъ ушыма.

— Изъ бородою?

— Зъ бородою.

— Изъ рогамы? (сказано, дурный!...)

— А ну, тягны!

Отъ вытягъ Семенъ цапа, а матушка засміялась и такъ поросходылысь.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумск. у. отъ хлопця въ 1885 г.)
Подобные разсказы см.: «Малор. пред.», стр. 332. № 23.—Чубинскій, Труды, II, стр. 195, № 4. Про трохъ бративъ.

174. ДУРЫСВИТЫ.

Якъ жывъ соби чоловикъ та жинка. Отъ воны нанялы роботныка, не дуже велыкого хлопця. А той роботныкъ та вмивъ дурыть людей. Той чоловикъ и каже:

— Ты вміешъ дурыть людей?

Винъ каже:

— Вмію.

— Ну, ходимъ, и я вмію.

Отъ воны дойшлы до села, де бувъ ярмарокъ, а чоловикъ и каже:

— Гляды жъ, хлопче, якъ будуть чоловикы выйиздыть исъ села та будуть пытать, изъ якого ты села, а ты кажы: изъ Грыгорода. А якъ пытатымуть: чы здорова тамъ капуста? —а ты скажы: я не знаю, а мени маты казала, шо пидъ однымъ лыстомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы. А якъ пытатымуть: чы здорова гречка? —а ты кажы: я не знаю, а маты казала, шо сорокъ буханцивъ изъ одныейи гречынкы спеклы.

— Ну, добре,—каже, хлопець,—я такъ казатыму.

Той чоловикъ пишовъ на ярмарокъ, прыйшовъ до капусты та й каже:

— Оце тутъ така капуста?

Той чоловикъ, шо продае, каже:

— Така е!

— А въ насъ така, якъ цилый городъ здорова-здорова!

Той каже:

— Ты брешешъ!

— Ни,—каже,—не брешу.

— Ни, брешешъ!

— Ни, не брешу!

— Ну, давай у закладъ!

— Давай!

Отъ той чоловикъ пойихавъ изъ йимъ туды, де той казавъ, шо капуста така. Колы зостричае того хлопця та й пытае:

— Де се есть така капуста, що якъ цилый городъ?

А той хлопець каже:

— У нашому сели есть, та я тилкы не знаю, а маты мени казала, що пидъ одным капустяным лысткомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы.

— А зъ якого ты города?

— Изъ Грыгорода.

Чоловикъ той подумавъ:

— Чого жъ и йихаты туды?

И вернувся упъять у городъ и давъ тому чоловикови грошей такъ якъ за правду.

Отъ упъять той чоловикъ пидійшовъ туды, де продавалы гречку.

— Оце,—каже,—у васъ така гречка мала? А въ нашому сели така здорова: одно зерно таке якъ добрый горщокъ та велыкый.

— Брешешъ!—каже той чоловикъ.

— Ни, не брешу.

— Ну, давай у закладъ на гроши!

— Ну, давай!—каже той, шо дурывъ.

Узявъ коня той, шо зъ гречкою, та й пойихавъ у те село. Йиде, колы зостричае того хлопця та й каже:

— Чы велыка у васъ гречка?

А той каже:

— Я не знаю, а маты казала шо зъ одныейи гречынкы сорокъ буханцивъ пекла.

— А зъ якого ты города?

— Изъ Грыгорода.

— Ну,—думае чоловикъ,—такъ, якъ винъ казавъ!

И пойихавъ назадъ; прыйиздыть, дае тому чоловикови грошей такъ якъ за правду. Отъ той чоловикъ и хлопець надурылы грошей, подилылысь и тоди розійшлысь...

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

Манжура, Сказки, стр. 81. Якъ чоловикъ людей колысь дурывъ.

---

175. ВОРЪ АНТОНЪ.

Иде батько съ сыномъ дорогою; колы бачуть,—веде чоловикъ цапа. Сынъ и каже:

— Тату, я вкраду цапа!

— Та якъ-же ты його вкрадешъ?—чоловикъ державть у рукахъ,--каже батько.

— Та я вже вкраду!—одмовля сынъ.

Отъ, узявъ тоди сынъ та скынувъ зъ ногы чобитъ, (а въ його вони булы вже поганеньки), помазавъ його у калъ та й положывъ на дорози, куды мавъ иты чоловикъ съ цапомъ.

Якъ надійшовъ чоловикъ до його, взявъ у рукы та й дума:

— Якъ-бы була йому пара, то бъ можно вже й обитерты, а такъ не годыцця!—та й кынувъ на дорогу. Сынъ тоди, звалы його Антономъ,—скынувъ и другый чобитъ та й той кынувъ на дорогу. Чоловикъ надійшовъ до його та й зрадивъ:

— А, це йому й пара!

Потимъ прывъязавъ цапа до вербы, що росла блызько, та й вернувсь по той чобитъ, що покынувъ. Антонъ до цапа, одъязавъ та драла додому!... Дома того цапа зжарылы. Антонъ и каже:

— Щобъ-же я первый почавъ йисты!

Отъ якъ посидалы за стилъ, батько й каже:

— Я—батько,—мени первому треба почынать йисты!

Антонъ выбигъ на улыцю та й крычыть:

— Не я цапа вкравъ,—батько вкравъ!

Батько перелякався, тягне його въ хату:

— Та йды вже йижъ первый.

Отъ Антонъ найився, тоди взявъ цапыну голову та й пишовъ у лозы; тамъ настромывъ голову на прыкилокъ, а самъ сивъ за кущемъ та й крычыть:

— Мекеке!

Хазяйинъ цього цапа недалечко порався, почувъ та й иде въ лозы: колы выдно голову,—винъ:

— А, мій бидненькый! чого сюды ты забрався?—та за голову,—голова знялась.

— Я знаю, хто вкравъ мого цапа!—сказавъ чоловикъ и пишовъ до пана казаты, що Антонъ укравъ цапа. Панъ поклыкавъ Антона.

— Ты цапа вкравъ?—пыта панъ.

— Я!—одмовывъ Антонъ.

— Колы жъ ты такый, вкрадь у мене коня!

— Вкраду, пане!

Отъ панъ звеливъ чотырьомъ чоловикамъ держать коня за ногы, двомъ за грыву, одному за оброть, а одному сыдиты на коневи.

Якъ люде, що береглы коня, такы не втерпилы—поснулы, Антонъ потыхеньку пересадывъ того, що сыдивъ на коневи, на сволокъ; тымъ що держалы за ногы, давъ по прыкилку тымъ, що держалы за грыву, давъ по повисму прядива, а тому, що державъ за уздечку, такъ и оставывъ уздечку, тилькы знявъ йийи съ коня, а самъ гайда!...

Увійшовъ панъ уранци у конюшню, глянувъ—та якъ засміецця!... Отъ поклыкавъ Антона:

— Ты вкравъ коня?

— Я!

— Украдь у мене симъ паръ воливъ!

— Украду, пане,—сказавъ Антонъ.

Отъ панъ наказавъ роботныкамъ, щобъ воны пойихалы ораты та щобъ увесь день не выпрягалы воливъ.

Роботныкы пойихалы и сталы ораты саме пидъ лисомъ. Антонъ увійшовъ у той лисъ та й крычыть, якъ-бы дывуеццяː

— Ну та й дыво! отъ дыво, такъ дыво!...

Роботныкы й кажуть:

— Що тамъ за дыво? а ну пидить половына подывицця, а половына буде биля воливъ!

Отъ и пишла половына въ лисъ. А Антонъ иде дальше въ лисъ та все:

— Отъ дыво, такъ дыво!

Роботныкы за нымъ. Друга половына ждала, ждала—нема:

— Мабуть тамъ велыке дыво, а мы й не побачымо: ходимъ!

Отъ и пишлы; биля воливъ зоставсь тилькы одынъ роботныкъ.—Той ждавъ-ждавъ—нема:

— А хыба я дурный буду, що не пиду?—та й соби пишовъ.

Отъ Антонъ завивъ роботныкивъ далеко въ лисъ, выйшовъ до воливъ, одрубавъ хвистъ у одного быка та й усунувъ у ротъ другому; того съ хвостомъ у роти й зоставывъ коло воза, а шисть паръ и одного погнавъ.

Роботныкы блудылы, блудылы,--насылу выйшлы зъ лису! Дывляться—ажъ воливъ нема—тилькы одынъ, а въ того у зубахъ хвистъ. Воны й лають:

— Отъ проклятый вилъ: усихъ пойивъ, тилькы хвистъ и зоставсь!—и пойихалы до пана, росказалы—такъ и такъ...

— Та то Антонъ волы покравъ, а одрубаный хвистъ уткнувъ у ротъ.

Роботныкы подывылысь—такъ: хвистъ одрубаный. Панъ поклыкавъ Антона.

— Ты покравъ волы?

— Я, пане!

Украдь-же у мене барыню!

— Украду, пане!—сказавъ Антонъ.

Отъ панъ обложывъ биля себе роботныкивъ, роботныць и бабу, а самъ обнявъ паню та й поснулы вси. Антонъ увійшовъ у хату, кынувъ мижъ роботныци кендюхъ и косы имъ позъязувавъ; мижъ роботныкивъ налывъ гущи изъ сыривцю и волосся смолою позлипплювавъ; панови давъ колоду, а самъ за паню та драла. Панъ оглядився, що въ його въ рукахъ колода та на бабу:

— Свиты, свиты скорише!

Баба стала роздувать огонь, тамъ роботныци прокынулысь, крычать:

— Це ты прывела дытыну, сяка-така!

— Та брешешъ, се ты! ой, ще й скубешся!

— Ой рятуйте! не скубы!... Прывела дытыну, ще й скубешся!... ой-ой!...

Тамъ и роботныкы прокынулысь:

— Це ты укалявсь!

— Брешешъ, це ты; ой, ще й скубешся!

— Ой-ой! не скубысь ты!

Панъ думавъ, що воны подурилы, та съ хаты...

Ну, та вже баба, хоть зъ горемъ, засвитыла свичку! Роздывылысь... вси сміюцця!

Панъ заразъославъ по Антона. Антонъ прыйшовъ.

— Ты вкравъ паню?—пытаецця панъ.

— Я, пане!—каже Антонъ.

— Де-жъ ты йійи дивъ?

— Оддавъ чортамъ за тры возы грошей!

— Верны мени йійи!

— Якъ дасы коробку грошей—верну!

Панъ давъ йому коробку грошей. Антонъ узявъ повисмо прядива, пишовъ до болота та й плете вирьовку. Чортъ выбигъ изъ болота та й пытае:

— На що ты плетешъ вирьовку?

— Буду болото пидъ манастырь розмирять та васъ, чортивъ, выганять!—каже Антонъ.

— Не плеты бо!—просять чорты.

— Э, ни! хыба оддасте паню, то не буду плесты!

Чортамъ жаль було пани,—воны поховалысь. Антонъ сыдыть та все плете. Колы це выбига чортъ та й каже:

— Давай наввыпередкы: хто кого выпереде, то того буде й паня!

— Я не хочу съ тобою и поганыцця,—лучче хай побижыть мій сынокъ!—каже Антонъ.

— Нехай и сынокъ!—говорыть чортъ. (А Антонъ уже наготовывъ двохъ зайцивъ, бо винъ знавъ йихъ (чортячи) норовы!) Антонъ пустывъ одного зайця—той якъ чкурне въ лисъ!... Чортъ оббигъ кругъ озера та до Антона, а Антонъ и показавъ йому другого зайця.

— Твій сынъ мене выпередывъ!—каже чортъ и оддавъ Антонови паню. Антонъ пана прогнавъ, а съ панею жыве соби—не горюе, и хлиба не купуе—чого-жъ ище треба?

(Записалъ М. М. Нечипоренко отъ парубка Михайло Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумск. у.)

Чубинскій. Труды, II, стр. 621, № 90. Рудченко, Сказки, I, № 74.—

---

176. НЕВЫЛЫЦЯ 1.

Выйихалы тры браты въ поле ораты; два-жъ розумни, а третій дурный; и захотилы воны вогню розвесты, такъ

нема ни кресала, ни губкы, а въ поли выдно вогонь горыть. Отъ и пишовъ старшый братъ просыть вогню; иде та й иде старшый братъ, колы дывыцця—дидъ сыдыть (а то бувъ самъ змій). Винъ и каже:

— Здоровъ, диду!

— Здоровъ!

— Дайте мени вогню!

— А скажешъ казкы?

— Не вмію.

— Скажешъ прыказкы?

— Не вмію.

— Скажешъ небылыци?

— Не вмію.

— За не вмію деруть зъ спыны до потылякы реминю, яшною половою натыраютъ.

Отъ и обидравъ дидъ у того брата съ спыны до потылякы реминю, яшною половою натеръ та й пустывъ. Пишовъ тоди пидстаршый братъ просыть вогню. Дидъ и пытаецця:

— А казкы скажешъ?

— Не вмію.

— А прыказкы?

— Не вмію.

— А небылыци?

— Не вмію.

— За не вмію деруть съ спыны до потылякы реминю, яшною половою натыраютъ.

И цьому братови дидъ обидравъ шкуру. Прыходыть найменчый дурный братъ просыты вогню. Дидъ и пытаецця:

— А казкы скажешъ?

— Не вмію.

— А прыказкы?

— Не вмію.

— А небылыци?

— Небылыци скажу, тилкы не кажы, диду, брешешъ!

— Не скажу!

— Иду я, диду, иду у Петривку по льоду, колы скачуть тры кози на одній нози; я якъ шпурнувъ палку, такъ такъ усихъ и побывъ! Правда, диду?

— Правда, сыну!

— Позиимавъ я шкуры съ тыхъ кизъ та й пошывъ тры торбы. Отъ иду та й иду, колы бъюцця чмиль изъ ведмедемъ. Я й думаю: кого-жъ його вбываты: чы чмиля, чы ведмедя? а дали взявъ та й убывъ чмиля та й набравъ зъ його тры торбы меду. Правда, диду?

— Правда, сынку!

— Отъ иду я та й иду та такъ мени схотилось пыть; колы дывлюсь - стойить колодязь; отъ я взявъ та й укынувъ у колодязь торбу меду, покуштувавъ воды,—тилкы трошкы солоденька; я й другу торбу зъ медомъ укынувъ, покуштувавъ—билше солоденька; такъ я й третю торбу вкынувъ. Якъ покуштувавъ,—колы здорово солодке! Отъ я знявъ черепъ зъ головы та й выпывъ нымъ усю воду! Правда, диду?

— Правда, сыну!

— Отъ я черепъ положывъ проты сонця, щобъ высохъ, а самъ лигъ догоры пузомъ та й заснувъ; прокынувся,—колы въ мене пузо репнуло и вискъ выступывъ; зробывъ я съ того воску кобылку, сивъ на йійи та й пойихавъ. Йиду та й йиду,—колы лапнувъ за голову,—нема черепа; вернувся я, надивъ черепъ та й йиду упъять. Кобылка тупъ-тупъ, а сокырка цюкъ-цюкъ, (за поясомъ у мене була) та й перерубала сокыра задъ кобылы. Що його робыть? Здумавъ я, що дома є вербовый тыбель, той, що пластыны збывають. Пишовъ я додому, взявъ тыбель та й збывъ кобылку, сивъ та й йиду.

Колы оглянувся—ажъ росте изъ кобылкы верба та така высока—ажъ у саме небо! правда, диду?

— Правда, сыну.

— Отъ я полизъ на небо по вербычци, подывывся скризь, тоди й хотивъ излизты, колы гляну,—кобылка пройихала! Знявъ я зъ себе поясъ—мало; колы це щось засвербило; поглядивъ я,—колы воша. Облупывъ я йийи та й надравъ сто сажень шкуры и прычепывъ до пояса; упъять засвербило, поглядивъ,—колы блоха; облупывъ я йийи та й надравъ ище сто сажень шкуры и ти прычепывъ. Тоди глянувъ—недалеко одъ земли до вирьовкы; отъ я злизъ на крайокъ та й плыгнувъ на землю, та й провалывся ажъ на той свитъ, колы тамъ лежыть мій батько у кали, а твій у меди; правда, диду?

— Правда, сыну!

— Мій же батько коло твого медъ лыже, а твій коло мого калъ...

— Брешешъ, брешешъ, сучый сыну!

Такъ дурный узявъ тоди та й забывъ дидову бороду въ пеньокъ, а самъ набравъ огню та й понисъ до братывъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

Манжура, Сказки, стр. 124. Небылыця.—Малор. пред., стр. 338, № 26. Чубинскій, Труды, II, стр. 517. № 13.

177. НЕБЫЛЫЦЯ 2.

Якъ ходывъ я на Динъ овець пасты. Нанявся я у чоловика. Пасъ день, пасъ другый, а третій день бувъ такый холодный та витряный, що не доведы, Боже! Трудно мени було въ той день, ніякъ я овець не впасу, усе додому тикають, ніякъ не заверну. Тутъ недалеко бувъ ячминь. Я загнавъ овець у той ячминь та й лигъ спать. Увечери вставъ,

почавъ выганять овець изъ ячменю и ніякъ не выжену: съ того краю выжену, пиду на другый выганять, то въ тому, шо выгнавъ, упъять увійдуть. Думавъ я, думавъ, якъ выгнать, и прыдумавъ: возьму та пидпалю изъ за витру, то ячминь буде гориты та й выганятыме овець. Тилько я пидпалывъ, то ячминь кругомъ зайнявся и вивци погорилы. Якъ побачывъ я це та й думаю:

— Шо його робыть? Буду тикаты!

Побигъ я. Бижу та й бижу, ажъ бачу, оре чоловикъ. Я пидбигъ до воза, ухватывъ торбыну съ хлибомъ та навтикача. Чоловикъ побачывъ, шо я зробывъ, сивъ на кобылу, догнавъ мене, однявъ торбыну, прыкувавъ мене до кобылячойи ногы зализнымъ путомъ та такъ и ставъ волочыты. Я такъ славно прывчывся ходыты: шо кобыла ступне спутаною ногою, то й я спутаною ступну.

Отъ увечери чоловикъ заснувъ, а я взявъ хлибъ, пидсунувъ путо пидъ колино, очипывсь за кобылу та й йиду.

Йиду, йиду та прямо въ болото та й загрузъ. Колы-це слухаю,—ляпъ... ляпъ!... Я думавъ, шо то чоловикъ женецця та й боюсь, ажъ то вовкъ одынъ и другый и третій та ище багато!... Ззилы кобылу ажъ до колинця. Я тоди путо скынувъ, найився хлиба, тоди выйшовъ изъ болота.

Иду та й иду, ажъ везуть робочи спыртъ. Я прыставывся болящымъ, сивъ на дорози та й дожыдаю робочыхъ. Якъ воны дойихалы, я й прошуся, шобъ воны мене пидвезлы. Воны й кажуть:

— Сидай отамъ на задньому вози и пидвезешся, и кобылу панятымешъ.

Я сивъ. Йидемъ, йидемъ, сталы перейижжать черезъ гору. Я взявъ та й прыпыняю кобылу. Ото якъ воны зайихалы за гору, я якъ давъ ногамы въ дно у бочку,—воно такъ и выскочыло и горилка вытекла. Я тоди зъ воза та

въ жыто й сыжу. Тоди якъ далеко зайихалы робочи, я вылизъ, напывсь горилкы, тоди лигъ та й сплю.

Якъ я прокынувся, ажъ коло мене пъяныхъ журавливъ зъ десять. Я взявъ одного та й понисъ продаваты. Дали думаю:

— Вернуся та всихъ журавливъ заберу, то лучче буде.

Вернувсь я, забравъ усихъ журавливъ, позатыкавъ за поясъ та й иду. Коли це одынъ журавель «курлу», а за нымъ уси—якъ пидняли мене высоко-высоко!... Я летивъ-летивъ та якъ кахыкну, а поясъ порвався, а я и впавъ та въ болото.

Сыжу въ болоти; колы прылетила чайка, намостыла на мойій голови гниздо, знесла яйце. Я й думаю:

— Хай же знесе друге, то я тоди одно иззимъ, то вона ще одно знесе.

Колы це прыйшовъ вовкъ, пойивъ яйця та тилько повернувся иты, а я його за хвистъ та якъ крыкну:

— Гій, тулюлю!..

Вовкъ якъ побижыть, та й вынисъ мене зъ болота.

Я тоди пустывъ вовка и пишовъ.

Иду, иду, зайшовъ у село. Зайшовъ у одну хату и прошуся ночувать. У сій хати була маленька дытына и хазяйка сейи хаты послала мене клыкать бабы въ гости. Пишовъ я до бабы, баба нездужала, такъ я посадывъ йійи въ санчатка и повизъ. На дорози бувъ колодязь. Такъ я взявъ да й перекынувъ бабу въ колодязь, а самъ вернувся та й кажу хазяйци, що баба не хоче йты. Хазяйка й каже мени:

— Ну, ты погляды дытыны, щобъ не кусалы мухы, а я сама пиду поклычу.

Я взявъ макогинъ та й стережу дытыну. Колы це муха сила на дытыну. Я хотивъ йійи вбыть, якъ гылну макогономъ дытыну та и вбывъ. Тоди втикъ додому та оженывся.

Якъ гулялы весилля, то и я тамъ бувъ, медъ-выно пывъ, по усахъ текло, а въ роти не було.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьковской губ.)

178. ДИДЪ ТА Я.

Якъ пойихавъ я зъ дидомъ у лисъ по дрова. А дидъ бувъ тоди маленькый, а батька ще й на свити не було. Я до куща,—колы видтиля вовкъ пы-ы-р-рхъ! Я туды,—колы тамъ семеро яець. Ото мы забралы ти яйця, прывезлы додому та й пидсыпалы пидъ свыню. Отъ, и вылупыла свыня тры пары воливъ и одного бугая. А вже-жъ и волы добри! Ото й пойихалы мы тымы воламы орать; оралы тры дни й тры ночи та й наоралы скилкы око згляне: такъ якъ одъ тебе та до мене, ще трохы й одсунься! Отъ, якъ насіялы мы жыта, та якъ сталы збирать! збиралы, збиралы та назбиралы цилый снипъ!... Тоди якъ сталы мы возыть!... Возылы, возылы та не знаемо де диты: такъ багато, що ниде й не помищаеццяя; отъ мы взялы та на коминъ и сперлы той снипъ. Мыши дизналысь, що на комени есть снипъ, та туды, йилы, йилы та й звалылы той снипъ у помыйныцю. Мы той снипъ вытяглы съ помыйныци, обсушылы та й сталы молотыть. А знаете, скилкы намолотылы жыта? У, багато: проколоды веретеномъ тры ями, та такъ уси й понасыпалы жытомъ.

(Село Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда, записалъ М. М. Нечипоренко.)
Сравн.: Манжура, Сказки, стр. 123. Якъ мы зъ дидомъ багатилы, а батька ше на свити ни було.—Записки о Южной Руси Кулиша, I, стр. 228—230.

179. ХТО ЧУДНИШЫЙ?

Йиде чоловикъ конячкою, та сокырка у рукахъ. Конячку поганя, а позаду сокыркою все клюкъ та клюкъ и одрубавъ коняци задъ. Дывыцця—на дубови шисть чоловика горохъ молоте: горошиння додолу падае, а горохъ на дубови остаецця. И каже той чоловикъ, шо конячкою йиде:

— А й чудно мени зъ васъ!

А воны одвичають:

— Чого жъ тоби чудно?

— Бо я отсе ще вперше такее бачу, шо отсе вы робыте.

— А намъ,—кажуть,—ше чуднишъ съ тебе,

— А чого жъ чуднишъ зъ мене?

— Бо ты йидешъ конячкою, а въ нейи заду немае.

Оглянувсь чоловикъ назадъ, подывывсь на свою конячку й каже:

— Насміялась,—каже,—верша зъ болота,—оглянулась, ажъ и сама въ болоти.

(Черка́сскаго у. с. Русская Поляна. Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

---

180. ЯКЪ ОДЫНЪ ЧОЛОВИКЪ ТА ХОТИВЪ ЗАБАГАТИТЫ.

Жывъ соби чоловикъ та жинка, и въ йихъ було трое дитей. Колы чоловикъ и жинка умерлы й оставылы трьомъ сынамъ по сто рублывъ.

Отъ, ти два браты завелысь хазяйствомъ, а третій накупывъ соби склянойи посуды, зайшовъ у пусту хату ночувать, лигъ соби та й думае: «оце я продамъ,—получу ще сто рублывъ; тоди куплю та продамъ та возьму ще сто, потимъ ще сто, потимъ ще сто, потимъ зроблю домъ такый, якъ у царя, засватаю дочку у царя та мовъ изроблюсь хво-

рый, а вона прыйде та й казатыме: «чого треба тоби?» А я якъ дрыгону ногою!... Та якъ дрыгне,—такъ усю посуду винъ и побывъ!... Оставсь винъ ни съ чымъ.

(Записано отъ хлопця въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.)

181. БОЯЗЬКЫЙ ЧОЛОВИКЪ.

Жывъ одынъ чоловикъ та такый боязькый, що якъ излякаецця, такъ заразъ бижыть до жинкы та крычыть. Ото одынъ разъ жинци треба було кудысь иты. Отъ вона прыказуе своему чоловикови, щобъ не боявся у хати самъ сыдить, и каже:

— Чоловиче, чого тоби бояцця у хати сыдить? у печи горыть, дытына у колысци; - не бійся, сыды у хати!

Отъ, тоди жинка пишла, а чоловикъ сыдыть на лави та й каже:

— Чого його бояцця? у печи горыть, дытына у колысци, чого його бояцця?

Отъ винъ сыдивъ, сыдивъ та якось хотивъ устать,—колы щось держыть; винъ удруге,—держыть, такъ той чоловикъ и замеръ зъ ляку. А що жъ його держало? А ось що: винъ носывъ ножыкъ биля пояска ззаду на мотузочци. Отъ винъ якъ сивъ на лавку, а ножыкъ и западъ за лавку, а винъ хотивъ устать, держыть щось. Ото винъ сыдивъ, сыдивъ, тилькы що хоче устать, а воно не пуска, и лава за нымъ тягнецця. Отъ винъ побачывъ, що жинка йде уже додому, та якъ побижыть, а лава за нымъ,—побывъ усе, що було на лави, та прямисинько до жинкы. А жинка й пыта:

— Чого ты бижышъ?

А чоловикъ:

— Щось мене у хати держало.

— Та щожъ тамъ тебе держало?

— Та хто й зна, що держало!...

Жинка якъ убигла въ хату, такъ и охнула:

— Охъ ты, Боже мій! що це ты наробывъ?

А чоловикъ и каже:

— А на вищо воно мене держало? Ты те лай, що мене переляпало, а на мене!

Тоди уже той чоловикъ боявся и систы на лаву, щобъ бува часомъ не ухватыло що за поясъ,—такъ винъ уже сидавъ не на лави, а на полу.

(Д. Алексѣевка Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.)

---

182. РОЗУМНЫЙ БАТЬКО.

Бувъ батько та сынъ Грыцько. Отъ, Грыцько пишовъ на вулыцю, а злодій зализъ у комору. Батько чуе, що тамъ щось стука, та й пытаецця:

— Це ты, Грыцько?

— Та вже-жъ не хто!

— Берешъ кожухъ?

— Та вже-жъ не шо!

— Визьмы й сирякъ!

— Та вже-жъ не якъ!

— А може й куцыну?

— Та вже-жъ не покыну!

Позабиравъ усе та й пишовъ. Прыходыть уранци Грыцько, а батько пытаецця:

— Ты прыходывъ уночи?

— Ни.

Оглядилысь, ажъ одежи ничого немае и зосталыся воны такъ, що ничымъ и пальця обгорнуты.

(С. Чунышина (Семеновка) Константиноградскаго у. Полтавской губ. отъ молодыци въ 1883 г.).

183. ГЛУХЫЙ ТА ГУБАТЫЙ.

То бувъ йиденъ чоловикъ глухый, а другый гымбатый *(губатый)* дуже. То той гымбатый Богу молыцця у церкви, а глухый усе прыслухаецця, чы винъ свыще, чы Богу молыцця. Посли зайшовъ съ правого боку, упъять прыклада вухо до губивъ тому—все слуха, чы винъ свыще, чы Богу молыцця. Писля зайшовъ та тарахъ його у морду. А той гымбатый пытае:

— Ты,—каже,—за що бъешъ?

А той:

— А ты нащо свыщешъ у церкви?

— Я,—каже,—не свыщу, я такый гымбатый.

А той каже:

— Чортъ тебе беры, що ты багатый,—въ церкви не свыщы! Мій,—каже,—тато бувъ багатишый, та не свыставъ у церкви, а ты такый харлакъ та свыщешъ у церкви!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго. Записано въ 1883 г. въ Кіевщинѣ.)

184. МАЗУРЪ ТА КСЬОНДЗЪ.

Бувъ соби Мазуръ,—такъ соби простакъ. Пишовъ до попа на сповидь та й каецця:

— Такъ, пане ксьонже, назнавъ я шпачыне кубелечко,—хотивъ, диждавшы, якъ вылупляцця, шпаченята повыдыраты.

— А грихъ, чоловиче, грихъ: треба буты мылосердному и до птыци и до всякойи твари... А скажы-но, де се ты назнавъ кубельце?

— А тамъ-то й тамъ.

Другого дни йде Мазуръ, баче, попови диты несуть шпачынята.

— Де се вы набралы? Хто вамъ сказавъ?

— Батько!

— А!—думае,—стрывай, и я тебе пиддурю!

Прыходе.

-- Паноченьку! назнавъ я дивчыну,—уродлыва така. Чы цилуваты можна ейи?

— О, ни! побраты шлюбъ та тоди. А яка се дивчына? де вона жыве?

— Э, чорта зъ два, паноче: се тоби не шпачынята!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).
Номисъ, Укр. приказки, № 13712.

---

185. ЛИЧИЛНЫКЪ.

Це якъ чоловикъ вивци лічывъ. Увійшовъ у хливъ та почавъ:

— Ну, це баранъ, геть його! Одна вивця, друга вивця, третя, четверта... а пъятойи нема!... Жинко!—каже,—було въ насъ пъятеро овець, а теперъ тилькы чотыри...

— Та що ты кажешъ?

— Та отъ хочъ сама подывысь!

Пишла й вона.

— Ну, оце-жъ баранъ,—и геть його! А теперъ вивци: одна, друга, третя, четверта, а пъятойи и нема!...

— Та якъ же ты лічышъ?

— Та ось-же: це жъ баранъ,— його геть! А теперъ вивци...

То винъ забува, значыть, про барана та й не щыта його,— ну, въ його й выходыть чотыри замисть пъяты.

(С Великая Даниловка Харьк. у., дидъ Иванъ Ковалевъ).
Манжура, «Сказки», стр. 103. «Чоловикъ вола загубывъ».

---

186. ОХОЧЫЙ ДО СОЛЫ.

Одынъ дураковатый челяднык росказувавъ, що якъ винъ йиздывъ у Крымъ по силь, дакъ хоча-жъ и солы найивсь у волю:

— Оце якъ одвернецця хазяинъ, дакъ я наберу повну жменю да у ротъ.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

187. ГОМИНКА.

Одынъ парубокъ хотивъ погомонить зъ дивчыною и не знаючы чымъ йийи зачепыть, почавъ такъ:

— Чы ваши гусы несуцця?

— Несуцця.

— И наша одна сира несецця.

Тилко й гоминкы було.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Новозыбковскомъ у.)

---

188. СМЕРТЬ.

Одынъ хвылозофъ, чы й богословъ, казавъ промову надъ якымсь помершымъ паномъ:

— Що се лежыть?—Тило.— «Чого-жъ воно лежыть?»—Бо йихъ благородіе вмерлы.— «Чого-жъ воны вмерлы?»—Бо душа съ тиломъ розсталася. О смерть, смерть, сухоребрыце! Трясця твоій матери! Не дурно тебе Латынци называють mors: бо якъ морснешъ кого, то й ногы задере!»

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговскомъ у.)

189. НЕ КИНЬ, А КОВЫЛА.

У розгонъ (крымська війна) непрыятель бомбадырувавъ Петровське (на Азовському мори.) Чорноморськый сотныкъ гука на свойихъ:

— Гей, паны-браты, берить кони та тикаймо звидциль!

А одынъ козакъ:

— Та въ мене, пане сотныку, кобыла.

— Та сидай хочъ на кобылу та тикай швыдче!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго).

190. ПРЫКАЗКЫ.

Записаны *М. С. Гавриловымъ* (разные уѣзды Черниговской губерніи), *Б. Д. Гринченко* (Харьковской, Зміевской и Сумской у. Харьковской губ., Константиноградскій у. Полтавск. губ., Славяносербскій у. Екатеринослав. губ. и Черниговскій у.), *М. Н. Гринченко* (Богодуховскій у. Харьк. губ.) *П. Н. Солонинною* (Черниговская губ.) и *В. Ф. Степаненко* (Каневскій у. Кіевской губ.) NB. Сокращенія при «прыказкахъ» означаютъ: первое—губернію, а второе—уѣздъ.)

1. Абы жывъ до жнывъ, а въ жныва й абы хто обидать поклыче. Черн.

А де будешъ молоть? (Пытають стрившы гончаря зъ горшкамы. Гончари сього не люблять, сердюцця и

одказують: «де чорты будуть твого батька колоть!») Черн. Городн.

А де рубавъ? (Пытають стрившы кого зъ дровамы або зъ деревомъ. Якъ скаже: «на зворотàхъ», то се укравъ десь: де звернувъ зъ дорогы, тамъ и вырубавъ.) Черн. Городн.

А дзусь, мура! Галушкы обернула. Черн.

5. А щобъ тебе намочыло! Черн.

А щобъ за тобою вировка потяглася! Каневск.

Багатого скризь багатшуть. Харьк. Зміевск.

Багато, якъ гною Черн.

Багато, якъ грязи! Черн.

10. Балака таке—не свое! Харьк. Зміевск.

Балакала покійна до смерты—казаты ничого. Харьк. Зміевск.

Балакала покійна до самойи смерты, та все чортъ-зна-що. Харьк. Богод.

Безъ тебе (його, насъ) и вода не освятыцця! Черн.

Бый сына, покы винъ упоперекъ лавкы лягае, а не тоди, якъ стане вже вздовжъ йійи лягаты. Черн.

15. Бодай ты скысъ! Черн.

Бувъ соби Лазоръ велыкый стрилець: устрелывъ разъ винъ горщокъ масла, коробку еець. Черн.

Бувъ, та загувъ. Харьк. Харьк.

Була правда, та пощербатила. Черн. Нѣж.

Буде жъ йому одна неповна! Черн. Нѣж.

20. Буде мени по два сьомакы й по чотырнадцять (буде мени лыхо!) Полт. Констант.

Будешъ говить?—Ни.—Чому?--Торикъ сусидъ говивъ. Черн. Нѣж.

Ваше й шыло голыло, а нашъ и нижъ не бере. Черн. Черн.

Вербу носыть (почавъ пыты на довго). Черн. Нѣж.

Видьма хлибна. Черн. (Номис, № 8928.)

25. Винъ жыве якъ сорока на терныни: витеръ повернувсь, — полетила! Харьк. Харьк.

Вже на його давно на тимъ свити чорты пайокъ получають. (Якъ хто довго зажывсь на свити) Черн. Черн.

Воды не лый да дручкомъ не бый, дакъ йому й вику не буде! (одказують гончари бабамъ, якъ ти пытаюцця, чы крипкый горщыкъ). Черн.

Вона на це й пупа не порывала, а лизе! (Вона и не робыла, а хоче, щобъ и йій тутъ частка була). Полт. Конст.

Воны вси въ одну дудочку грають (одно роблють). Харьк. Харьк.

30. Воны тилькы языкомъ ляскають. Харьк. Харьк.

Въ чужій церкви свичокъ не поправляй Черн. Нѣж.

Галушку галухъ иззивъ. Полт. Конст.

Геть, цуръ тоби, осына́, ще й печене кошеня! Харьк. Харьк.

Гнатъ не выноватъ, Кулына не вынна. Черн. Черн.

35. Гны тоди, якъ ще дубчыкъ а не тоди, якъ уже колокъ стане. Черн.

Годи тоби мышей топтать! (Якъ хто ходыть по хати не знать чого). Черн. Черн.

Городъ любыть горбату бабу! (щобъ поралась на йому зигнувшысь). Черн.

Господы мылостывый! яки люде нечестыви: корчма горыть, а воны рукы гріють! Черн.

Грихы мойи чубати! Полт. Конст.

40. Гуляй съ хаты! (Шуткўе молодижъ, нибы вдержуючы, якъ хто хоче йты съ хаты). Черн.

Давайте говорыть, що будемъ на завтра варыть! Черн. Стародуб.

Дай, Боже, здоровъя! Прыставшымъ душамъ царство небесне, перомъ йимъ земля, а жывымъ пошлы, Боже, здоровъя та викъ довгый; ворогамъ нашымъ хай такъ икнецця, мовъ собака съ тыну ввирвецця. Каневск.

Дай, Боже, купця на гнылый товаръ! Полт. Конст.

Дай, Боже, щобъ наскризь пройшло! (шуткують надъ другымъ, пъючы горилку.) Черн. Городн.

45. Дамъ такъ, що на трейтій день будешъ головы шукать! Черн.

Дарма, що дурна, абы чорноброва. Черн. Черн.

Дидови напряде (дидъ одвичатыме). Харьк. Зміевск.

Дила-дила,— ажъ голова била! Полт. Конст. (Номис, № 10032).

Дытыни дай волю, такъ самъ пойдешъ въ неволю. Черн. (Номис, № 9218).

50. Дмы-не дмы,—не къ Риздву йде, а къ Велыкодню! Полт. Конст.

Добре дытя бойицця й кыва, а ледаче не бойицця й кыя. Черн.

Доброго молодця и кровъ гріе, а ледачого и кожухъ не вгріе. Черн. Нѣж.

Добро зъ добромъ не бъецця. (Не пошкодыть, якъ до добра ще добро буде). Черн. Черн.

Добрыдень, сулійко!—Здоровъ бувъ, Матвійко! (Дорикають тому, хто пъе самъ, такъ соби, безъ усякойи прычепкы). Черн. Черн

55 Довгый якъ Павливка (слобода въ Богодух. у.) Харьк. Богод.

До Юрья щобъ стало сина и въ дурня, а въ розумного й до Мыколы. Харьк. Харьк.

Друге бъ и думало, та мовчало: на жыvоти бъ гнело (?) Черн. Черн.

Дурный не дурный—и розумный не такый, Харьк. Зміевск

Душа въ тили, а сорочку давно воши ззилы. (Убоги такы). Полт. Конст.

60. Дядьку, йдить у хату!—Чого?—Родычи прыйихалы.—Яки?—Сватового сусида молотныкы. Черн. Городн. (Номис, № 9350).

Жартувала баба съ колесомъ та й крычала не свойимъ голосомъ. Каневск.

Жинка е?—Е.—Диты е?—Е.—А хлибъ?—Хм!... Черн. Черн.

Жыдъ, Жыдъ, Жыдова! не йижъ молока,—молоко скысне, чортъ тебе стысне! (Диты дражнють Жыдивъ). Черн. Черн.

Жыдивська помыйныця. (Кажуть на тыхъ, хто служыть у Жыдивъ). Черн. См. № 160.

65. Жыття панське, та шана собача. Полт. Конст.

Зъ батькомъ судъ коротенькый. Харьк. Зміевск.

Забувсь, назадъ обувсь! Черн. Черн.

Зайихавъ за Дунай та й додому не думай Черн. Нѣж.

Заломылы (або: загнулы) чорту ковбасу! (йидучы, гака далы). Черн Новозыбк.

70 За нею смерть слидкомъ ходе. Харьк. Зміевск.

Зарикалась свыня... йисты; бижыть, ажъ дви кучкы лежыть,—не втерпила та й ззила.

Затымъ йены (хахлы) й дьошевы, што йихъ не ѣдять; а што бъ йихъ ѣли,—йены бъ дарагій булы. (Лытвыны сміюцця зъ нашыхъ). Черн. Новозыбк.

Зъ Богомъ! семеро свойихъ пишло! (глузують исъ такыхъ спиваквивъ, що якъ утнуть, то наче старци). Черн. Нѣж.

Знала кобыла, на що голобли была—хочъ хвостомъ везы! Харьк. Зміевск.

75. Зъ рудыхъ нема святыхъ. Черн. Черн.

И винъ съ свойимъ требомъ! Харьк. Зміевск.

И гныды кашляють. Харьк. Богод.

Изъ голыка не буде волыка. Черн. Черн.

И крутыцця, мовъ кызякъ въ ополонци! Каневск.

80. И знаю, на якой паласѣ, да не знаю, у якомъ канцѣ! (Буцимъ такъ молодыця казала, понисшы чоловикови обидаты въ поле, якъ винъ тамъ оравъ. Глузують, що у Польщи таки довги та вузьки нывкы, що якъ не знаешъ, у якому кинци, то кругу дасы чымало. У насъ про таки нывы. дывысь № 197). Черн.

И мычокъ не мычешъ, а кашляешъ. (Кажуть на коняку, якъ кашляе) Черн. Борз.

И не радъ за гарячый каминь, да треба обиручъ! Черн. Борз.

И плутаецця, мовъ Настя въ конопляхъ! Каневск.

И самъ не гамъ, и людямъ не дамъ. Черн. Черн.

85. **Й**ижъ, Хома, хочъ ложкы нема! Черн.
Йій-же то-Богу, я бачывъ, якъ собака у Петривку по льоду бигъ! (Петривка—село Городнянського повиту). Черн.
Йому тры чысныця до смерты. Харьк. Богод.

Казавъ Денысъ: матери вашій бисъ! Черн.
Казавъ Тарасъ: начхать на васъ! Черн.
90. Куды стрило, туды й брело. Каневск.
Кыпы, кыпы, кашко, покы прыйде Йвашко. Харьк. Харьк.
Коза не хоче на торгъ, та ведуть. Полт. Конст.
Козакъ-Муха зачепывсь по вуха (па диты). Кіевск.
Козыный кожухъ, а вербови дрова, то й смерть готова. Каневск.
95. Козу водыть (пыты почавъ на довго). Черн. Нѣж.
Колы бъ не клынъ да не мохъ, то бъ и майстеръ здохъ. Черн. Нѣж.
Короста не велыка й не мала, якъ на дубови кора, що ни стругомъ не встругаты, ни сокырою не врубаты. Полт. Конст. (Номис, № 8163).
Котрый кожухъ найковтуноватищый? (Скороговорка). Каневск.
Крыця—не лошыця, вогонь—не кобыла! (Иронія). Полт. Конст.

100. **Л**етивъ горобець черезъ безверхый хливець та вхопывъ гороху безъ червотоку, безъ червоточыны, безъ прачервоточыны, - та й пурхъ, полетивъ! (Скороговорка). Каневск.
Лыхо мое чубатее: нихто мене не сватае! Черн. Черн.

Мали диты спать не дають, а велыки—жыть не дають. Черн. (Номис, № 9191).

Ма́тланкы даты (за волосся посвубты). Харьк. Зміевск.

Матчыно бойло не болыть. Черн. Черн.

105. Мыкыта сино визъ—не довизъ: покынь саны, визьмы визъ. Каневск.

Мы на гроши тильвы голодни, а хлиба слава Богу! (сказала жинка заможна). Харьк. Харьк.

Мовчы, не крычы,—якъ Богъ убывъ, дакъ не хытайсь! Черн. Черн. (А. Гарнье).

Молока! (каже дытына).—Хай же подойимъ быка! (одказують). Черн. Черн. (Номис, № 12378).

На вику доведецця варыть и въ глеку. Черн. Новозыб.

110. Нагомонивъ по сами вуха. Харьк. Харьк.

Нагомонивъ симъ мишкивъ гречанойи вовны. Харьк. Харьк.

На добра́ничъ, воши па́ничъ! (кажуть дитвора одно одному, росходячысь зъ юлыци спаты). Черн.

Найивсь? пытають у дытыны.—Найивсь!—Молы Бога, щобъ не россивсь! Черн. Черн.

На оце: шагъ доложышъ та бублыкъ купышъ. (Сміюцця, якъ хто дае покыдьокъ). Харьк. Богод.

115. Напъецця й слюозъ, абы віозъ. (Про коня: одынъ напувавъ, а другый прыказавъ). Черн.

Наша Гапа за хлибъ лапа,—слава жъ тоби, Господы! (про дытыну, якъ уперше берецця). Харьк. Богод.

Наша перепелычка мала й невелычка пидъ полукипкомъ выпидпидьомкалась. (Останне слово девъять разивъ). (Скороговорка). Полт. Конст.

Нашій Ганни ридный швець. Черн. Черн.

Нашымъ усе чарчына ворочаецця. Полт. Конст.

120. Нашого паламаря нихто не перепаламарюе. (Скороговорка). Полт. Конст.

Нашому ковалеви через юлыцю бондарь. Черн. Черн.

Нашъ Карпо росполукарпывся на маленьки полукарпенята. Каневск. (Скороговорка).

Не було на молоци, то не буде й на сыроватци. Полт. Конст.

Не въ сей день згадуючы. (Якъ про скоромыну збалакаюццця въ пистъ). Черн.

125. Не вирышъ,—забожысь! (Перекручуе: каже, щобъ той забожывсь, хто не вирыть.) Черн. Черн.

Не возомъ тебе зачепывъ! (Чого сердышся,—хыба жъ я тоби що велыке зробывъ?) Харьк.

Не дають и вгору глянуты (дила багато). Харьк. Богод.

Не журысь рано вставшы, молодымъ оженывшысь: рано вставшы—багато вробышъ, молодымъ женывшысь—дитей до розуму доведешъ. Харьк. Богод.

Не журысь, що въ мене нема грошей: и въ тебе скоро не буде. Черн.

130. Не журысь, що нема чобитъ: менше буде клопитъ, а то ще мазаты треба та вбуваццця. Черн. Черн.

Не здобыхомъ-быхомъ! быто Сакова, быто Якова: черезъ бе-ге-ге та втерялы ги-ги-ги. (Злодійи хотилы вкрасты коня (ги-ги-ги), а вивци (бе-ге-ге) счутылы,—йихъ пійимано й побыто). Каневск.

Не здужае здохты! Черн.

Не зивай, Клымку,—на те ярмарокъ. Харьк. Зміевск.

Не знаешъ чымъ удавытысь?—тры пальци въ ротъ! Каневск.

135. Нема сылы сміятыся, а треба пытатыся. Полт. Конст.

Не плачъ, мы заразъ вернемся! (сказавъ поштарь, йидучы черезъ чуже село дытыни, що плакала, сыдючы биля воритъ). Черн.

Не прядецця,—нехай воно зведецця! Черн. Черн.

Не пхай—повалюсь! Черн.

Не разъ сучка санкы мчала (про що неможлыве.) Харьк. Богод.

140. Не трать, куме, сылы,—пускайсь на дно! Черн.

Нехай выясныцця, а то, бачъ, нахмарыло! (Якъ чого хто просе, а друге не хоче даты чы зробыты.) Черн. Нѣж.

Нехай, хлопче, перелопче. Харьк. Богод.

Не шукай моря: въ калюжи втопнешъ. Полт. Полт.

Ни къ Богу свичка, ни къ дидьку ожыго. Каневск.

145. Ни се, ни те—нате, люде, йижте! Каневск.

Ни сило, ни впало,—дай, бабо, сало. Черн. Нѣж.

Ни, це вже балы! (=дудки!) Харьк. Харьк.

Но-о! щобъ вы жыви булы! щобъ васъ попы не ховалы! (на коней кажуть). Черн. Борз.

Однieю рукою поганяе, а другою сльозы втырае. (Кони таки погани). Черн.

150. Одъ хлиба люде мруть. Каневск.

Ой, маснычко! яка ты була!... Якъ бы тебе симъ недиль, а посту одна! Полт. Конст.

Ой ты, рудый, ходы сюды, а ты, билый, стій тамъ. Черн.

Ой якъ бы мойи лита молодыйи,—далеко бъ я бачывъ! Харьк. Харьк.

Оттакый велыкый росты! (пиднимаючы дытыну вгору). Харьк.

155. Оттакойи—пресвятойи, на копійку солы! (Нисенитныцю хто сказавъ). Харьк. Харьк.

Оце той Лазоръ, що я його знавъ. Була въ його сира свыта, дакъ я й тую знявъ. Черн.

Оце ще Ныконъ! (Якъ хто ныкае то туды, то сюды.) Черн. Черн.

Очыма бъ йивъ! (такъ хочецця). Полт. Конст.

. . . .

Паны! по семеро въ (одни) штаны та й ще матня телипаецця! Черн.

160. Панська помыйныця. (Кажуть на тыхъ, хто служыть у панивъ). Черн. См. № 64.

Паршыве порося и въ Петривку мерзне. Харьк. Харьк.

Перепелычко мала-невелычка, чы ты вже выпидпудьомкалася? (Скороговорка). Каневск.

Писля обидъ полежаты часокъ, то завъяжецця сала кусокъ. Черн. Черн.

Пишла бъ туды вытрышкы ловыты. Харьк. Харьк.

165. Побый тебе бабына молытва! Черн. Борз.

Пойивъ сухымъ ротомъ! (кажуть, якъ дытына переверне або розилле те, що йий далы). Черн.

Полекшало нашій матери: то сыдила, а то й лежаты не дае. Харьк. Харьк.

Попивна замижъ хапалася та й доси сыдыть. Черн.

Послидня кахтызьма. Послидню кахтызьму дочытуе. (Кажуть на того, хто скоро вмре). Черн. Нѣж.

170. По старому закону, паляныця попу й дякону. Черн. Черн.

Правда, та щербатенька. Черн. Нѣж.

Прахъ йому й попилъ! Харьк. Зміевск.

Прыгвоздылась якъ гвоздыкъ. Харьк. Зміевск.

Прыйшла ваша собачка та й ззила ваше мнясце. Харьк. Богод.

175. Пры нуждѣ—павозачка, а пры смерти—грабокъ. (Сміюцця изъ лытвынського воза). Черн. Новозыбк.

Продалы, якъ дурно виддалы (дешево). Харьк. Харьк.

Прощавай, скоромыно, йды, писныно! Полт. Конст.

Пъяныця,—пропывъ штаны да й хвалыцця! Черн.

Рада гныда, що выйшла за Демыда, рада воша, що выйшла за Тымоша. Полт. Конст.

180. Разъ, та гараздъ! Харьк. Харьк.

Разъ умираты, не десять разивъ. Полт. Конст.

Ракове здвыженнье. (Кажуть тому, хто допытуецця свята або каже, що свято тоди, якъ його нема). Черн. Городн.

Розбылы глекъ (=посварылыся). Полт. Конст.

Се не возьме тебе болячка, що ты такъ робышъ? Черн. Черн.

185. Сыды, грыбе, покы тебе лыхо здыба! Каневск.

Се такый нисъ, що чуе, якъ на неби млынци печуть. Черн. Черн.

Слова съ писни не выкыдають. Каневск.

Снипъ-якъ снипъ, а молотныка й чортъ визьме. Полт. Конст.

Снылось сныще,—ходыть по двору та й свыще. Чер. Нѣж.

190. Старый довгъ якъ нахидка. Полт. Конст.

Старцю село не накладъ. Черн. Новозыбк.

Съ свойимъ хлибомъ пообидаешъ. (Такый скупый). Черн.

Съ хлибомъ йисть! (кажуть проты того, якъ хто доводыть, що буцимъ отой не пъе). Черн. Нѣж.

Сьогодни хочъ вола ззижъ, а завтра все одно схочецця. Полт. Конст.

195. Сюды тень, туды тень—и промайнувъ увесь день. Каневск.

Сядьмо, щобъ хазяйину болячкы сидалы. (Прымовка проты того: сядьте, щобъ усе добре сидало). Черн. Городн.

Така довга, якъ польська кышка. (Про довгу та вузьку нывку). Черн.

Тамъ така хата: витромъ обгорожена, небомъ укрыта. Харьк. Сумск.

Тамъ тебе хапунъ ухопыть, лызень злыже. Черн.

200. Такъ то и вмерты, лыха не набравшысь! Черн.

Тая, що хвостомъ мотае. Черн. Черн.

Твоя маты у очипку сало товче, а батько у штаняхъ паску святывъ. (Дражнють дитей, и якъ яке не розуміе, то й до плачу доведуть. А якъ инше, то видкаже: «а вже жъ не безъ очипка и не безъ штанивъ!») Черн.—Екатериносл. губ.

Терпы, козаче, горе;—пытымешъ медъ! Полт. Конст. (Номис, № 2406).

Тикай лышъ одъ печи,—попарю плечи! Полт. Конст.

205. Тилькы й земли маю, що по-за нихтямы. Каневск.

Ты його жалій, та тилько щобъ винъ не знавъ сього. (Про дытыну). Черн.

Тысяча висимсотъ высимдесятъ пъятого года уродылася Домаха руда, наробыла кваши двадцять чотыри видра, а вы, куци свыни, пиднимайте хвосты, а бо вамъ черезъ цю квашу бресты. Харьк. Сумск.

Товкачеве вознесеніе. (Кажуть тому, хто допытуеццця свята або каже, що свято тоди, якъ його нема). Черн. Городн.

Требовы й кинця нема. Харьк. Харьк.

210. Трясця на колисцяхъ. (Якъ чого дае трохы). Черн.

Тутъ и соха й борона, и кобыла ворона. (Тутъ його все, якъ бачыте!) Черн.

Тхны—роды! Харьк. Зміевск.

У його усе бубна козырь (=упертый). Черн. Черн.

У кого нема, то не здохне. (Якъ що здохне та за нымъ журяцця, то прыказують). Черн. Нѣж.

215. У людей жменьку (визьменъ), а чортъ у тебе мирку. Черн. Черн.

У насъ грошей лежаныхъ нема. (Такыхъ, що безъ-дила лежать). Харьк. Зміевск.

У ночи хочъ якъ трищыть, а удень все проты сонечка плющыть (=на весну повернуло). Полт. Конст.

Утяла—ажъ пальци знаты. Харьк. Богод. (Номис, № 7533.)

Ухватывъ, якъ собака обметыци. Черн.

220. **Х**ай такы мій чортъ старшый! (=хай буде, якъ я хочу!) Черн.

Хвалы товаръ,—руку выдко! Каневск.

Хай такы мое зверху буде! Харьк. Харьк.

Хыба я вамъ межу переоравъ, чы що? (=Я жъ вамъ ничого не зробывъ,—за що жъ гниваетесь?) Черн.

Хочъ голубъ дыкый, хочъ вовкъ молоденькый. Черн Борзенск.

225. Хочъ горшкомъ звить, абы у пичъ не ставлялы. Черн. Нѣж.
Хочъ лычаный, та не позыченый Харьк. Харьк.
Хочъ не тильный, а телысь! Полт. Конст.
Хочъ свыни йилы, хочъ шляхта попасувала. (Кажуть на тыхъ, хто кившы понагыжувавъ). Черн. Городн.
Хочъ съ колина выколупы! Черн. Городн.
230. Хочъ у самій льоли, абы до любовы. Харьк. Богод.
Хочъ чынъ ледачый, та ковниръ стоячый. Черн.
Хочецця йисты, ажъ шкура болыть. Полт. Конст. (Номис, № 12136).
Хрестъ на хрестъ не вадыть. (Кажуть, якъ двичи або трычи перехрыстыцця). Черн.
Хто бреше, тому лекше. Харьк. Харьк.
235. Хто везе, того й поганяють. Черн. Нѣж.
Хто годуе, той и бъе. Черн.
Хто не вгуренъ, той не голоденъ. Каневск.
Хто празныка пытае, той пани-стару латае. Харьк. Харьк.

Чымъ вы, хлопче, дома втыраетесь?—Батько—рукавомъ, маты—подоломъ, а я на печи такъ сохну. Черн. Городн.
240. Чы надобень надолобень?—поганяй соби дальше. Каневск.
Чого зажурывсь? Що молодъ оженывсь? Черн.
Чого це я сыжу? (Треба, бачъ, иты).—Такъ ляжте полежте! (одказують). Черн. Черн.
Чортъ його наплачецця, якъ що-дня мруть! Полт. Конст.
Чортъ биса пизнавъ та й на обидъ позвавъ. Каневск.

245. Щобъ ты ходыла увесь свуй викъ, якъ витеръ у поли! Черн.

Штурхъ Панька въ око, а вивъ и' такъ слипый. (Подольск. губ. І. Журавскій).

Щаслывому грыбы брать, а нещасному сорочку драть. Черн. Черн.

Щобъ на тебе свитъ не свитавъ и сонце праведне не сходыло! Харьк. Харьк. (Номис, № 3770).

Щобъ тебе грець попоносывъ на вылахъ! Харьк. Харьк.

250. Щобъ тебе орда взяла! Полт. Конст.

Щобъ ты зозули не почувъ! Каневск.

Щобъ ты каменемъ сивъ! Каневск.

Що се тоби? прадиды въ вичи лизуть? (Пытають, якъ хто бува не до ладу почне казаты що). Черн. Черн.

Що ступне, то й брехне. Харьк. Харьк. (Номис, № 6913).

255. Щось гавка на собаку. (Слова переставляно). Полт. Конст.

Що тато робе?—Пообидавъ та хлибъ йисть. Кіевск. (Комаровъ, № 573).

Що ты снидавъ?—Дайте хлиба, дакъ скажу. (То бъ то: ничого). Черн.

Що це на тебе Пылыпивка насила? (Кажуть на людыну, якъ кашляе, бо у Пылыпивку мнуть конопли, и зъ йихъ летыть такый пылъ, що нехотя закашляешъ). Черн. Борз.

Що якъ-бы у тебе отакъ ротъ стоявъ? (пытають у того, хто йде и двери навстяжъ кыне). Черн.

260. Якъ бы дитки усе спалы, то не булы бъ маткы

стари; а якъ бы диткы не мерлы, то воны бъ и небо пидперлы. Черн. Черн.

Якъ бы не мерлы, то и небо бъ пидперлы. Черн. Нѣж.

Якъ де робыть купа, то не болыть у пупа. Харьк. Зміевск. (Номис, № 10761).

Якъ есть старый кустъ (?), такъ и двиръ не пустъ, а якъ есть стари люде, такъ и всього прыбуде. Черн.

Якъ куры съ сидала повстають, такъ и снигу не буде. (Такъ скоро зійде, що тилькы до курячого вставання додержыцця. (Про недовговишнье що). Харьк. Зміевск.

265. Якъ на скору робыцця, дакъ слипее родыцця. Черн.

Якъ не дасть Богъ смерты, то не возьмуть и черти. Черн.

Якъ посіешъ наволокомъ, то и вроде якъ нарокомъ, а якъ посіешъ густо, то не буде пусто. Харьк. Харьк.

Якъ рука въ гною, дакъ душа въ раю. Черн.

Якъ разъ Савци свыта, мовъ на його й шыта. Каневск.

270. Якъ хто икне, то каже: хтось спомынае!—А якъ дивчыни, то додають:—хто за свою мае. Черн. Черн.

Яке тоби дило, що робыть Самійло?—про те Ганка зна! Полт. Конст. (Номис, № 9579).

272. Яки бъ це ридниши родычи? Полт. Конст.

---

191. ЗАГАДКИ.

(Загадки, взятыя изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго, обозначены сокращеніемъ: «*Т. Зиньк.*» а доставленныя В. Ф. Степаненко—«*Каневск.*»)

Визъ, саны та ярмо. 1. Одно каже: мени зимою лучче, друге каже: мени литомъ, а трете каже: мени хочъ

лито, хочъ зима,—перемины мема. Зміевск. у. Харьк. губерн.

Видра та коромысло. 2. Дви сестрыци пишлы напытысь водыци, а братъ зигнувшысь стоявъ та сестрычокъ чекавъ. Каневск.

Вииыкъ. 3. Крутыцця-вертыцця, пидъ прыпичкомъ спать ляговыцця. Каневск.

Вогонь. 4. А що важче видъ усього? (Зміевск. у.)

Гадюка. 5. Середъ лиса-лиса лежыть шматъ зализа—ни втять, ни взять, ни на визъ положыть. Сумск. у. Харьк. губ.

Годынныкъ. 6. Стука та й стука,—що воно за штука? Кому воно въ прыгоди? Кумедія та й годи! Каневск.

Гребинець та воши. 7. Чорный бутурлынъ зъ горы свыни потурлывъ. (Зміевск. у.)

Гримъ. 8. Заривъ вилъ на сто гиръ, на тысячу болотъ. (Т. Зиньк.) 9. Бигъ кинь билобокый черезъ яръ глыбокый, якъ заиржавъ,—на ввесь свитъ чуты. (Подольск. губ.—Т. Зиньк.)

Груды. 10. Жовте якъ вискъ, надуте, якъ михъ, на столи не бувало, а ввесь мыръ прогодувало. (Сумск. у.)

Гуска на яйцяхъ. 11. Сыдыть на билыхъ горахъ, дожыдае жывыхъ и мертвыхъ. (Зміевск. у.)

Двери. 12. Одно рядно симъ бабъ тягло. (Зміевск. у.)

Дзвинъ. 13. Божу хвалу за хвистъ тягнуть, вона крычыть кгвалтъ! (Т. Зиньк.)

Иванъ Хрестытель охрестывъ. 14. Що Богъ не мавъ, чортъ не хотивъ, а чоловикъ Богови давъ? (Т. Зиньк.)

Калына. 15. За лисомъ, за пролисомъ червони чоботы высять. (Зміевск. у.)

Карасеръ. 16. Якъ розиллешъ—вонюче, а запалышъ—горюче. (Сумск. у.)

Комарь. 17. Летила пташка шырокоуста, свыснула, гукнула громкымъ голосомъ, ззила царя й царыцю, короля й королыцю, рыбы не йила, бо въ води. (Сумск. у.)

Коромысло. 18. Два прямыхъ, одынъ горбатый та и йиздять по жинкахъ. (Зміевск. у.)

Ложку несуть чотыри велыки пальци та пъятый мезынный. 19. Чотыри чотыречкы та пъятый Макаречко несуть крывулечку черезъ тынъ та въ вулечку. (Т. Зиньк.)

Макивка. 20. Повна бочка жыта, пъятачкомъ накрыта. (Т. Зиньк.)

Мисяць. 21. По надъ лисомъ-лисомъ высыть дижа съ кистомъ. (Т. Зиньк.) 22. По пидъ лисомъ-лисомъ котыцця дижа съ кистомъ. (Сумск. у. Харьк. губ.)

Мисяць та зирочкы. 23. Шматокъ хлиба горохомъ прысыпаный. (Зміевск. у.)

Морозъ, крыга та весна. 24. Прыйшовъ дидъ, зробывъ мистъ прыйшла дивка красуха, по мосту тупа,—мистъ розвалывся, а дидъ ажъ на мори опынывся. (Сумск. у.)

Мычкы у коней. 25. Чотыри дида назадъ бородамы. (Славяносербск. у. Екатерин. губ.)

Мыша, пивень, китъ, хливы, пичъ. 26. Выйшовъ царь земляный п пыта царя Куркодыма, чы не бачывъ царя Цурупала.—Ни каже, бачывъ: ходывъ пидъ Грыгородамы и пишовъ на Бытынську гору спочываты. (Сум. у.)

Образа, прыкристь. 27. Гостре, а не нижъ, риже, ажъ до сердця доходе, а кровъ не йде. Каневск.

Огирокъ. 28. Лежыть пидъ хворостомъ мыша съ хвостомъ. (Зміевск. у.)

Очи. 29. Безъ виконъ, безъ дверей туды ввійшовъ Галлелей. (Сумск. у.)

Перець. 30. Чорненьке, маненьке усе поле збигало, а въ короля пообидало. (Зміевск. у.)

Поригъ. 31. Маленькый Макарчыкъ уснмъ... пидглядчыкъ. (Зміевск. у.)

Свичка. 32. Кистками товчу, вытовкую, у печи варю, вываpюю, прыжарюю, кручу, верчу, въ середыну вирьовочку вкладаю и царю на подарокъ ставляю. (Сумск. у.)

Сволокъ. 33. Цыганка въ хати, а цыцькы на двори. (Славяносербск. у. Екатер. губ.)

Смерть. 34. Надъ Бога менча, надъ царя старша. (Зміевск. уѣзда).

Старци. 35. Загадаю загадкы на тры граматкы, шо тымъ трьомъ попередъ викномъ. (Зміевск. у.)

Ступа. 36. Не бый мене, не лай мене,—лизь на мене й хытай мене, до самого поту проганяй охоту. Каневск.

Терныця. 37. За горою камъяною безчерева сучка бреше. (Т. Зиньк) 38. За лисомъ, за пролисомъ таратайка бреше. (Т. Зиньк.)

Церква. 39. Стойить дона на донахъ, на дванадцяты ногахъ. (Славян. у Екатер. губ.) 40. Стойить кгонъ на кгонахъ на дванадцяты ногахъ, клыче сына Северына изъ Билагорода. (Богодух. у. Харьк. губ)

Церква та люде. 41. Стойить верба, паросты пустыла до кожного двора. (Зміевск. у.)

Цыбуля. 42. Ты въ кожній господи въ великій прыгоди, а хто роздягаты тебе визьмецця, той слизьмы заллецця Каневск.

Штаны. 43. Шляхомъ пишовъ та два знайшовъ,—я надивъ йихъ на себе та й зъ дому пишовъ. Каневск.

Яйце. 44. Кругленьке, маненьке; впаде—розибъецця,—такого бондаря нема, щобъ його зложывъ. (Т. Зиньк.)

45. Видъ чого качка плыве?—*Видъ берега.* Каневск.

46. Скилькы спыць треба въ добре колесо?—*Ни однойи.* **Канев.**

ДОБАВЛЕНІЯ.

(Матеріалы, доставленные во время печатанія).

Къ отдѣлу 1-му.

192. ДРИКЪ ТА ВИЛЪ.

Казавъ здруоку вуолъ:

— Я бъ одъ тебе утьокъ, екъ бы не боявся, що земля провалыцця!

А здруокъ йому каже:

— Я бъ тебе на дуба загнавъ, дакъ не можу за реготомъ.

А воно, бачыте, здруокъ, якъ уджыгне скотыну, то заразъ и впаде додолу; тутъ його заразъ и накрывай шапкою, а такъ зроду не поймаешъ.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

193. КОМАРЬ ТА ОВОДЕНЬ.

Казавъ комарь оводню:

— Якъ-бы на мени така одежа, якъ на тоби, дакъ я-бъ съ хлопцямы дрова рубавъ.

Бо бачъ, яки ци проклятійи комари: усе лито воны до самойи осены кусаюцця, и хочъ якый холодъ улитку, то не бояцця, дарма що таки сухи; а якъ-бы, мовлявъ, на йому така одежа, якъ на оводню, то й именно, що й зимою-бъ кусалы кони да товаръ.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

194. ГУСЫ.

Гусы якъ идуть у шкоду, дакъ и розмовляють:

— По два на колосокъ! по два на колосокъ!

А тилькы вберуцця въ шкоду, такъ и закрычать уси:

— Всякъ соби! всякъ соби!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

195. КУЛЫКЪ.

Якъ зацвите гречка, дакъ кулыкъ литае да й крычыть:

— По-о-о-гыбъ! по-о-о-гыбъ!

Скризь биліе, дакъ винъ и думае, що снигъ выпавъ

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

196. СОРОКА.

На Сорокъ Святыхъ сорока на гниздо покладе сорокъ палычокъ.

На Похвалу сорока похвалыцця яйцемъ — знесецця.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

197. ЗИНСЬКЕ ЩЕНЯ.

Нащо зинське щеня рыеть?—На те, щобъ Богъ йому давъ очи. Богъ сказавъ йому, щобъ воно нарыло стилько кучокъ, скилько на неби зирочокъ.

(Зміевской у. Харьковской губ.)

Къ отдѣлу II-му.

198. ПЫПОТЬ.

Пыпоть (*типунъ*) у курей писля ячменю робыцця,— воны тоди кыркають. Бабы вміють його зрываты.

(Кіевск. губ.—Изъ бумагъ Т. А. Зиньковскаго.)

199. НОВЕ ЙИСТЫ.

Якъ що уперве (того року) почынають йисты (курча, яблуко, огирокъ), то перегынають за голову руку и загодовують отакъ: «нова новына, щобъ не боливъ ни жывитъ, ни голова!»

(Валковскій у. Харьковской губ.)

200. ПРЫКМЕТЫ ОДЪ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

1. Колы скотына выбрыкуе, йдучы до воды або на пашу, то треба чекаты дощу.

2. Колы собака або китъ пасецця,—буде дощъ.
3. Колы влитку вранци роса буде на трави,—чекай на другый день годыны, а якъ нема йійи,—буде негода.
4. Колы у мисяця молодыка гостри рижкы,—буде дощъ, а якъ тупи—посуха.
5. Колы галычъ у повитри шугае, буде хуртовына, а колы понадымаецця—дощъ.
6. Якъ мае буты буря,—скотына пидіймае морды й нюхае напроты витру.
7. Колы мыша влитку высоко гниздо мостыть, буде дуже снижна зима, а якъ навпакы,—то снигу буде мало.
8. Колы дымъ стелецця зъ вывода по земли,—буде дощъ, а якъ-же йде вгору ривно—буде морозъ.
9. Колы собака качаецця по снигу, чы й по трави,—буде тепло
10. Колы мисяць и зори понадымаюцця,—буде витеръ.
11. Якъ мисяць або сонце обгорожено кругомъ—буде лютый морозъ, а влитку—витеръ.
12. Колы скрыпка або бандура голосно грае,- буде одлыга або й дощъ.
13. Колы на Стричення капае съ стрихы,—буде капаты ще й зъ носа видъ морозивъ; колы жъ буде холодно, то буде къ посту тепло й скоро лито.
14. Яка годына на Благовищення,—така й на Велыкдень.
15. Колы влитку въ хати багацько блихъ,—буде гречка рясна.
16. Колы снигъ иде до нового року, буде врожай на озымыну, а пислля нового року—на ярыну.
17. Колы на Явдокійи витеръ віе зо схидъ сонця, буде щастя рыбалкамъ на рыбу. (Каневъ).
18. Колы зимою заметы лягають блызько коло тынивъ,—буде на все врожай, а колы далеко,—на все сутужно.
19. Якъ выкыдають съ пидъ кути сино, треба тамъ по-

шукаты волосыны, и якойи масты видшукаецця,—такойи масты скотына буде йты у руку.
20. Колы дижа лущыть,—скоро весилля буде.
21. Колы пивень на покути знадвору заспивае,—чекай певныхъ гостей.
22. Якъ дивка заплитаецця, и все права коса товща, то ся дивка пиде за парубка, а колы лива,—за удивця.
23. Колы сычи кукуваквають на хати,—треба чекаты мерця въ хати; а колы борушкаюцця вдвохъ, а описля й покотюцця по крыши ажъ додолу,—повынно вмерты въ хати ажъ двое и дуже швыдко.
24. Колы каша, якъ варышъ, вылизе зъ горшка,—чекай мерця въ господи.
25. Колы окона впаде ни съ того, ни съ сього съ стины,—чекай мерця въ хати.
26. Лава трищыть,—на оказію въ хати.
27. Багацько мышей зъявляецця—на голодъ.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

Къ отдѣлу III-му.

201. ЯКЪ ВЫПЫСУВАТЫ ПРОПАСНЫЦЮ.

Щобъ пропасныця покынула трусыты, визьмы й вы пышы на чвертци паперу ось ци слова, що будуть потимъ; згорны сей напирець у восьмеро, перевъяжы його ныткою и вкынь у воду, на ричку, а йдучы видъ ричкы й до ричкы не повыненъ ни съ кымъ и слова мовыты,—навить хто скаже: «добрыдень» не одповидай ничого й не озырайся назадъ.

На папиръ той выпысують ось яки слова: «ишлы Ыродовы дочкы на свитъ окрашеный; зустричас нхъ Божая Маты й пытае: «куды вы йдете, Ыродовыи дочкы? —На свитъ окрашеный.—«А чого жъ вы йдете?»—Тила въялыты, серця сушыты, червону кровъ збавляты й жовтую кисть ламаты раба Божого (имя рекъ).—«Авраме, Авраме,—визьмы ты сыхъ Ыродовыхъ дочокъ, зачыны йихъ зализнымы дверыма й замкны зализнымы замкамы, щобъ воны на свитъ украшеный не ходылы, тила не въялылы, серця не сушылы, червонойи кровы не збавлялы й жовтойи косты не ламалы».
(Записалъ В. Ф. Степаненко въ 1895 г. отъ Ивана Корн'енка, стараго дида который всѣмъ «выпысуе пропасныцю» въ с. Полствинѣ Каневскаго уѣзда Кіевской губ.)

202. СЕЛЬСКІЙ ЛѢЧЕВНИКЪ.

Нижепомѣщаемая рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненко и находилась въ бумагахъ его отца, грамотнаго и много читавшаго церковно-славянскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ крестьянина изъ села Полствина Каневскаго у. Кіевской губ., Ф. Д. Степаненко. До женитьбы онъ служилъ на красильной фабрикѣ и въ это время много записывалъ изъ устъ народа сказокъ, пѣсенъ, знахарскихъ обычаевъ и пр. Но потомъ, подъ вліяніемъ чтенія религіозныхъ книгъ, сжегъ все собранное какъ грѣховное и неугодное Богу; случайно сохранилось только кое что. Печатаемая рукопись писана однако не его рукою и, по словамъ В. Ф. Степаненко, написана Пилявскимъ священникомъ. Она представляетъ изъ себя тетрадку въ восьмушку толстой синей бумаги; начинается съ 9-го листка и кончается 48-мъ; кромѣ того, въ срединѣ не достаетъ 24 листковъ. Письмо конца XVIII в.; мы вполнѣ сохранили правописаніе, исправивъ иногда лишь знаки препинанія; кромѣ того, предлоги, почти всегда соединенные съ существительными и прилагательными, мы отдѣлили, а съ глаголами ихъ, гдѣ слѣдуетъ, соединили. Всѣ «способы» на «хворобы» и иные случаи расположены въ рукописи въ алфавитномъ порядкѣ; приписки на поляхъ тоже поставлены въ требуемомъ алфавитомъ мѣстѣ.

Большая часть этихъ «способовъ» выписана вѣроятно изъ рукописей, но есть и записанные прямо изъ устъ народа, напр. при статьѣ: «Способъ найлучшій, чтобъ пшеницья родила и зони не было»—означено отъ кого записано средство: «Данило з Ромашокъ шинкаръ.»

Другій способъ гостецъ лѣчити.

Мѣсто декокту: нарѣзать одънолѣтковъ дубини, вѣльшини и зѣноватѣ, материнки, конетню и бородача съ корѣнямъ, и тое все въ купу по ровной часътѣ посѣкти дробно якъ можна и варити въ лехкомъ жару цѣліи (*) сутки; тимъ образомъ точно яко же и декоктъ, а люкраціи, сиесть лакорицѣ чили папоротѣ солодкои до тихъ зѣлій употреблять ненадобно; пить надобно тое такъ, якъ и декоктъ—рано, въ полудень, нанощъ и частѣе—шесть недель, а иногда и болше.

А Меркурій исътерти мяхко и водкою крѣпкою или спиритосомъ розвести и рани рано и нанощъ ежеденне мазати, а липовимъ листямъ молодимъ сиримъ или сухимъ розъпаривши обкладати рани; или листямъ лататямъ водянимъ, которое на водѣ поверху плавае, а оно есть круглое и величиною якъ тарѣлки; аще гостецъ сухій, то липини ненадобно. Пищу и питіе имѣетъ принимати точно такую, яко и прежде съ декоктомъ; надобно тое лѣкарство всегда пить теплое;

въ той болѣзни можна пить воду теплую;

въ ваннѣ надобно парится ежеденъне; ванну суху надобно дѣлати такимъ образомъ,—вълѣзти въ ванъенку, съ веръха накриться и на камень крѣпко горящій по немножко сипати декокту, или вареного вересу, или теплой води.

(*) Вездѣ, гдѣ въ этомъ № и въ № 204-мъ, стоитъ буква и, тамъ въ рукописи стояло и съ горизонтальной черточкой сверху; въ типографіи не оказалось этой буквы съ такимъ знакомъ, почему и пришлось поставить въ такихъ случахъ и.

Другая ванна.

Вересу горъщокъ большой изъварити и висипати у вѣдро, или другую зъгодную судину, и каменей три розпалити, и кидати по одному, и стати надъ парою, или сѣсти, и върритися по шію, чтобъ добре въпотѣти,—а по ваннѣ вииити декохту, положится, въкритися, чтобъ потъ пройшолъ.

Способъ, чтобъ гречка рясна била.

Уважай по новомъ году, якои неделѣ и якого дня первій иній сяде,—то по свѣтломъ воскресеніи, такой неделѣ и въ такій день сѣять надобно гречку, то будетъ рясная.

Другій способъ на тое.

Уважай якого небесного мѣсяця и якои кватири, и въ которій день, первій иній сяде; аще зимового якого мѣсяця, первого, или второго, или третого, то такого мѣсяця лѣтъняго, и такои кватири, и въ такой день, надобно гречку сѣяти, то будетъ именно рясна; аще осѣнного мѣсяца небесного Ноября, то сѣй весъняного мѣсяця Мая небесного.

Съпособъ гнылецъ съ пчелъ вигубляти.

Надобно сахаръ бѣлій вътерти и съ водою непочатою добре съварити и тимъ пчели заражени гнилъцемъ съколъко дней годовати, хотяй 3 или 4 днѣ, то конечне гнилецъ вигубитъся.

Другій способъ, якъ мотелицю съ пчелъ вигублять.

Надобно Мая мѣсяця, или когда небудь, нарвати зелія копетню съ корѣнямъ, и оній копетень въ водѣ не початой съ медомъ добре съварити, и давати пъчоламъ ести съколъко разій, то пъчола вичиститъ мотелицю.

Гаданіе якій предъидущій будетъ годъ, хорошій или худій.

Аще хоцеши вѣдати, якій иматъ предидущій бити годъ, то въ день чуда святого Михайла, знайди дубовіи яблучка и разъ-лами ихъ, и аще обърящеши въ немъ паука, то худій годъ будетъ; аще же муху, средній годъ будетъ, аще же червѣе, то добрій годъ будетъ а егда ничтоже обрящеши, то боятися треба морового повѣтра. Аще дубовіи яблочка въ срединѣ будутъ добріи, то и лѣто будетъ доброе, и будетъ урожайное всякимъ сѣменемъ земънимъ; аще же тіи яблочка будутъ въ срединѣ мокріе, то и лѣто будетъ мокрое; аще же будутъ сухіи, то и лѣто будетъ сухое,—и сіе надобно вѣдать.

Вѣстно ти буди, аще есть когда пебудь знаменіе воздуха тихое, теплое и мокротное, то въ тое время въ путь ити, жениться, сѣяти, новія одежди дѣлати, будоватися и прочая и прочая.

Октоврія мѣсяця противъ 31-го числа зъвечера взявъ води въ склянницу полную якъ можна и поставъ на столъ на всю нощъ, а вранцѣ узри, аще вода въ скляници прибудеть и чрезверхъ потечетъ на столѣ, то лѣто доброе дощовое и роджанное будетъ, аще же вода въ скляници неприбудетъ, то худій годъ будетъ.

Лѣкарство на гризъ, аще будеть въ спинѣ или въ другой якой костѣ.

Викопати корень зелія переступня якъ можна увесъ що до кришки, а въ тую ямку положити хлѣба кусокъ, солѣ и денежку и того кореня нашкребчи и зъ масломъ смажити и на платку прикладати до спини. Корень аще не увесь виви копаешъ, то не поможетъ.

Способъ къ пользѣ человѣка.

Дитя, когда матеръ отълучитъ отъ перъсей своихъ, нехай же тому дитяти не дастъ въ понеделокъ по жизнь его жадного скорому исти, не толко отъ мясъ, но и отъ млечнихъ снѣдей и яецъ, даже до съмерти; то тое дитя будетъ добротливое во всемъ и будетъ помоществовати въ молитвахъ Сватихъ, и въ различнихъ лѣкаръствахъ.

Лѣкарство на дике мясо.

Аще будетъ на якомъ нибудь удѣ дикое мясо, то надобно засипати рану ско(лко) разій синимъ каменемъ, то камень виисть; но надобно хорого въпоити водкою, бо буде кричати зѣло.

Другій лѣкворъ на тое.

Стругати надобно пагностѣ и засипати сколько разъ.

Третій способъ на тое.

Моръковъ стругати и прикладати.

Лѣкарство на живѣтъ или бѣгунку, сіесть рѣзачку.

1. Аще попъсуется животъ, то надобно куперъвасу спалити лотовъ зо три и росътерти надобно, и пити съ водъкою густо наколотити на нощъ, и натощахъ въранцѣ сколъко разій.

Другое лѣкарство на тое.

2. Перъцю надобно тры десять зеренъ отълѣчити и рано натощахъ той перецъ цѣлій ковътнути несколько зеренъ, то рѣзачка вѣймется.

Третое лѣкаръство на тое.

3. Надобно раковихъ жоръновокъ, сиесть камѣнцовъ, зъ двайцять или съ трійцять мяхко истерти и съ водъкою крѣпткою пити рано натощахъ, въ полудень и на нощъ, то рѣзачка уймется.

Способъ на ослабителній животъ.

Костей товарячихъ и косточокъ съ дахталѣвъ съпалити на попѣлъ и натощахъ въ тепловатой водѣ дати випити, то установится.

Лѣкарство до живота на с...ку.

4. Надобно пить сѣръку къруглую или лѣбрину съ водъкою или въ сировъцѣ рано натощахъ, въ полудень и на нощъ съколько разъ.

5. Надобно г...а свинячого спалити и пити въ ивѣ или сировцѣ чили въ водѣ.

Лѣкаръство до живота на рѣзачку.

5. Надобно пить натощахъ Меръкурію съ водъкою но немного, вопервихъ (ростеръти) сътолько, якъ проса зеръно, въдруге сътолько, якъ полъ сѣмя, въ третій разъ цѣле сѣмя, а больше, якъ есть зеръно сѣмя, не принемай, бо умрешъ; такъ съколько разъ сіе употриби, то рѣзачка и ут(р)оба уймется.

Лѣкаръство на жовъни.

Надобно сосонку (зеліе) полевую варити, которая росте на поляхъ въ якой небудь пашнѣ или на чистому, и оную добре уварити, накривши крѣпко, но смотри чтобъ не збѣгала, а уваривши, то тоею сосонкою жовни обкладати, а юшъкою

очень теплою часто поливати; а попаривши надобно горупки, а иначей съверѣпки, чили рѣпки, сієсть рѣпаку, (которая росте на полѣ въ гречцѣ или въ просѣ и въ другомъ мѣсцу), насѣня натеръти мяхъко и съ медо преснимъ патокою съмажыти, и оною мастею платки бѣліи старіи мазати и на рани прикладати въ день и наноцъ, но прежде зеліемъ сосонкою въсегда окладати и юшъкою парити долго хотя и четири, пять, а посъля плясътри класти, то конечне пріймети увраческваніе.

Лѣкаръство на жовътяницѣ.

Надобно дерева зостѣля галузокъ наламати и наварити въ непочатой водѣ и тимъ хорого обмити до сходъ слонця въ первій четверъ, но на такомъ мѣсцу, где народи не ходятъ.

Другое лѣкарство на жовътяницѣ.

Надобно лина разъплатати и со въсѣми его утробами, якъ естъ не полочучи, до перъсей прямо серъдца прикласти на цѣлую добу, а на другую добу другого лина, а на третую добу—третого, а можна еще и больше, то Богъ дастъ помощъ.

Третое лѣкаръство до жовътяницъ.

Священникъ когда отъслужитъ литуръгію святую, то руцѣ своя нехай уміе надъ килѣхомъ и тоею водою пополоче килѣхъ и тую воду тамъ же мѣстѣ больному дать випить и посмотрить въ килѣхъ.

Лѣкаръство отъ жовътяницъ.

Наварити свинячихъ кизякѣвъ горщокъ чили два и въ тихъ скупати хорого и той купѣлъ на распутияхъ виллъяти или на распутіяхъ досходъ слонца хорого облити нагого и йти додому, не озирайся и малѣйше.

Еще отъ жовътяницъ.

Надобно съ черчатого пояса нитку витягнути въ долготу хотяй 3 локоть и тую нитку въ купелъ въложити, нехай зъварится, и въ томъ дитя съкупати раза вдва или три толъко, купелъ кождого раза чтобъ билъ свѣжій и вилитъ купелъ тамъ, где народъ не ходитъ.

Лѣкаръство до зубѣвъ

1. Якъ випаде дитяти первій зубъ, то той зубъ озми и въ хлѣбъ мяхъкушку залѣпи и собацѣ дай зъисти, то никогда не будутъ болѣти.

Другое лѣкаръство до зубѣвъ.

2. Шъпигинару краплѣ едну или двѣ исъпуститъ на зубъ болящій, то замъре въ нѣмъ черъвякъ, и перестане зубъ болѣти, но острожне, даби яселъ не заразитъ.

Третое лѣкаръство до зубѣвъ.

3. Възять надобно насѣня съ зелія блекоти званного, а иначеи нѣмицѣ, а еще иначеи люлокъ, и тое насѣня вътерти мѣлъко очень и зъмѣшати зъ воскомъ пополамъ и съ того зъдѣлати свѣчку, а якъ начне зубъ болѣти, то надоб въ тое время тую свѣчку запалити и деръжати прямо зуба болящаго, ротъ розънявши, чтобъ пламень горяздо доходилъ до зуба болящаго.

Лѣкаръство до зубѣвъ.

4. Надобно сону кореня прикладать до зуба болящаго такого, которій не цвѣте нѣкогда.

Лѣкаръство на болящіи зубы.

5. Святому священно-мученику Антипѣ тропаръ и кондакъ надобно читати до кождого мѣсяця нового, якъ только

перъвый разъ обачишъ, то не будутъ нѣкогда болѣти. Априля 11. Еще и день его постити ежегодне.

Лѣкаръство на болящій зубъ.

6. Аще зубъ болитъ съ правой сторони передній, то надобно съ правой съторони зъ воза, съ передъного колеса, смоли възяти и на зубъ болящій приложити на цѣлій день, чили на нощъ. Аще же съ правои сторони задній зубъ болитъ, сиесть кутнѣй, то съ колеса задъняго правой сторони взять смоли и прикладать. Аще же сь лѣвои съторони зуби которіи болять, то съ колесъ съ лѣвои сторони воза смолу бери по обичаю, яко же прежде речеся, и прикладай, то за помощею Божіею перестануть навсегда болѣти.

Надобно прикладати ɡалясу (*) (сіестъ орѣхъ чернилній) надвое розрѣзати.

Еще громовихъ трѣсокъ наварити и парити.

Лѣкаръство на болящій зубъ.

7. Аще кого зубъ болитъ, сице твори. Воперъвихъ надобно написать на бумазѣ латинскими великими початьковими словами MACREUS, посемъ хлѣбъ житній взяти цѣлій; изъ оного хлѣба надобно цѣлушку малую отъ себе ножемъ зърѣзати и тую цѣлушку (сіесть окраецъ) болящему зубомъ въ руку правую дати да нехай деръжитъ, а хлѣбъ, изъ него же изърѣзалъ еси цѣлушку, положитъ на столъ, а карътку, на нейже написанъніи слова MACREUS, лѣкаръ дольженъ въ руцѣ своей правой деръжати, а ножъ въ лѣвой руцѣ и тимъ

(*) Здѣсь вмѣсто буквы ɡ въ рукописи стоялъ иной знакъ для обозначенія этого звука, похожій на букву г, въ которой правый кончикъ обращенъ остріемъ не внизъ, а вверхъ.

ножемъ перъвое слово M накрити, чтобъ того слова и трохи не видно било, а накривъши слово, питать больнаго, чи болитъ тебе зубъ; больній дольженъ праведъно признать, аще болить крѣпъко, аще легъчае, то такъ вѣръно и казатъ. Потомъ другое слово A тимъ же ножемъ накрить и питать больнаго такъ, яко же и прежде, чи болитъ тебе зубъ, чи все еднаково, чи уже легъчае и не такъ, а болъній долъженъ вѣръно сказать, чи однаково болитъ, чили легъчае и не такъ чили уже совъсѣмъ не болить, и такимъ объразомъ на жодное слово ножъ покладать и по обичаю питати болъного, чи болитъ еднако, чили не такъ, или уже совъсѣмъ не болить; а болъній вѣръно долженъ въсегда отвѣщавать, то истинно зубъ перестане болѣти. И сіе вѣжъдь: аще на которой лѣтелѣ соверъшенно перестане зубъ болѣти, то уже болѣе на другихъ лѣтерахъ о той болѣзни не треба болънаго питать, но уже имѣешъ на той же лѣтерѣ перестати о болѣзни питать, на которой пересталъ зубъ болѣти. А когда же за первимъ разомъ на всѣхъ лѣтерахъ питавъшися не престане зубъная болѣзнь, то начни и другій разъ по обичаю отъ перъваго слова и до послѣдъняго питати; аще же и за другимъ разомъ не перестане, то треба начати и третій разъ порядочно питать, то за помощію Божію прійметь цѣльбу.

Лѣкаръство до зубѣвъ.

8. Аще которій зубъ болитъ, то надобно до того болящаго зуба приложити грудочку соломянику или сътеръти и въ тонъкій платокъ завязати и прикласти до зуба на нощъ чили на нощъ, то зубъ зъ яселъ совъсѣмъ вилѣзе и випаде.

Лѣкаръство до зубѣвъ.

9. Аще зубъ которіи болить, то накопать надобно чорънобеля кореня Мая мѣсяця, а можна когда небудь, а подъ

корень положи на томъ мѣсцу хлѣба окрайчикъ и солѣ и того чорънобеля съвари въ водѣ непочатоп и тоею юшъкою гарачою зубъ болящій попарити два или три раза, то больше никогъдаже не будуть болѣти, а болящій викришится.

Лѣкаръство до зубѣвъ.

10. Аще которій зубъ болитъ, то надобно възятъ сливъки венгерки половину безъ кѣсътки и посипати тую сливку перъцемъ съ середини и такъ прикладай на зубъ болящій, то за помощію Божію приймеш цѣльбу.

Лѣкаръство на запѣръ живота.

1. Надобно глядѣти павутини зъ внутръ въ клуняхъ или въ хижахъ или въ другихъ мѣстахъ, въ той павутинѣ знайдешъ на сподѣ мѣшечки и набери тихъ мѣшечковъ со всѣмъ, що только въ нихъ будеть и съпали ихъ въ черепъку на огни и той попелъ розъмѣшай съ водою теплою густо или съ сировъцемъ, а еще лутъше зъ дрощами добрими чаровъ зо двѣ или съ три и дати теплое випити и зачати много ходити, а ложится ненадобно, то всеконечно пронесе.

Лѣкаръство на запѣръ живота.

2. Надобно боряка солодъкого или моръквы застругати съ похова чопомъ, а медъ прѣсній пересолити и той борякъ, чили моръкву, въ той медъ въложити на цѣлу годину или двѣ; по семъ той борякъ, чили моркву, зъ меду възяти и въпхати въ задній нижъній сосудъ больному.

Способъ на запѣръ живота, для вичищенія жолудка.

3. Надобно набрати коровячкивъ малихъ, а иначей зозовутся репяхи, которіи ростут по подъвѣряхъ или где

по гнояхъ. Ягодьки ихъ подолъговатіи и колющіе, величиною наштальтъ бобковъ; они чипляютъся въ вовну до кожухѣвъ, —тихъ коровячкѣвъ пять или шесть сътеръти мяхъко и съ водою тепълою зъмѣшати чарокъ хорошихъ двѣ и випить натощахъ, посемъ много не ложиться спать.

Способъ наилучшій, чтобъ пшеницям родила и зони не било.

Якъ пріидеше сѣяти на ниву, то зъ мѣха польнаго насипъ въ сѣялъній мѣшокъ сколко можешъ понести и прежде, нѣмъ маешъ сѣяти, дай съ того сѣялъного мѣшка едному волу чили коню три рази ротомъ хопнути и зъисти и скажи 3 рази: тобѣ зона, а мнѣ пшениця.

Данило з Ромашокъ шинкаръ.

Чтобъ зона не была, надобно сѣяти въ день ясній и тихій; еще и при мѣсяцѣ, покамѣсть не зайде и на небѣ есть.

Способъ, чтобъ въ пшеницѣ зони не було.

Надобно подъчасъ рождества Христова три днѣ, перъвого, другого и третого дня рано и увечерѣ самому хозяйновѣ въ печѣ запалити, а запаливъши кожъдого разу огня не загрѣбай, но нехай лежить до третіяго дне, а третіяго дне въ вечеръ витопивши и загреби и той попелъ сохрани; а когда пшеницѣ намоло

(Здѣсь въ рукописи не достаетъ трехъ листковъ).

Лѣкаръство на кашель конямъ, сіестъ на дихавицю.

Когда кони кашляютъ, сіестъ дихавичнимъ, надобно давати имъ исти моръковъ натощахъ що ранку, а потомъ въ полъ или цѣлу годину проводити ихъ по вольнимъ по-

вѣтру; посемъ и паки морькви имъ дати, а отпочивъши немного и паки оних проводити; тое чинити чрезъ сколько день, то конечне кашлю, чили дихавицѣ, позбудутъ.

Лѣкаръство на ломленіе костей въ рукахъ, въ ногахъ и въ другихъ членахъ.

Надобно взятъ самого спиритусу доброго кварту въ фляшу склянную, а в недостатку спиритусу, то и водки крѣпкои и въ тую водку употребитъ камфори лотъ (или два) и тую фляшу съ (с)пиритусомъ затъкнути пробкою добре и въ горъщокъ великій поставить и житомъ моченимъ тою фляшку осипати зисподу, округи и съверъху, чтобъ не лопнула; посемъ въ горящую пещъ въставить, чтобъ добре упряглася на цѣліи сутки; посемъ вийняти съ печи той горъщикъ съ фляшею и поставить на холодѣ, чтобъ прохолодилосъ; посемъ, когда прохолодится, то въ тое время фляшу съ (с)пиритусомъ съ горъщка пріими и поставъ еи где въ тепломъ мѣстѣ.— Самому больному надобно прежде на печи положится и роспаритися горяздо, чтобъ употѣти крѣпко; тогда тееи водъки небольшую чаръку випить; и мазать тоею водъкою болящую кость; посемъ паки положиться на печи, въкритися и поспать часъ дольгій. Сіе твори въранцѣ и нанощъ съколько разъ, а пріймаючи сіе въврачество надобно хранитися и не употребляти снѣдей кислихъ и солоних и всяких трунковъ и холодной води дондеже не оздравѣетъ соверъшенно.

Другій способъ на ламаніе костей въ рукахъ и ногахъ

Надобно зробити лугу крѣпкого зъ маковиня, въ которомъ, очень горячомъ, платъ мачати и прикладати или вложити въ лугъ съ платомъ въ якой сосудъ.

Аще корчъ корчить руку или ногу или палъцѣ, то надобно почаще мазати водкою моравинною и аще болитъ кость въ клубѣ или крижѣ, то мазать водкою моравинною, —но прежде роспарити.

Способъ дѣлати водку моравинну.

Взявъ моравлѣ самой чистой мая мѣсяця въ галембикъ одну часть, а двѣ части водки доброи и оную по обичаю перешени якъ надобно.

Другій способъ на крижѣ.

Коренія перестуння наскребти на платъ и на спину прикладай ско(лько) раза.

Аще жили коръчитъ, надобно исти сколько разъ мясо пугачево или совинне, но лучше совинное. Аще которіи жили корьчъ начне корьчити, то въдругъ тіи жили слиною пославити и пальцями ручними придавити.

Лѣкаръство на зламаніе костей.

Аще кость сокрушитъ человѣкъ или скотина, то надобно мѣдь черъвоную дробно стругати или въ мисцѣ черепяной крѣпко съ водою терти и давати рано и на нощъ пити и частѣе, а кулѣшъ ячнихъ крупъ сіесть клецкъ или ленъ насѣня добре упарити и съломленую кость парити и окладати на день и на нощъ, то зростется.

Лѣкаръство на курдюкъ скотинѣ 1.

Надобно кость собачу голову съпалити на попѣлъ и тимъ попеломъ куръдюкъ засипати, то загоится.

Лѣкаръство на куръдюкъ 2.

Надобно възять прохода человѣческаго свѣжого и въ тонъкій платокъ завязати, и въ ротъ положити на куръдюкъ и на головѣ завязати, чтобъ не викинулъ зъ рота и нехай деръжитъ съ полъ дня. Сіе твори три рази чрезъ три днѣ, то засмокъче и загоится.

Лѣкаръство на куръдюкъ 3.

Соломянику росътеръти мяхъко и съ водъкою зъмѣшати густо и тимъ залъляти куръдюкъ ложкою или квачемъ.

Лѣкаръство на куръдюкъ 4.

Възятъ солѣ гусковои (*) или ледовои брусокъ долъгій и тую сѣль крѣпъко во огънѣ росъпекти, а скотину зъвязати, язикъ витягти и тую сѣль въ щипцѣ или въ лещата крѣпко увязать и куръдюкъ випекти и саломъ старимъ свинячимъ зальляти, то куръдюкъ загоится и больше не буде.

Лѣкаръство на куръдюкъ 5.

Надобно синяго каменя натеръти и натовъкти часнику и взять курячихъ лаенъ свѣжихъ и тіи матеріи всѣ три до купи зъмѣшати и куръдюкъ съколъко разъ замазувати.

Куръдюкъ медомъ прѣснимъ патокою замазати и порохомъ стрелючимъ засипати.

Кури даби неслися.

Надобно на Крещеніе Господне взять за пазуху гороху и пшеницѣ и пойти на всенощное; тамъ не входя и бути на службѣ Божой, а по службѣ ити вдомъ и посипъ тое курямъ, а самъ иди скоро на иорданъ, то будутъ кури много яецъ нести.

(*) Это слово неясно написано.

Способъ, чтобъ гусельниц(я) капусти не ила.

Якъ обачишъ, что уже лѣтаютъ мотелики надъ капустою, то надобно раковъ изъварити горъщикъ и тоею раковою юшкою покропить капусту перъвую грядъку прежде, а потомъ и всю покропи и закопай живого рака на перъвой грядъцѣ на серединѣ, которую грядку прежде копалъ и садилъ, то усѣлъня не поѣстъ.

Еще живихъ раковъ на тѣхъ грядкахъ на палички остріи понаст(р)омлюй зъвисока такъ отъ землѣ, якъ на локоть.

Надобно молодихъ утинятъ пускати въ капусту, то усѣлнъ виѣдятъ и множитися не будетъ гусѣлнъ.

(Здѣсь въ рукописи не достаетъ девятнадцати листковъ).

Способъ, чтобъ свѣчи не текли.

Свѣчи зъ лою давного и зъ гнилого чтобъ не текли, надобно галуну исъпалити и въ лой ростопленній той галунъ въсипати и добре зъмѣшати и тогда свѣчи робити, то не будутъ стѣкати.

Способъ сребро цвѣлое чистити.

Сребро когда зацвѣте, то есть когда заплѣснѣе, то надочно собачихъ костей на попелъ исъпалити и тимъ попеломъ мокримъ или сухимъ въ платъку витирати, то сребро вичиститься.

Найлучшее лѣкаръство на трасавицу.

Скоро постережешъ, что она, то въдругъ надобно немедля постисти три днѣ, одинъ по едному, якихъ небудь, нѣ ясти, нѣ пити, а нѣ спати и малѣйше поки звѣзди не зійдутъ, то покине.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ.

1. Якъ начне пропасниця розъбирати, то заразъ надобно стати и серъдцемъ сокрушеннимъ до Пресвятой Дѣвы Богородицы зъговорыти седъмдесятъ разъ молитву Богородице дѣво; а за кождою молитвою ударити по-три поклони; по семъ по жодной молитвѣ накаръбуй ножемъ карбъ на палицѣ или напиши крисъку крейдою и тіи карби, чили криски съ паличкою закинути на воду, а самъ иди въ домъ не озирайся. Посемъ заразъ надобно постити понеделокъ, съреду и пятницю первую, якъ найде болѣзнь, не ѝсти и не пити дондеже зори не зійдутъ, а въ той болѣзни не много принимай пищи и питія, не присищай зѣло утроби, не принимай ничтоже набѣловъ всякихъ и рибъ всякихъ и мясъ свинних и сала, кислостей всякихъ и солонихъ и питія води холодной. Но будетъ очень полезная снѣдь ячнихъ крупъ каша мяхкая безъ солѣ, затерка пшенична безъ солѣ, вареницѣ пшеничні, лемѣшка пшенична зъ маковимъ молокомъ, кутя ячмѣнна, кутя пшенична, горохъ безъ солѣ, каша овъсяна, мяса куряче и яловиче. Питіе теплая вода и то немного. Еще въ той болѣзни хранися тѣлеснаго смѣшенія, бо сіе есть великимъ препятствѣемъ,—то спасешися.

Чтоби не била нѣкогда же лихорадка, надобно накурится конскимъ каменемъ, которій зароджуется въ пуздрѣ коневѣ, которого каменя достають коновали.

Лѣкаръство отъ трасавици.

2. Аще кому случится болѣзнь трасавичная, то надобно ему прійнять диету на недель шесть или дванайцятъ, сіесть, хранитися всякихъ снѣдей кислихъ и солоних и питія

кислого и холодного, не кушати всякихъ рибъ, всякихъ набѣловъ и яецъ, всякихъ рибъ, мясъ свинниxъ и сала; только будетъ полезна снѣдь каша мяхъкая ячнихъ крупъ, кутя ячна зъ мясомъ курячимъ, зъ мясомъ яловичимъ, затеръка пшенична, вареницѣ пшеничнѣ, лемѣшка ячна и пшенична зъ маковимъ молокомъ. Вся сія снѣдъ подобаетъ бити безъ солѣ. Хлѣбъ исти — булъки пшеничніи, коръжѣ пшеничніи безъ солѣ. Пити надобно воду теплую, а холодноп не принимай, вино полинное часто пить, но нехолодное. Кореніе всякихъ древесъ садовихъ, луговихъ и лѣсовихъ накопати и варити съ водою и пити съколъко захоцеши; а тое кореніе найлутъше копати и всякое зеліе и лѣкаръства собирати мая мѣсяця.

Лѣкаръство на фрибру осѣнну.

Взявъ яйце, якъ начне розбирати, пробій и бѣлокъ випусти въ ротъ, а жовтокъ въ помійницю; бѣлокъ въ ротѣ подержавъ и випусти зъ рота паки въ скаралупцу и завяжи въ платокъ и повѣсь въ димъ надъ кагалою и нехай виситъ, поки само не отъпаде, то покине.

Лѣкаръство одъ трасавицѣ.

3. Якъ начне болѣзнь трасавична находити трусити или позѣхати или потягатися или сномъ морити или меръзнути, то въ тое время не входить на пѣчъ спати и нѣгде же не сѣдай, нѣ лягай, но якъ сколъко возможно много ходи, то спасешися.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ.

4. Взявъ дѣгтю доброго березового, саджи съ комена или съ челюстей, часнику и сала старого свиного и тое все

стовчи въкупѣ и приложи до рукъ обоихъ на пульси въ тое время, якъ начне трасавиця розъбирати, то наръве пузирѣ и покинетъ.

Лѣкаръство от трасавицѣ.

5. Взять коровицю (сиесть кузку), которая есть чоръная и долъгая на цаль одинъ, которая есть безъ крилъ, а по нѣй (*было написано сперва:* ий) съверху рубежѣ, а възявши оную въ руки то съ неи молоко жолътое течетъ; то ти тею коровкою съ молокомъ ея по шіи потри больному на фрибру, то отъ того молока пузиръ набѣжить.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ

6. Якъ только начне трасавиця находити, или уже трусити, или потай вънутрѣ мучити, то въ той часъ.

(Не достаетъ одного листка).

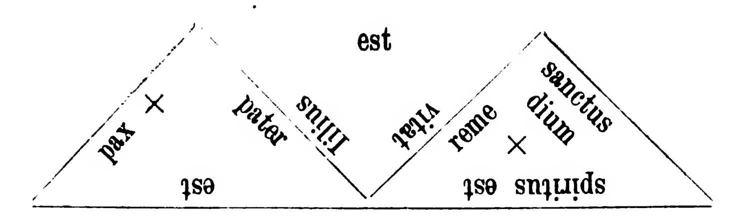
починити, только, чтобъ больній о той вѣровцѣ отънѣдъ невѣдавъ, якая то вѣровъка естъ, и нехай болъній тую вѣровку на шіиноситъ дванайцятъ дней, а потомъ сохрани и другимъ народамъ, на тую болѣзнь страждущимъ, подавай.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ.

11. Собацѣ здохлому или убитому (но не стеклому) пагности на всѣхъ ногахъ отрѣзати и въ мѣшечокъ маленкій сохранити; а когда кто будетъ страждати трасавицею, то тіи пагности съ мѣшечкомъ надобно повѣсити болъному на шіи въ тое самое время, якъ начне трасавица находити или уже мучити; но чтобъ больній о тихъ пагностяхъ отнюдъ не вѣдалъ.

Лѣкаръство на трасавицу.

Надобно зъ едноі просфори війняти три часточки тро уголни, и на тихъ написать словами латинскими сице:



и тіи частици имѣти подъ килѣхомъ презъ всю службу и натощахъ съ водою випить или якъ будетъ находить; но надобно постить обоимъ, кто виписуе и кто принимае.

Лѣкаръство отъ трасавици.

12. Кота чоръного схаластати и тіи сътрои въ капшучокъ зашити и съсушити; а якъ кто будетъ страждати на фрибру то тіи котячіи строи повѣсити съ капшучкомъ на шіи болъному; толъко чтобъ болъній не вѣдавъ, что въ томъ есть капшуку. И нехай больній тіи строи носитъ дванайцять денъ, а после той капшукъ съ строями сохрани и иннимъ народамъ хоримъ на фрибру давай носити.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ.

13. Якъ толъко начне трасавиця находити, то заразъ нехай кто небудъ пойдетъ на шляхъ и найде тоеѣ смоли, которая съ колесъ викручуется и отпадае и губится; то тоеи смоли озми и болъному въ пазуху въ рубашку завяжи или на шіи въ платку почипи и нехай носить при себѣ сколько дней или дванайцять, доидеже совершенно покине.

Лѣкаръство на фрибру.

14. Надобно г...а свиного въ платокъ тонкій доволно взяти и зварити, у водѣ, а потомъ якъ устудится, то тое свинное... въ платку рукою добре видавити и тую воду, чтобъ

не такъ било противно болъному пити, то надобно немножко медомъ подъправить, а когда начне болѣзнь трасавичная находити или уже трусити, или потай въ нутрѣ болѣти, то взять тоеи води зъ ...... свинячимъ съ чверътку или больше и випити, то зачнутъ ръвоти и такъ разѣвъ два или три принимай, то бросить.

Лѣкаръство на трасавицу.

15. Свиного г...а съ водою теплою росколотить съ чвертку и примѣсить дѣгтю доброго березового полъ чаръки и випити въ тое время, якъ болѣзнь трасавичная начне обзиватися; а чтобъ било не такъ досадно и хидко, то для лутшаго пріятія можна примѣсить что небудь меду присного.

Способъ на лихорадку.

Надобно конскимъ ковчимъ зубомъ накурится якъ стане находити, то покине, хоть би била найгорша.

Лѣкаръство отъ трасавицѣ.

16. Надобно наварити тютюну у горщати въ водѣ или лутъше въ сечи мужеска пола или женска, а якъ начне кого болѣзнь трасавичная мучити, то въ тое время нехай озме болъній того вареного тютюну полъ чаръки хорошои, а решта полъ чаръки доспати дѣгтемъ добримъ березовимъ и випъетъ, а можна еще немножко примѣсити синого каменя, то озмутъ ръвоти, а чтобъ не соръватися ръвотами, то надобно прежде подъвязати себе рушниками или намѣткою; а когда сърыгаетъ, то випій води теплои съ полъ кварти, то паки начнетъ на рвоти, а когда изригаетъ, то и паки пій воду теплую и такъ сколько разъ пій, чтобъ ймѣлъ чимъ ригати, то и зригаетъ тую болѣзнь; а въ третій день, аще от-

разу не бъросить, то паки сіе лѣкаръство по прежднему пріійми, а погему изъриганію не скоро принемай снѣдей кислихъ и солонихъ, мяса свиного и сала и води холодноц, но немного принимай пици: кашу ячну негусту мяхкую и затеръку пъшеничну безъ солѣ и коръжѣ пшеничніц, а воду теплую пить и про кушеня лѣкаръственное.

(Не достаетъ одного листка).

ностію тѣла, мореніемъ сномъ, позѣваніемъ и потяганіемъ или чихавицею или сухотами или во чрево и вовсемъ тѣлѣ скаче и инъними болѣзнями мучитъ человѣка, —то надобно во увѣреніе възять въ горъщокъ или черепъ дѣгтю доброго или смоляного и въ той дѣготь чрезъ порогъ хатній или сѣнній дивитися долъго, три рази, чтоби горяздо лице свое увидѣти, а можна и наяснѣ на дворѣ дивитися, то отъ сего спротивится и будетъ явъно трусити, а иногда и покидаеть.

Лѣкаръство отъ трасавицн.

Аще кто хощетъ даби не била трасавиця, то аще на веснѣ вопер'ъвихъ узриши муравлю, то озъми за еднимъ разомъ двома палъцами три мурашки и тіц съижъ, то цѣлій годъ не буде (*).

Способъ даби трасавиця нѣкогда не била.

Надобно малой дитинѣ до року жодной риби и въюна не дати цсти, то не будеть во вѣкъ.

Лѣкарство на пропасницю.

Напиши по греческу: Эты отезамата +
Стакоринъ фито +
Станти міотероно +
и псалма живій во помощи вишняго девять стиховъ, а за

(*) См. № 56 этой книги.

кождимъ стихомъ вмѣсто точки крестъ +; но надобно писать натощахъ и зложити словами въ середину и повѣсити на шию на 3 днѣ, а по трохъ дняхъ спалити и выпити съ водою святою.

Лѣкарство на пропасницю.

Надобно павука живого взять въ платокъ и на шіи повѣсити на три днѣ, а по трохъ дняхъ откинуть.

Молитва святаго преподобнаго Сисоя великаго на прогнаніе трасавицъ.

Священникъ или миръскій мужъ или невѣста, юноша или дѣвица вопервыхъ взявъ крестъ кепарисній, оградивъ больнаго крестомъ, глаголя: во имя отца и сина и святаго духа аминь. По семъ, вложивъ крестъ въ воду святую богоявленскую вечеръню или инъную, и читать молитву преподобнаго Сисоя великаго, въ тое время, якъ начне трасавица находити, а болъній поклони да быетъ сколко возможетъ, дондеже изънеможетъ съ молитвою на каждій поклонъ глаголя: Преподобній отче Сисое великій, помилуй мя грѣшнаго.

Молитва.

Стоитъ при черъмномъ морѣ каменной столъпъ и на томъ столъпѣ сидитъ преподобній Сисой великій и вышли изъ Черъмного моря жены простоволосія, окаяннія, образомъ видѣніемъ мрачнимъ; и вопроша ихъ святый великій Сисой: окаянныя, куда ви идете? Они же рекоша ему: ми дщеры Ирода царя, идемъ родъ христіянскій мучити, которій ко святѣй церъквѣ не ходитъ на утредню, на службу Божу и до вечеръне; Богу не молится, лежитъ аки меръвъ. О окаяния!

а что якіе вашѣ оканнія имена? Первая рече: мнѣ имя трелѣя; вторая рече: мнѣ имя негрѣя (*приписка*: не грѣй ея); третая рече: мнѣ имя знобѣя,—я ознoблю рода человѣческаго, то не можетъ согрѣтися; четвертая рече: мнѣ имя ломѣя (*приписка*: кости ламле); у человѣка кости ломитъ, какъ вѣтромъ сухое дерево вонъ виламиваетъ; пятая речетъ: мнѣ имя Пухлѣя; шестая рече: мнѣ имя коръкота (*приписка*: коръчѣя); седмая рече: мнѣ имя желътунья; какъ жолътой цвѣтъ въ полѣ цвѣтетъ, такъ на человѣка напуститъ желътость; осмая рече: мнѣ имя Ледѣя (*приписка*: тѣло холодне); девятая рече: мнѣ монѣя; десятая рече: сонѣя; одинайцятая рече: мнѣ имя Трасѣя; дванайцятая рече: мнѣ имя невѣя, старъшая ихъ сестра усѣкнула главу Іиоана Предътечи, Котораго я человѣка начну мучити, то не буде живъ. Заклинаю васъ Богомъ вседеръжителемъ живимъ и страшнимъ, Пресвятою Госпожею Богородицею, Іиоаномъ предтечею Крестителемъ Господнимъ и четырми евангелисти Іоаномъ Богословомъ, Матъфтеемъ, Маръкомъ и Лукою и святими Аръхангеламы: Мыхаиломъ, Гавріиломъ, Уріиломъ и Рафаиломъ: окаянная трелѣя, окаянная негрѣя, окаянная знобѣя, окаянная ломѣя, окаяння пухлѣя, окаянная коръкота (*приписка*: коръчѣя), окаянная желътунья (*приписка*: же(л)тѣя), окаянная ледѣя, окаянная мокѣя, окаянная сонѣя, окаянная трасѣя, окаянная невѣя, старъшая ихъ сестра усѣкнула главу Іоана Предтечи, проклинаю васъ: отъступѣтесь прочъ отъ раба Божія (имя рекъ), а буди не отъступитесь, то начну васъ мучить на дванайцять день; идѣте, проклятіе, во адъ вѣчній!

А изговоривши сію молитву, дать болъному испить со креста госъ

---

203. ЧАРЫ ДО ЛЮВОЩИВЪ.

Колы треба розризныты парубка та дивку, закоханыхъ одно въ одного, и прывернуты до себе того, чы другого, треба онъ яки прымхы зробыты. На страшнимъ тыжни, въ четверъ зъ вечора, прыставыты въ пичъ, у горшку зъ водою, любыстку и шавлійи, що булы свячени на Маковія въ зилли. У пъятныцю, до схидъ сонця, хлыснуты трычи навхрестъ зъ горшка, тейи юшкы, вмытысь нею и полизты на хату до вывода (дымара). Статы облыччамъ на схидъ сонця, заплющыты очи й вытягты дви лозыни зъ выводу, що заплетени булы поручъ у выводи. Не росплющаючы очей, якъ будуть уже дубци въ рукахъ, треба трычи сказаты: «зийднай и розризняй колы я схочу.» Писля цього вона (чы винъ) росплющае очи й съ тымы двома лозынамы злазыть зъ хаты й иде въ хату не озыраючысь. Ввійшовшы у хату, дубци си становыть межы кочергамы, а сама мыттю кыдаецця ростопляты соломою въ печи. Якъ розгорыцця вже гарно въ печи, бере ци дубци въ рукы, трычи прыгортае йихъ до себе и прымовляе тижъ слова: «зийднай й розризняй колы я схочу.» За цымъ ламае обыдва дубци разомъ до колина й кыдае йихъ купою въ пичъ на огонь. Ажъ покы погорять си дубци, вона (винъ) повынна говорыты тижъ слова: «зийднай и розризняй колы я схочу.» Якъ згорять дубци, тоди вона выбирае все зъ йихъ, вугилля й попилъ, гасыть його теюжъ настійкою съ пидъ любыстку та шавлійи зъ рота (трычи шпуе), прымовляючы слова: «зийднай й розризняй, колы я схочу.» Тоди зсыпае вугилля съ попиломъ у хусточку й ховае въ скрыню (де-яки дивчата носять його завъязанымъ у пазуси). И ото, колы бажаецця прыгорнуты до себе кого небудь,— треба зитерты цього вугилля, питы на вулыцю, обережно статы съ тымъ, кого хочешъ до себе прывабыты (прыворо-

жыты) й обсыпаты навкругы обохъ (себе й його) сымъ попилцемъ—и все буде гараздъ. Колы жъ хочешъ розризныты кого небудь (хлопця зъ дивчыною, чы що), треба, якъ воны обое стоять укупи розмовляючы, обережно промижъ ныхъ пересыпаты тымъ же попилцемъ, то воны скоро посваряцця й розійдуцця,—тоди й до себе якого хочешъ зъ ныхъ прывертай Тилькы треба не забуваты, якъ обсыпаешъ попиломъ тымъ, казаты стыха слова: «зійдпай (чы «розризняй»), бо теперъ я цього хочу»!

(Записалъ въ 1895 г. В. Ф. Степаненко отъ женщины въ Каневскомъ у.)

204. КНИЖКА СВЯТОГО ЗОСИМЫ (О ПЧЕЛАХЪ).

(Четвертушка грубой сѣрой бумаги, исписанная съ одной стороны почеркомъ начала этого столѣтія,—очевидно, было продолженіе. Доставлена изъ с. Полствина Каневскаго у. Кіевск. губ. В. Ф. Степаненкомъ.)

Боже мой! апчели мои о Тебе данѻ мнѣ зачати имъ густие меды, жовтие воски, частие рои на хвалу имени Твоего, за благословенѣемъ Твоимъ. Дай имъ, Господи, по твоей милости от роси новѣя и от влаги земнѣя, от всего цвѣту за предстателствомъ Пресвятой Богородици и присно Дѣви Марѣи и приподобнаго оца нашего Зосими и всѣхъ святихъ. Аминь.

кѹ. Водо йорданка, омиваешъ луги, бириги, бирвѣня, корѣня,—омий моей пчоли от прозору жиночого, парубочого, дѣвочого—головки, крильця, утробы, нижки.

Наука. Если невподобаютъ (въ) улѣяхъ пчели ежели постережешъ, чтобъ могли пчели спасѣкы изойти, то достанъ кленового листя да липового и всякого зелия, которое биваетъ въ церквѣ на святую неделю, отерся под колѣнами,

то тимъ листомъ и зелиемъ понатирай сноэи, чтобъ не кусали и самі не умѣрали.

(См. Чубинск., I, стр. 69—та-же книга гораздо полнѣе, но съ инымъ текстомъ.)

---

205. ЩОБЪ РЫБА ЛОВЫЛАСЬ.

Щобъ ловылась рыба, треба удосвита, на Велыкдень, пидперезатысь винкомъ цыбули и питы до утрени. И якъ пипъ дочытаецця до хреста и скаже: «Хрыстосъ воскресъ!» —рыбалка повыненъ нышкомъ видмовыть: «а въ мене до рыбы цыбуля есть.» Цыбулю зъ винка можна въ страви обйисты, а винкомъ, идучы ловыты рыбу, треба пидперизуватысь—рыбы буде багато ловытыся.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневскаго у. Кіевск. губ. въ 1895 г.)

Къ отдѣлу IV-му.

206. ЧОРТЫ, ГРОМОМЪ УБЫВАНИ.

Колы гримъ кого зъ людей убъе, то кажуть, що пидъ нымъ чортъ ховався; щаслывый той чоловикъ, якого гримъ убъе, бо черезъ його Богъ и чорта вбывъ.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. губ.)

См. № 213. Покарана жинка.

Къ отдѣлу VI-му.

207. ЯКЪ ВИДЬМУ ПИЗНАТЫ.

Щобъ побачыты, хто въ сели есть зъ видьомъ, треба, якъ загивляють на масныцю, взяты шматочокъ сыру, заложыты за зубы й такъ лягты спаты. Другого дня (першый понедилокъ у пистъ) уранци выйняты той сыръ и завъязаты його у поясъ. Такъ треба носыты його цилый пистъ. Та ще кожного понедилку, ажъ до Велыкодня, выкыдаты по полиняци черезъ голову на хату. На першый день Велыкодня, у досвита, йды съ тымъ сыромъ до церквы. Въ цей часъ видьма повынна статы коло тебе з-заду й грызты плече. Прыйшовшы зъ церквы, ростопы тымы дровамы, що накыдавъ на хату за пистъ, у печи й неодминно та жъ видьма прыбижыть до тебе чого небудь позычаты. Оце й буде справжня видьма и видъ нейи вже ничого й ховатысь, бо боятымецця до тебе въ двиръ иты за дийвомъ.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ 1895 г. въ с. Полствинѣ Каневскаго у. Кіевской губ.)

---

208. ЛЫТВЫНЪ И ДИВЧАТА—ВИДЬМЫ.

Се, кажуть, у насъ було. Йихавъ Лытвынъ изъ крейдою и выйихавъ изъ села у недилю вранци; дывыцця, ажъ дви дивчыны бижять по дорози та й зрывають колоскы. Винъ до йихъ: «не рвить та верницця назадъ!»—не слухають. «Верницця, кажу, бо плохо буде!»—Не слухають. Винъ втретье—ни! Дакъ винъ узявъ и поробывъ йимъ такъ, що прыбиглы въ село на майданъ, де череда становыцця, учепылысь у косы та й рвуть одна 'дну.

Посходылысь люде, попрыбигалы й батькы тыхъ дивчать—ничого не вдіють, ніякъ не розведуть. Колы йиде другый Лытвынъ, роздывывсь та й пыта: «А чы не було тутъ такого й такого?»—Бувъ!—кажуть. «Ну, дакъ доженить же його та попросить, бо се винъ такъ поробывъ.» Догналы, сталы просыть,—вернувсь винъ, розвивъ ихъ.

А то булы видьмы и збиралы спиръ изъ жыта, щобъ не було уроджаю.

(Записалъ въ м. Красномъ Колядинѣ Конотопскаго уѣзда В. Т. Андріевскій).

---

209. ВИДЬМА Й ПАРУБОКЪ.

Зибралысь тры дивчыны на Риздво, гуторять соби. А парубокъ, що кохався зъ одною, пидкрався та й слуха. Отъ одна й каже: «оце такъ, сестрыци, мени зеленого гороху хочецця, що прымила—що бъ дала, абы попойисты.» А ця вже, що кохалась изъ парубкомъ: «дакъ ходимъ, каже, у мене есть бувало, посидаемъ та й пойидемъ.»—Яке бувало?—пытають. «Жлукто; хыба-жъ вы не знаете?»

Парубокъ тоди потыхеньку одъ йихъ та хода; прыбигъ у сины до своейи дивчыны, улизъ у жлукто й седыть. Ажъ ось идуть и дивчата; посидалы на те жлукто та й гайда—такъ йихъ, наче выхромъ, помчало.

Прыйихалы на ныву. Повставалы дивчата, пишлы гороху рваты. И йому кортыть: горохъ же, стручкы таки здорови та зелени! Дакъ страшно: те дума,—якъ покынуть, то мо й зъ годъ доведецця плентатысь додому, бо се жъ не блызькый свитъ, що на Риздво горохъ росте! Дакъ винъ уже такъ: що достане изъ жлукта, те й його; трохы иззивъ, а чотыри стручкы ще й въ кышеню заховавъ.—И якъ роздывывсь винъ, дакъ тыхъ видьомъ чымало тамъ було...

Якъ вернулысь додому, винъ день выспавъ, а тоди пишовъ на вечорныци. Тамъ и дивчата ти булы. Отъ винъ и каже до вечорнышного батька: «чы дать вамъ, тату, гостынця?» — А якого жъ ты мени дасы гостынця? — «Да такого, що вы зроду у сю пору не йилы.» — А ну, ну! — Винъ и подавъ чотыри стручкы гороху. — Спеклы рака дивчата, та мовчять уже.

Якъ же його помстытысь!?

Отъ та, що кохалась изъ нымъ, стрила його на другый уже вечиръ та: «тпру!» — винъ одразу и ставъ конемъ. Сила вона на його и давай гоныть, ажъ до свита, утанажыла такъ, що ледви додому вернувсь та 'дно стогне А невистка його та бильше знала, нижъ ти дивчата.

— А що, каже, найився гороху? А на сю ничъ ище гирше буде. Хочъ, дакъ навчу, що робыть?

Винъ не знае вже, якъ и просыть йийи.

— На-жъ, — каже, — оцю осыкову палыцю та успишайсь поперёдъ за нейи сказаты: тпру!

Отъ винъ такъ и циля: скоро зійшлысь, заразъ: «тпру!» — такъ вона лошыцею й стала. Сивъ винъ на нейи та й давай репижыть тыею палыцею.

Вона зразу понесла поверхъ дерева, дали утомылась, пишла у половыни дерева, а тоди й зовсимъ по земли. Якъ пустывъ винъ йийи, дакъ вона прыйшла додому та й занедужала. Бачыть, що не вычуняе, и клыче батька: «якъ умру, каже, тату, поставте мою домовыну у свитлыци, и оддайте вы половыну худобы *отакому-то*, та нехай тилько тры ночи зо мною переночуе самъ». — Батько такъ и зробывъ. Якъ умерла, еднае того парубка и полыцяецця половыну худобы даты. Невистка й шепнула йому: «иды, — каже, — визьмы кныжку та сядь за столомъ, на покути, та й не вылазь».

Пишовъ винъ, сивъ та й чыта. Колы двыга домовына, вылазыть дивчына. И якъ назлиталось до нейи тыхъ видьомъ —сыла! Давай його шукать; гралы, гралы по хати,—ніякъ не найдуть. Чужи на пробу, що нема його, а домашня: «ни, тутъ, та не найдемъ.» Ажъ ось пивни: «какарику!»—разъ и вдруге,—такъ воны й шугнулы съ хаты: та въ бовдуръ, та въ двери, а своя въ домовыну, и домовына зарывнялась, —наче й не було ничого. Прыходыть йійи батько, пыта: «а що тутъ?»—Ничого!—каже.

На другый вечиръ знову ладыцця иты, а невистка вже й трецця, якъ-бы йому шепнуть. «Иды жъ,—каже,—да теперъ сидай у кочережныку и держы попередъ себе деркачъ; —цю ничъ буде бильше.» Не найшлы його знову. Батько той тилько потылыцю чухае.

Ось йому и втрете иты. Невистци тій и не треба курей склыкать, а вона склыкае та хипъ пивныка. Оддала його парубкови та й каже: «ну, цю ничъ саме страшнише буде! Сидай теперъ на полыци, надъ мысныкомъ и пивня пидъ рукою держы. Та тилько излизь такъ, щобъ рукамы ни за що не брався.» Пишовъ винъ и ухыстывся такъ злизты на полыцю, що й рукамы ни за що не брався.

Ажъ ось двынула домовына, вылизла дивчына; тоди якъ назлиталось—страхъ! Гралы, гралы по хати—не найдуть його. Чужи на пробу, що нема його, а своя: «ни, тутъ, да не найдемъ.»—Що-жъ його робыть!—останния ничъ, и худоба пропаде «Треба по кыивську посылать.» А винъ и дума: «ну, не боюсь: покы справытесь, и пивни заспивають». Колы жъ сусиль у хату кыивська. «Якъ вы,—каже,— учытесь, що ничого не знаете:—ось же винъ! Та якъ його визьмешъ?—исъ пивныкомъ!—Давайте головешокъ!—Мотнулысь воны по смитныкахъ—йихъ же до биса! Та въ прыполи несе, та соби! Наклалы пидъ нымъ цилу купу та й запалылы.

Давыть його вонючый дымъ; терпыть винъ, да 'дно пивныка того пидъ бокы шышкае. Колы жъ воно й надумалось да: «какарику!» — разъ и вдруге. Шугнулы видьмы съ хаты, а та—въ домовыну, и домовына зарившялась.

Винъ тоди злизъ и сивъ за столомъ. Увиходыть батько: «а що,—каже,—ничого не було?» —Ничого!—«Ну, не думавъ я, що ты посядешъ мою худобу»...

Дакъ винъ перейшовъ туды зовсимъ жыть, а своейи частки, що упадала йому одъ його батька, не бравъ,—братови вже чы невистци оддавъ.

Записалъ В. Т. Андріевскій отъ молодаго парубка въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. въ 1894 г. См. № 92-й этой книги.

Къ отдѣлу VIII-му.

210. ВРАТЪ У ВРАТА НА ТОМУ СВИТИ.

Давно се діялось, дуже давно, и не де-ынде, а у нашій такы земли, жылы соби два ридныйи браты—Остапъ та Йванъ. Жылы воны на однимъ батькивскимъ грунтовыщи и дуже поважалы й любылы одынъ одного,—жылы якъ одынъ. Алежъ тяжка панська праця, та надокучлыви кателюгы—сипакы (осавулы) не давалы йимъ жыты по людському:—якъ день Божый такъ и на працю, якъ день Божый, такъ и типають. Не выдержавъ старшый братъ Остапъ такого тяжкого жыття—вмеръ бидолаха. Поховалы його якъ слидъ, по закону. Зостався на все дворыще господаремъ менчый братъ Иванъ. Тяжко йому одному прыходыцця; сумуе; бувало, та вбываецця за Остапомъ,—та що подієшъ—така вже Божа воля. Жыве ото соби Йванъ одынъ та сльозы лле, бидолаха, свитъ йому не мылый, сумъ серце шматуе черезъ таке пекельне жыття—немае йому щыройи порадонькы ни видъ кого.

Одного разу сыдыть винъ отакъ за столомъ, схылывшы голову на рукы; сумуе й думае, що робыты й чымъ соби жыття забогарадыты.—А дай, думае, одружусь—хочъ одна душа буде ридна.—Отакъ винъ помиркувавъ соби й заславъ старостивъ до якойись убогойи, але жъ зъ чесного роду, сырiткы. Сыритка ся згодылась питы за його замижъ и подавала рушныкы. Все вже було налагоджено на весилля. У суботу, передъ вечоромъ, покы ще молода бигала зъ дружкамы по ридни та клыкала на весилля, Йванови спало на думку питы до брата Остапа на гробовыще й поклыкаты його на весилля. Пишовъ ото винъ на гробовыще та й узявъ съ собою жолудя, щобъ посадыты його коло братового гробка на спомынъ про свое весилля. Дійшовъ винъ до гробовыща, здійнявъ шапку, перехрестывся й пишовъ прямо до гробка, де похованый бувъ Остапъ; перехрестывся й тутъ и посадывъ жолудя у ногахъ; дали пидійшовъ до возголовъя и стыха промовывъ, залываючысь слизьмы: «брате мій едыный, прошу тебе на весилля до себе,—обрыдло вже жыты одынокымъ безриднымъ бурлакою.» Тилькы промовывъ винъ си слова, якъ грибъ роскрывся и Йванъ побачывъ тамъ свого брата Остапа.—«Иды сюды, брате!»—промовывъ до його Остапъ,—«та побалакаемо трохы.» Ввійшовъ Иванъ до Остапа въ грибъ и слидкомъ за нымъ земля зступылась. Озырнувъ Иванъ навкругы себе и йому явнисинько стало, що Остапъ не въ труни лежыть, а жыве соби, мовъ чернець той, у келійи. Засвитывъ Остапъ свичечку воскову, посидалы обыдва коло столу й почалы роспытуваты одынъ одного, якъ кому жывецця. Росказавъ Иванъ Остапови, яке то пекельне його й людське жыття на билому свити. Довго слухавъ Остапъ оповидь братову, та все кывавъ головою, а якъ уже Йванъ переставъ балакаты, братъ йому й каже: «никчемне, не правдыве ваше жыття на билому свити, по Божому не такъ

повынно жыты,—ось послухай краще, якъ у насъ тутъ жывуть, та якъ повынни й вы жыты»... Узявъ Остапъ съ полычкы якусь товсту-претовсту кныгу й почавъ йійи чытаты. И... Господы! якъ то тамъ гарно воно пыше: «одынъ одного любе, одынъ одному допомогае, ни багатыхъ, ни вбогыхъ, ни дужыхъ, ни бессылыхъ тутъ немае— уси ривни, вси братамы называюцця».... И ще багацько, багацько де-чого звидтиль винъ вычытувавъ. Чытае винъ сю кныгу, а Йванъ—не кажы що прысмоктало його—й видирватысь ніякъ не може та все слухае. Згорила одна свичечка, Остапъ засвитывъ другу та й зновъ до чытання взявся. Згорила й друга свичечка, а Остапъ и пыта Ивана: «чы не часъ тоби йты вже до господы, бо вже давно се діецця.»

— Ни, брате, послухаю ще хочъ трохы твоейи кныгы, хай хочъ здаецця мени, що й я жыву мижъ цымы добрымы людьмы й на цьому свити. Догорила й третя свичечка, а Остапъ усе чытае. Пидійнявся Йванъ съ стильчыка, вклонывся Остапови та й каже: «слухавъ бы безъ перестану, брате, твого чытання, т'алежъ часъ мени й до господы побыратысь, бо тамъ мене чекають.» Попрощався Йванъ зъ Остапомъ, земля росступылась, и Йванъ выйшовъ на землю. Не встыгъ винъ и назадъ озырнуцця, а замисть тыхъ дверей, що зъ йихъ выходывъ винъ, тильки гробокъ стоявъ. Подывывся Йванъ навкругы себе й помитывъ, що въ ногахъ братового гробка лежыть здоровенный й товстелезный, уже трюхлявый, дубъ. - Ото дыво! подумавъ Иванъ,—ишовъ сюды, дуба не було, а теперъ онъ якый лежыть,—хто се прывизъ його сюды?» Роздывывся краще,—ажъ и пень съ цього дуба ще стырчыть у ногахъ Остапового гробка.—Чы не съ того жолудя цей дубъ, що я посадывъ оце учора, якъ прыходывъ прохаты Остапа на весилля?!—подумавъ зновъ Иванъ Подумавъ отако Йванъ, подумавъ, подывувався та й пишовъ до

господы. Йдучы додому, дывывся винъ навкругы себе й зновъ дывувався,—що за оказія, мовъ не те село стало—ничого й никого не пизнае.

Дийшовъ Иванъ до свого двору, зырнувъ—и тутъ щось не такъ:—те мисце, де бувъ його двиръ, алежъ не та хата, не ти новиткы й не ти люде тутъ жывуть, якыхъ винъ лышавъ, идучы до брата. Выйшлы зъ хаты якись чужи, незнайоми люде й пытають Ивана: «чого треба?»

— Якъ—чого треба?—аджежъ се мій двиръ, моя батькивщына!? Хыба забулы, що я вчора увечери ходывъ до брата на гробкы прохаты до себе на весилля!? Хыба вже забулы про мене, про Йвана?!—Дывлюцця люде на Ивана й дывуюцця зъ його ричей. - Та що се ты намъ, чоловиче добрый, голову морочышъ?—було се колысь, росказують стари люде, що братъ брата ходывъ на гробкы прохаты до себе на весилля, але жъ цьому вже мабуть бильшъ трьохъ сотень литъ мынуло, якъ се діялось. Схаменыся, чоловиче добрый, бо зъ тебе усе село буде сміятыся, колы будешъ таке плескаты,—кажуть Иванови люде.

Почавъ бувъ Иванъ ще казаты людямъ цимъ, що се його дворыще зъ дида—съ прадида, и що винъ тилькы упора ходывъ на гробовыще поклыкаты брата на весилля,—але жъ —куды тоби—сміюцця зъ Ивана уси, мовъ зъ божевильного.

Попокрутывся отакъ Иванъ,—нема йому прыстановыща, нихто його не прыймае, и пишовъ винъ зновъ на гробовыще до брата.

— Пусты, брате, зновъ до себе, бо на симъ билимъ свити немае вже мени мисця—нихто вже мене не прыймае!

И зновъ росступылась земля надъ труною Осталовою, ввійшовъ туды Йванъ, земля зступылась и съ того часу вже нихто й николы не бачывъ Ивана на билимъ свити.

Кажуть бы то, що ото скилькы свичечокъ згорило, покы чытавъ Остапъ у келіи тую кныгу, стилькы по сто рокивъ мынуло съ того часу, якъ Иванъ до брата прыйшовъ. А дубъ, що лежавъ уже трюхлявый коло гробка Остапового,—це съ того самого жолудя, що Йванъ посадывъ тамъ, якъ прыходывъ клыкаты Остапа до себе на весилля.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ 1895 г. отъ брата и свѣрилъ съ разсказомъ стараго дѣда Шаповала въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

211. БЕЗЪ БОГА НИ ДО ПОРОГА.

Сыдыть соби чоловикъ та й цюкае щось сокырою. А Богъ тоди ще по земли ходывъ странныкомъ. Отъ пидходыть Винъ до чоловика та й каже:

— Здоровъ, чоловиче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты, чоловиче, робышъ?

— Човенъ,— каже чоловикъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ и буде човенъ,—каже странныкъ.

— Тутъ и безъ Бога выдко, що буде човенъ,—каже чоловикъ, та й цюкае соби дальше. Цюкае та й цюкае, ажъ роздывывся, а воно човенъ не выходыть.

— Такъ зроблю жъ я соби корыто,—сказавъ чоловикъ, колы тутъ знову иде странныкъ.

— Здоровъ, чоловиче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты, чоловиче робышъ?

— Корыто, каже чоловикъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ буде корыто.

Росердывся чоловикъ та й каже:

— Тутъ и безъ Бога выдко, що буде корыто,— та й цюкае дальше.

Цюкъ та й цюкъ, колы роздывывся, ажъ вже й корыто не выходыть.

— Зроблю-жъ я соби корячокъ,—надумавъ чоловикъ та й почавъ знову цюкаты. Колы тутъ де не взявся странныкъ:

— Здоровъ, чоловиче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты робышъ?

— Корячокъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ и буде корячокъ.

Ще дужче росердывся чоловикъ та й каже:

— Тутъ уже й безъ Бога выдко, що буде корячокъ,— та й почавъ дальше цюкаты

Та доробывся, що вже й корячокъ не выходыть. Почавъ робыты ложку и ложка не выходыть. Та тоди вже, якъ ничого билшъ робыты, такъ застругавъ шпычку.

Такъ ось якъ замисть човна чоловикъ зробывъ шпычку.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

---

212. ЖИНОЧА КАРА.

Ишла разъ валка чумакивъ черезъ село. Дывляцця, ажъ бъецця чоловикъ изъ жинкою, а жинка крычыть: «бый мене, рижъ мене, а не буде по твоему!» Отъ одынъ и каже: «ну, я бъ йийи навчывъ... Вона бъ у мене такъ не репетувала!» Та молодыця и устрочыла, который це сказавъ.

Пройихалы ти чумакы одъ села верстовъ скилько, колы нагоныть йихъ якась молодыця, прывиталась изъ однымъ та поручъ зъ нымъ и пишла. Ось уже й вечоріе, а молодыця та одно гомоныть съ чумакомъ. Иншымъ же байдуже, а тому тежъ не въ тямкы. А молодыця така моторна та гарно вбрата, та любо такъ балака... Лаштуюцця чумакы на ночлигы, и вона зъ нымы. Назавтра вранци рушылы въ дорогу. Молодыця все не одстае одъ того чумака. Такъ воны й додому прыйихалы.

Сталы чумакы розъйиздытысь по дворахъ. Повернувъ и цей до свого двора. Молодыця за нымъ. Повыбигалы диты й жинка його. Та тоди молодыця въ голосъ: «бачъ, якый!... пидвивъ мене на безголовъе,—казавъ: нема ни дитей, ни жинкы, а це жъ—що?!» Винъ уже: «та цуръ тоби, я тебе овсимъ не знаю.»—Дакъ куды!... А тутъ и жинка плаче: «що це ты, чоловиче, наробывъ!» Диты й соби. Бачыть чоловикъ, що не перелывкы;—уже и сякъ, и такъ мостыть, щобъ одкаснулась прычепа—ни! Довелось дило громади, розбираты.

Поклыкалы його й товарышивъ. Ти кажуть, що зъ нымъ була молодыця, а про що воны тамъ гуторылы—не видаемъ. Прысталы уси на те, якъ допевнялась и молодыця, щобъ йий половыну худобы, и тоди вона одкынецця.

Сталы дилытысь худобою. Подилылысь скотомъ; остаецця одна телыця. Чоловикъ и каже: «хочъ ты мени сплаты, хочъ я тоби сплачу.»—Я такъ не хочу.—«А якъ же ты хочешъ?» «Перерубай на двое!» Треба тому рубать. Дали дійшла черга до солы. Чоловикъ и каже: «або ты беры оцихъ тры возы, а я ти заберу, або я ци заберу, а ты оти беры.»—Не хочу я такъ.—«А якъ же ты хочешъ?»—Передилы мени прыгорщамы.—Мусывъ винъ перемиряты ту силь прыгорщамы. Якъ ставъ мираты, домиравсь до того, що замисць пучокъ стыр-

чять сами кисткы,—ни кожи, ни мъяса нема. Отъ молодыця тоди й каже: «не треба мени, чоловиче, твоейи худобы; пожывай надбане добро съ своимы диточкамы, та тилько скажы мени: хто кого навчывъ—чы ты мене, чы я тебе?»

Записалъ В. Т. Андріевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Григорія Даниленка, среднихъ лѣтъ.

Манжура, Сказки, стр. 101. Бабська прычепа.

---

213. ПОКАРАНА ЖИНКА.

— Ну-те, а скажить мени, чы сьому може буты правда? Кажуть: одружывся йиденъ чоловикъ и жывуть соби удвохъ изъ жинкою. А жинка та вельмы гарна була. Отъ дывыцця разъ чоловикъ на нейи та й каже: «якъ-бы найшовсь якый панъ, щобъ добре заплатывъ, я бъ пустывъ тебе до нього. Чы пишла бъ?» пытае.—«А чому-жъ? абы гроши!» одказуе вона.

Побалакалы... Колы—стукъ, стукъ у викно: просыцця якыйсь панъ на ничъ. Увійшовъ у хату и шапкы не скынувъ Слово по слову, пидмовляе винъ молодыцю,—каже: «заплачу добре». Та згожуецця.» «Тилькы, каже панъ, я въ хати не хочу; ходимъ до стодолы.» Молодыця понесла туды подушкы, послалась.

А чоловика такы бере нетерплячка въ хати. Выходыть винъ исъ хаты, ажъ крычыть його жинка не своимъ голосомъ. Винъ—до стодолы, не видчыныть воритъ; винъ тоди до сусидъ. Покы се та те,—и пивни запилы,—тоди й ворота одчынылысь. Ускочылы туды, а жинкы вже не чуть; дывляцця, ажъ вона розирвата на-двое и йидною ногою до 'днійи, а другою до другойи сохы прывъязана...

А панъ той бувъ самъ нечыстый, тымъ винъ и шапкы не скыдавъ, щобъ не выдно рижкивъ було.

Записалъ В. Т. Андріевскій отъ Подолянина изъ Винницкаго уѣзда Гаврила Свистуна, человѣка среднихъ лѣтъ, въ 1894 году.

---

214. ЛЫХА ЖИНКА.

То йиздывъ Лытвынъ зъ горшкамы, чы зъ чымъ тамъ. Просыцця на ничъ. Отъ хазяйинъ и каже: «я бъ», — каже, — «раднишый, та у мене жинка така проклята... якъ прыйде зъ шынку, буде й тоби лыхо, й мени.» А Лытвынъ: «та пусты, братъ; я тыхо лежатыму.» Ото й зайихавъ. Повмощувалысь, лежать. Колы, — крычыть, гуркае, — вертаецця хазяйка зъ шынку: «свиты свитло, сыпъ вечеряты!» Чоловикъ схопывся, мотаецця, кынувся до печи, горшкы вытягае...

Отъ, удосвита вже, якъ переночувалы, Лытвынъ и каже: «ето, твоя, братъ, ище и зъ Богомъ, — хочъ засне сама, а моя — якъ не сповый та не заколышы, то й не засне.» А хазяйка чуе та: «бачъ, бачъ, якъ у добрыхъ людей поводыцця! Щобъ ты й мене сповывавъ!»

Лаштуецця Лытвынъ у дорогу. Выйшовъ и хазяйинъ поратысь Отъ, Лытвынъ йому й шепнувъ: «ты, каже, прыготовъ лантухъ та вирьовку, та укрундзюй добре та тоди — бычемъ, бычемъ; побачышъ, колы не кыне.»

Того жъ такы дня жинка знову напылась, иде и крычыть: «сповый мене!» А чоловикъ: «лягай, лягай!»... У його вже усе прылагоджено! Отъ ставъ винъ йийи укручувать. «Не туго!» крычыть жинка. Винъ трохы слабше, а на ногахъ якъ прытягне. Вона тоди: «о, гледы-жъ — ты ще й бытымешъ?...» — Заразъ и догадалась! А винъ завъязавъ та смыкъ йийи съ полу додолу та за бычъ... Якъ узявъ же йийи молотыты! Дакъ забожылась, запрысяглась: «якъ ко-

мандують люде жинкамы, такъ и ты командуй, а горилкы и въ ротъ не братыму.»

Вертаецця Лытвынъ той додому и навмысне зайиздыть до сього хазяйина. Пораецця уже молодыця коло печи. Познала Лытвына и такъ йому дякуе, такъ дякуе: «я,»—каже,—була зовсимъ пропаща людына, а теперъ я чесна господыня»...

(Записалъ В. Т. Андріевскій отъ козака Андрея Гавриша, среднихъ лѣтъ, въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. въ 1895 г.)

---

215. ВАТЬКО ТА СЫНЪ.

Бувъ соби батько, а въ його одынъ сынъ. Отъ якъ ставъ батько вже старый, такъ переставъ його сынъ поважаты и жалиты такъ якъ слидъ старого батька.

Одного разу почалы воны молотыты, и сынъ на снидання наризавъ беззубому батькови самыхъ шкурынокъ, а соби бравъ мнякушку. Вставъ батько з-за столу голоднисенькый, одначе пишовъ такы молотыты.

Якъ стало вже сонечко на обидъ, сынъ и клыче батька обидаты.

— Пидожды, сыну, одмовывъ йому батько, бо ще йисты не хочецця.

Пидождавъ сынъ трохы, а йисты дуже хоче; отъ вынъ и клыче удруге батька; а батько упъять и каже:

— Та щось йисты байдуже.

Вже й сонце зъ обидъ звертае, а воны все ще не йдуть обидаты

Дывуецця сынъ, що батько й доси не йде обидаты, та й пытае:

— Чому се вы, тату, й доси не голодни? а въ мене ажъ шкура болыть—йисты хочецця.

— А тому,—одмовывъ йому батько,—що йивъ шкурынкы, а въ шкурынци увесь хлибъ; мнякушка-жъ все одно, що й трава, въ ій сылы немае...

Съ тойи поры ставъ сынъ соби шкурынку зоставляты, а батькови мнякушку.

А тому того й треба.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

216. ДОБРЫЙ БАТЬКО.

Булы у батька тры сыны. И николы винъ на йихъ не гнивався, щобъ тамъ воны погане не зробылы.

Отъ сыны разъ, громадючы сино й змовылысь розгниваты батька. Узялы та якъ згромадылы першого стога й запалылы його.

Та не розгнивався батько. Пидійшовъ до стога и ставъ мовъ-бы гривъ рукы, а дали й каже:

— Ахъ, диты, диты, гарно зъ огнемъ и въ лити.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

217. ЯКЪ МОСКАЛЬ СТРЫБАВЪ.

Стояла у Кыйиви коло Лаврськойи дзвиныци купа людей и дывувалыся, яка вона высока.

Пидійшовъ до ныхъ одынъ Москаль, подывывся та й каже:

— Хочъ и высока, а я пидстрыбну выще видъ нейи.

— А ну-ну,—сказавъ одынъ панъ.

— Давай карбованця!

— То що—й дамъ; абы тилькы пидстрыбнувъ такъ, якъ кажешъ.

Взявъ москаль тоди й пидстрыбнувъ якъ на ликоть, а люды й пытають:

— Що-жъ ты?

— А що, - каже москаль,—нехай вона хочъ такъ пидстрыбне.

Ничого було робыты панови — вытягъ винъ карбованця й виддавъ москалеви, бо бувъ москаль правый.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

218. ЗЛОДІЙИ.

Прыйшлы Москали у хутиръ красты. Отъ деяки пишлы по городахъ и почалы полотно забираты, а други по улыцяхъ—грають та выспивують:

— Тягны, тягны не дримай, на вси бокы розглядай, не тягнецця—выймай нижъ та мерщій його й одрижъ.

Повыходылы люде, дывуюцця на музыку, а ще билше на спивы. А якъ Москали пишлы—оглядилысь, а полотна нема на городахъ.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

219. ХЫТРЫЙ ЦЫГАНЪ.

Посадывъ разъ чоловикъ Цыгана борщъ йисты й каже йому:

— Йижъ скилкы хочъ, але хочъ хвалы, хочъ коры, а бытыму й за те й за те.

Йисть Цыганъ, а самъ усе думае, якъ бы його выкрутытысь, щобъ не буты бытому.

Отъ найився, а чоловикъ и пытае:

— Ну, якый же борщъ?

— Однаковый,—каже Цыганъ.

Такъ и не впало чоловикови Цыгана быты.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

220. ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА.

Бувъ одынъ панъ у гостяхъ и добре тамъ гостювався, йивъ усяки стравы и пывъ усяки вына и такъ нагостювався, що не чувъ, якъ його й додому прывезлы. Прокынувся винъ та й крычыть:

— Лакей! вына!

— Нема, пане.

— Ну, то пыва!

— Нема й пыва.

— А де хыба я?

— Дома, пане.

— Ну, такъ давай воды!

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежской губ.)

221. ДВА БРАТЫ: СКУПЫЙ ТА ДОБРЫЙ.

Жылы соби сумижно два браты. Уродыйвъ йимъ Богъ хлиба. Сталы воны його молотыты.

Старшый молоте та потрапляе, щобъ солома йидомиша була скотыни, и не дуже вымолочуе зерно, хочъ и трошкы останецця, такъ винъ ничого, а другый выбывае все до канцура, щобъ зерна бильше було.

Якъ поскладалы солому, такъ того солому такъ и вкрыла галычъ. Пасуцця бачъ по ейи, та ище яка галка, то найде колосокъ та й несе геть.

Дывыцця меншый на це й глузуе съ старшого, гука на його: «Дывысь, Мыроне! рознесуть галкы солому!» А Мыронъ дывыцця та мовчыть, тилко думае: пидожды, ще що у тебе буде!

Прыйшла люта зима. У Мырона скотына ходе соби, любенька, сытенька, а у Ивана стала худнуты та слабнуты, а дали й дохнуты. И почало тоди вже до Ивана вороння литаты, та тико не до соломы, а на здохлятыну и почалы видъ Ивана не колоскы, а кышкы тягаты.

Дывыцця тоди Мыронъ та й гукае до Ивана: «дывысь, Иване,—рознесе вороння скотыну»!

Їилько чухаецця тоди Иванъ та жалкуе вже.

— Булобъ же, каже, и мени не дуже за зерномъ ганяцця.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы:

ОТДѢЛЪ III.

Страницы:

отдѣлъ IV.

отдѣлъ V.

Страницы:

ОТДѢЛЪ X.

Страницы:

ОТДѢЛЪ XI.

ОТДѢЛЪ XIII.

Страницы:

ДОБАВЛЕНІЯ.

23-00